



# УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО  
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА  
имени В. И. Вернадского

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 4 (70). № 4

Симферополь  
2018

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**  
**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО**  
**УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.**  
**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**

**Научный журнал**

**Том 4 (70), № 4**

Журнал «Ученые записки Крымского федерального  
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»  
является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического  
университета», который издается с 1919 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского**  
**Симферополь, 2018**

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»  
 Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета  
 имени В. И. Вернадского, протокол № 5 от 28 ноября 2018.  
 Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета  
 имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

**Непомнящий Андрей Анатольевич** – заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора, – главный редактор;

**Близняков Роман Александрович** – доцент кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», заместитель декана исторического факультета по научной работе, кандидат исторических наук – ответственный секретарь;

**Аксенова Галина Владимировна** – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственного педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Москва);

**Борщик Наталья Дмитриевна** – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

**Герцен Александр Германович** – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцента (г. Симферополь);

**Кондратьев Григорий Николаевич** – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

**Кравцова Елена Сергеевна** – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Курск);

**Крамаровский Марк Григорьевич** – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

**Науменко Валерий Евгеньевич** – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук (г. Симферополь);

**Майко Вадим Владиславович** – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

**Мосейкина Марина Николаевна** – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Москва);

**Петрова Элеонора Борисовна** – профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

**Платонова Надежда Игоревна** – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

**Романько Олег Валентинович** – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

**Степаненко Валерий Павлович** – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

**Тихонов Игорь Львович** – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Санкт-Петербург);

**Тункина Ирина Владимировна** – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

**Хлезов Александр Алексеевич** – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

**Храпунов Игорь Николаевич** – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

**Щевелев Сергей Стефанович** – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 28.11.2018. Формат 70х100/16. Усл. п. л. 14,06. Заказ № НП/224. Тираж 50 экз.

Подписной индекс объединенного каталога «Пресса России» 39924. Цена 220 руб.

Дата выхода в свет 20.12.2018 г.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7. <http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 908:929

## **ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НОВИЦКИЙ – НА СЛУЖБЕ РОССИИ**

**Задерейчук А. А.**

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского  
г. Симферополь, Российская Федерация  
e-mail: zadereychuka@mail.ru*

**Задерейчук И. П.**

*Крымский юридический институт (филиал) Академии  
Генеральной прокуратуры Российской Федерации  
г. Симферополь, Российская Федерация  
e-mail: zadereychuk@rambler.ru*

Осуществлена реконструкция биографии Таврического прокурора, а позднее губернатора Василия Васильевича Новицкого. На основании архивных материалов и периодической печати в научный оборот введены ранее неизвестные факты истории жизни и деятельности В. В. Новицкого на поприще прокурора Таврической губернии и ее губернатора. Охарактеризована его деятельность на различных должностях в судебном ведомстве и в прокуратуре. В статье проанализированы основные направления работы В. В. Новицкого на посту губернатора, который он занимал в период с 1906 г. и до своей смерти в 1911 г. Отмечено, что, находясь в этой должности, он не оставлял без внимания практически ни один вопрос, зачастую лично выезжал на места для решения особо злободневных проблем. В. В. Новицкий приложил немалые усилия для достижения политической стабильности в регионе, заботился об экономическом и культурном подъеме вверенной ему губернии. Проиллюстрированы систематические поездки, которые В. В. Новицкий совершал для изучения дел на местах, а в случае выявления недостатков принимал меры по их устранению. Отдельное внимание уделено его благотворительной деятельности, направленной на оказание помощи нуждающемуся населению, на поддержку функционировавших в губернии различных благотворительных учреждений. Раскрыты отдельные моменты его личной жизни, приведены факты активного участия в благотворительности губернии жены В. В. Новицкого.

**Ключевые слова:** Таврическая губерния, В. В. Новицкий, прокуратура, Крым.

В современной исторической науке все большую популярность приобретают работы биографического характера. Изучение жизни выдающихся представителей прошлых эпох способствует более глубокому пониманию исторических процессов, работы различных органов государственной власти, учебных заведений, промышленных предприятий и т. д. Отдельные биографии формируют в дальнейшем просопографические портреты, позволяющие выявить общие характеристики у определенных групп людей.

Несмотря на то, что российская прокуратура давно привлекает к себе внимание историков и на сегодняшний день накоплен значительный историографический материал, посвященный истории этого учреждения в разные периоды его существования, работ, которые бы рассматривали конкретных исторических

личностей, практически нет. В качестве исключения можно назвать работы А. Г. Звягинцева и Ю. Г. Орлова [1–4], однако авторы в своих изысканиях освещают биографии генерал-прокуроров Российской империи. Работ, которые бы восстанавливали биографии выдающихся прокурорских работников Таврической губернии, на сегодняшний день не выявлено. Данная статья преследует своей целью осветить биографию одного из прокуроров, ставшего позднее губернатором Таврической губернии, – Василия Васильевича Новицкого.

Василий Васильевич Новицкий родился в 1863 г. в деревне Скосаревке Ананьевского уезда Херсонской губернии в семье дворянина [5]. Первоначальное образование получил в Ананьевской гимназии, закончив ее в 1882 г. В аттестате зрелости было отмечено его прилежное поведение в период обучения в гимназии, а также склонность к успешному изучению математики и физики. Видимо, последнее и определило его поступление на 1 курс физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Будучи на первом курсе, Василий Новицкий принял для себя решение связать свою дальнейшую судьбу с юриспруденцией и написал заявление о переводе на юридический факультет. Обучаясь по выбранной специальности, будущий прокурор прослушивал лекции выдающихся русских юристов конца XIX – начала XX в., среди которых следует отметить профессоров И. Я. Фойницкого и его лекции по уголовному процессу, Н. Д. Сергиевского – по уголовному праву; Н. Л. Дювернуа – по гражданскому праву, В. И. Адамовича – по гражданскому процессу [6]. Благодаря таким профессорам Василий Новицкий получил фундаментальные знания в области права и навыки его применения; сформировал для себя базовые юридические принципы: прежде всего, – это соблюдение законности при занятии различных государственных должностей и принятии решения по тем или иным вопросам.

После окончания в мае 1886 г. юридического факультета [7] Василий Васильевич принял решение связать свою судьбу со службой в ведомстве Министерства юстиции. В конце XIX в. страна продолжала остро нуждаться в подготовленных выпускниках в области права, т. к. в этот период на территории Российской империи активно распространялись новые судебные учреждения, формировавшиеся после проведения судебной реформы 1864 г. Свою трудовую деятельность он начал при прокуроре Одесской судебной палаты. 1 ноября 1886 г. Василий Васильевич был назначен кандидатом в судебные должности. Уже с 29 декабря 1886 г. В. В. Новицкий служил помощником секретаря Одесского окружного суда. Через два года 12 мая 1888 г. Ананьевское уездное земское собрание Херсонской губернии избрало молодого юриста в добавочные мировые судьи, а с 14 мая он уже был избран в мировые судьи и находился в этой должности до 1 февраля 1890 г. С этого дня в течение последующих пяти лет будущий прокурор служил городским судьей г. Синицы, который входил в округ Черниговского окружного суда [8].

После накопленного юридического и жизненного опыта на различных судебных должностях он в 1895 г. перевелся в прокуратуру. С этого времени и до 1905 г. Василий Васильевич проходил службу на различных прокурорских должностях: товарищ прокурора Петрозаводского окружного суда (18 мая 1895 г. – 21 декабря 1895 г.); товарищ прокурора Либавского окружного суда (21 декабря 1895 г. –

1898 г.) [9]; товарищ прокурора Новгородского окружного суда (1898 – 13 марта 1900 г.) [10]; товарищ прокурора Санкт-Петербургского окружного суда (13 марта 1900 г. – 20 июля 1902 г.). За годы службы в органах прокуратуры Российской империи В. В. Новицкий получал самые лестные отзывы от коллег в свой адрес. В изученных исторических документах удалось выявить следующие профессиональные характеристики Василия Васильевича в бытность его судьей и товарищем прокурора. Например, в 1889 г., представляя В. В. Новицкого в числе других лиц на должность городского судьи, исполняющий должность старшего председателя Одесской судебной палаты П. Ф. Студентов отмечал, что данный претендент достоин занимать эту должность как по своим знаниям, так и по нравственным качествам. В 1892 г. прокурор Киевской судебной палаты князь Н. А. Ливен лично известил прокурора Черниговского окружного суда о том, что В. В. Новицкий «вполне добросовестный и полезный служебный деятель и нравственно безупречный, а потому при хороших своих способностях мог бы, несмотря на сравнительно недолгое служение в должности городского судьи, занять с пользою для дела просимую должность уездного члена окружного суда». В 1900 г. уже следующий начальник В. В. Новицкого, прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты Ф. Ф. Арнольд, дал положительную характеристику своему подчиненному: «при безупречных нравственных качествах обладает хорошими способностями и познаниями и с усердием относится к исполнению своих служебных обязанностей» [11].

Видимо, накопленный за семь лет опыт, а также положительные характеристики профессиональных и личностных качеств В. В. Новицкого способствовали его назначению на должность прокурора Симферопольского окружного суда, в которой он прослужил с 20 июля 1902 г. по 11 ноября 1905 г. Затем приказом был переведен в Одессу для руководства прокуратурой Одесского окружного суда, однако туда так и не выехал. Вскоре последовало высочайшее повеление о назначении В. В. Новицкого и. о. Таврического губернатора [12].

Будучи прокурором Симферопольского окружного суда, В. В. Новицкий особое внимание уделял осуществлению прокуратурой своих функций во вверенном ему округе на основе принципов, закрепленных в Судебной реформе 1864 г. Показательным в этом отношении может быть пример посещения прокурором симферопольского городского полицейского управления 3 декабря 1902 г. Василий Васильевич выступил перед полицейскими чинами с речью. В ней он отметил важность участия полиции в производстве следствия и дознания. В частности, прокурор отметил, что «чины полиции в этом отношении являются ближайшими сотрудниками прокурорской и следственной власти», и призывал их к единению на пользу общего долга [13].

В 1905 г. Таврическая губерния стала одним из активных центров первой русской революции 1905–1907 гг., что негативно отразилось и на органах государственной власти. Только за один 1905 г. в регионе сменилось два губернатора. В мае 1905 г. в отставку ушел губернатор В. Ф. Трепов. Его пост занял Е. Н. Волков, но и он продержался у власти недолго и ушел в отставку после ряда крупных социальных протестов в Крыму. Первым камнем преткновения стал

Симферопольский погром 18 октября 1905 г. Губернатора обвиняли, что указанное событие произошло с его молчаливого согласия, сам же Е. Н. Волков в периодической печати это отрицал [14]. Окончательное решение о его отставке было принято после Севастопольского восстания 11–15 ноября 1905 г.

В условиях роста социальных протестов, перерастающих в вооруженные мятежи, приводившие к кровопролитиям и человеческим жертвам, возникла острая необходимость в поиске кандидатуры нового губернатора. Осуществлялся поиск личности, которая могла бы справиться с революционными настроениями среди населения губернии, обеспечить в ней правопорядок и верховенство права. Выбор был сделан в пользу Василия Васильевича Новицкого. Видимо, такое решение было продиктовано рядом обстоятельств: во-первых, он очень хорошо знал оперативную обстановку в регионе, т.к на протяжении 1902–1905 гг. занимал должность прокурора Симферопольского окружного суда; во-вторых, В. В. Новицкий пользовался авторитетом среди местного чиновничества и населения; в-третьих, глубокие профессиональные навыки в области права должны были способствовать реализации в губернии нового законодательства, в частности, о созыве Государственной Думы, а также обеспечению реализации принципов законности в управлении.



*В. В. Новицкий*



Уже 23 декабря 1905 г. Николай II дал согласие на назначение В. В. Новицкого исправлять обязанности Таврического губернатора, а 13 января 1906 г. он был утвержден в этом статусе [15]. Василий Васильевич сразу же выехал в Крым и уже 2 февраля 1906 г. телеграфировал министру внутренних дел о прибытии в Симферополь и вступлении в должность [16]. Окончательно он был назначен на должность Таврического губернатора 1 января 1908 г. [17].

Первостепенной задачей губернатора стало наведение порядка во вверенном ему регионе путем стабилизации политической ситуации. Понимая взвалившийся на него груз ответственности и необходимость в кратчайшие сроки обеспечить правопорядок, В. В. Новицкий пошел даже на разделение власти. По собственной инициативе, понимая важность Ялты как царского курорта и правильно оценивая личностные качества претендента, В. В. Новицкий передал власть над этим регионом полковнику Ивану Антоновичу Думбадзе. Он стал главноначальствующим города, по сути утвердив здесь режим личного контроля. Только благодаря таким мерам И. А. Думбадзе удалось в короткие сроки стабилизировать ситуацию в Ялте [18].

Находясь на посту губернатора, Василий Васильевич по должности состоял председателем в целом ряде организаций. Например, возглавлял губернское по земским и городским делам присутствие, Губернское по воинской повинности присутствие, Губернский статистический комитет, Губернский попечительный комитет о тюрьмах, Таврический губернский комитет попечительства о народной трезвости, Губернское по промысловому налогу присутствие, Губернское по фабричным и горнозаводским делам присутствие, лесоохранительный комитет [19].

Таврический губернатор занимался системной работой по проведению в жизнь положений Столыпинской аграрной реформы. В частности, в 1908 г. было издано распоряжение, которое предусматривало наказание лиц, препятствовавших крестьянам свободно выходить из общины или пользоваться закрепленными за ними в личную собственность участками земли. За указанные действия могло применяться административное наказание в виде штрафа до 500 руб., с заменой в случае несостоятельности виновного выплатить назначенную сумму арестом до 3-х месяцев [20].

Немаловажное значение Василий Васильевич придавал вопросам борьбы с распространением различных вирусных болезней в регионе. В частности, строго следил за проведением прививок против оспы [21], занимался вопросами профилактики холеры. Например, при посещении Ялты он лично осматривал рынки, бойни, рестораны и различные лавки на предмет соблюдения их владельцами правил санитарной безопасности. При выявлении нарушений привлекал виновных к ответственности. Так, в 1908 г. владелец бакалейной лавки в Ливадийской слободке Василий Мельников за очень грязное ее содержание был оштрафован на 300 руб. или подвергнут аресту сроком на 3 месяца; Ахмеда Мустафу Сардер оглу за антисанитарию в арендуемом им дворе в Алуште оштрафовали на 50 руб. [22]. Владелец кавказского ресторана «Казбек» после тщательного осмотра за антисанитарное содержание заведения был подвергнут штрафу в размере 300 руб. [23].



Достижение результатов в профилактике инфекционных заболеваний, прежде всего холеры, губернатор видел не только в тщательной проверке санитарного состояния различных заведений в регионе, но и в проведении просветительских бесед на означенную тему. В. В. Новицкий настаивал на необходимости организации органами городского самоуправления лекций, которые бы способствовали формированию среди населения знаний о холере и способах ее недопущения. Отдельной мерой, по мнению губернатора, могло стать распространение листовок и брошюр соответствующего содержания. Кроме того, губернатор требовал от своих подчиненных принимать все меры к широкому оповещению населения по вопросам, куда именно следует направлять больных с подозрением на холеру [24].

Профессиональная деятельность В. В. Новицкого на поприще улучшения эпидемиологической ситуации во вверенной губернии была отмечена императором. Николай II на отчете губернатора о состоянии Таврической губернии за 1909 г. собственноручно написал следующие слова: «Благодарю губернатора за его энергичную и успешную деятельность по борьбе с холерой» [25].

Губернатор В. В. Новицкий не оставался в стороне и от вопросов, связанных с развитием в регионе лечебных заведений. Например, в феврале 1908 г. он отстаивал в министерстве внутренних дел ходатайство Таврической губернской управы о необходимости выделения безвозвратной ссуды в размере 100 тыс. руб. для расширения Сакской грязелечебницы. Один из его аргументов заключался в том, что Сакская грязелечебница занимала одно из главных мест среди подобных учреждений в Российской империи и обслуживала нужды как жителей Таврической губернии, так и всех, кто нуждался в лечении местными грязями [26]. Отстаивая развитие Сакской грязелечебницы, губернатор стремился не только поддержать лечебное заведение, но преследовал более глубинные цели развития региона в целом, понимая, что развитие грязелечебницы будет способствовать росту привлекательности Крыма как курорта.

Не обошел своим вниманием В. В. Новицкий и проблемы народного образования, особенно национального. В частности, он принял активное участие в разрешении проблемы функционирования школ для обучения крымских татар мектебе-рушдие. Они открывались самовольно, а преподавателями зачастую выступали турецкоподанные учителя. Губернатор настоял на том, чтобы все существовавшие школы данного типа были закрыты до 1 февраля 1909 г. или введены в рамки правил 1906–1907 годов, т. е. включены в правовое поле российской системы образования. И в последующие годы губернатор не оставлял без внимания вопрос образования крымско-татарских детей. Он продолжал интересоваться судьбой этих учебных заведений, перешедших под управление Таврического магометанского духовного правления. Например, 19 июня 1910 г. В. В. Новицкий принял участие в совещании по вопросу о существовании в Таврической губернии татарских школ мектебов-рушдие, которое проходило в здании Симферопольской мужской гимназии. Одним из главных результатов этого совещания стало увеличение количества часов на преподавание русского языка [27].

Таврический губернатор неоднократно проявлял внимание к нуждам населения. Именно по его инициативе в январе 1911 г. в губернском правлении состоялось совещание для организации губернского комитета по оказанию помощи лицам,

пострадавшим от землетрясения в Семиреченской области. В ходе выборов членов комитета В. В. Новицкий был избран его председателем [28]. В самом совещании, помимо губернатора, приняли участие: вице-губернатор П. Н. Масальский, председатель губернского земства Я. Т. Харченко, заместитель городского головы, член управы А. М. Шлее, директор народных училищ г. Маргаритов, директор частной гимназии М. А. Волошенко, некоторые чины губернской администрации, представители духовенства, магометанского общества, еврейского общества, представители финансового мира и др. Многие присутствующие выразили готовность оказывать помощь пострадавшим. Например, представитель духовенства о. Серафим заявил, что преосвященный епископ Феофан полагает для этой цели созвать в скором времени съезд из представителей всей епархии. Представители магометанского общества по предложению губернатора обещали произвести сборы среди своих единомышленников. Также по предложению В. В. Новицкого по подписному листу были собраны денежные средства в размере 1001 руб. [29].

Помощь жителям Семиреченской области не была единственным примером небезразличного отношения к нуждам населения со стороны В. В. Новицкого. В феврале 1911 г. в Крыму выдалась суровая зима, что негативно отразилось на положении жителей Ялтинского и Феодосийского уездов. Губернатор, реагируя на сложившуюся ситуацию, обратился телеграммой за помощью к Министру внутренних дел и главноуправляющему земледелием и землеустройством. В ней он обращал внимание министерства на то, что «все дороги занесены сугробами снега, подвоз съестных припасов и дров прекратился. Люди голодают и мерзнут. Скот и овцы за отсутствием запасов корма гибнут. Жители Таракташской волости Феодосийского уезда начали рубить фруктовые сады для отопления. Работы по восстановлению сообщения не достигают результатов. Снежные бураны почти ежедневно все заносят». Далее он ходатайствовал об экстренном разрешении жителям Ялтинского и Феодосийского уездов временно пользоваться дровами ближайших казенных дач. Более того, не оставаясь в стороне от проблемы, желая лично оценить все размеры бедствия и возможные его последствия, В. В. Новицкий выехал в Ялту, о чем извещал и начальство: «Лично выезжаю в Ялту, но не ручаюсь, что доберусь. Необходимо не только облегчить настоящее бедствие, но и изыскать меры к возможному предупреждению неисчислимых несчастий от будущего наводнения» [30]. Обращение губернатора имело успех. Уже спустя 4 дня в газете «Крымский вестник» был опубликован ответ директора лесного департамента, в котором жители Ялтинского и Феодосийского уездов на срок до 1 марта получили разрешение брать дрова из мертвого леса ближайших казенных дач за половину стоимости [31]. Такая деятельность Василия Васильевича была продиктована желанием как оказать помощь нуждающимся в тепле людям, так и сохранить крымские фруктовые сады.

Помимо служебной деятельности на посту Таврического губернатора, Василий Васильевич и как частное лицо уделял значительное внимание заботе о незащищенных и нуждающихся слоях тогдашнего общества. В частности, В. В. Новицкий был одним из попечителей Александровского отдела попечительства государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых. Наряду с ним

почетными членами состояли Председатель Совета Министров П. А. Столыпин, член Государственного совета А. Б. Нейдгарт, Главноуправляющий Собственной ее величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии Федоровны князь Д. П. Голицын, Епископ Екатеринославский и Таганрогский Симеон и Епископ Таврический и Симферопольский Алексей. Одним из примеров работы этого благотворительного заведения стало открытие в 1907 г. школы-санатория для глухонемых в дачном районе в Евпатории. Школа-санаторий была построена в два этажа и рассчитана на 50 человек глухонемых. В учебном заведении имелась в наличии библиотека, пять классных комнат, столовая, небольшая церковь, рекреационный зал, кухня, кладовая. Указанные учреждения содержались за счет пособий от земства Таврической и Екатеринославской губерний, пожертвований. Забота о подобных заведениях была популярна и среди общественных деятелей, безвозмездно принимавших на себя громаднейший труд попечения о них [32].

Наряду со своей деятельностью в Александровском отделе В. В. Новицкий состоял членом и многих других общественных и благотворительных учреждений. В июне 1909 г. Бердянское уездное попечительство детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны назначило В. В. Новицкого пожизненным почетным членом вышеназванного попечительства [33]. Кроме того, он был членом общества Красного Креста [34].



*Школа-санаторий для глухонемых в г. Евпатории*

Небезразличными для В. В. Новицкого были и вопросы защиты окружающей среды. Уже в то время в обществе существовало понимание о необходимости сохранения природы Крыма для будущих поколений. Например, губернатор в 1908 г. обратил внимание на публикацию в газете «Русская Ривьера» под названием «Одна из причин уменьшения рыбы у Южного берега Крыма». В этой публикации шла речь

о загрязнении воды Черного моря у берегов Ялты. Василий Васильевич отдал распоряжение уездному исправнику проверить информацию и в случае ее подтверждения принять меры по устранению проблемы [35].

Еще одним примером может служить забота губернатора о сохранении фауны Таврической губернии. В своем обращении к начальникам полиции и земским начальникам В. В. Новицкий обращал внимание на массовые нарушения правил охоты в губернии. Особо губернатор указывал на тот факт, что этим делом в губернии зачастую занимались лица, не имеющие соответствующих свидетельств, а также не были выверены сроки разрешенной охоты. В своей речи В. В. Новицкий сетовал, что местные полицейские чины или сельские власти, несмотря на неоднократные указания по этому предмету, продолжают относиться совершенно безразлично к названным нарушениям, а случаи привлечения к ответственности виновных очень редки. Все это, по мнению губернатора, приводило к истреблению естественных богатств Российской империи. Заканчивая свою речь, начальник губернии обратился к указанным выше должностным лицам с требованием об установлении самого бдительного и неуклонного надзора за точным исполнением правил об охоте [36].

Бережное отношение В. В. Новицкого к животным проявилось и в том случае, когда он издал распоряжение, запрещающее наносить животным удары какими бы то ни было орудиями, а также перегружать лошадей [37].

За годы своей безупречной службы В. В. Новицкий был отмечен рядом государственных наград и благодарностей. Среди ведомственных наград стоит отметить: орден Св. Анны III ст. (1 января 1899 г.) и II ст. (1 января 1903 г.); орден Св. Владимира IV ст. (1 января 1905 г.).

Помимо высоких государственных наград, за достижения в службе неоднократно отмечался различными благодарностями от представителей правящих династий. 22 декабря 1907 г. получил разрешение от императора Николая II на принятие ордена Бухарская Золотая звезда I степени. Этот орден был утвержден в Бухарском эмирате в 1881 г. Им награждались представители русской администрации и чиновничества. Золотая звезда с алмазами занимали наивысший класс в системе ордена Благородной Бухары [38]. В январе 1911 г. В. В. Новицкому разрешили принять Бухарскую Золотую звезду с алмазными украшениями, являвшуюся наивысшим классом в системе ордена Благородной Бухары [39]. Губернатор принимал благодарности и подарки и от русского императора и членов его семьи. 16 декабря 1909 г. император Николай II пожаловал В. В. Новицкому портрет с собственноручной подписью. По существовавшим тогда правилам Василий Васильевич отапортовал о полученном подарке на имя Министра внутренних дел П. А. Столыпина [40]. 22 декабря 1909 г. император объявил благодарность за отличный порядок в городе Ялте и окрестностях во время пребывания в Ливадии [41]. Получал Василий Васильевич благодарности и за труды на поприще благотворительной деятельности. В частности, императрица Мария Федоровна объявила губернатору благодарность «За усердие и плодотворные заботы о детском приюте графини Адельберг, оказавшемся в особенно хорошем порядке и производящем особенно благоприятное впечатление во время его осмотра его главноуправляющим собственною его императорского величества канцелярией по

учреждениям императрицы Марии» [42]. Указанные выше примеры поощрения В. В. Новицкого свидетельствуют о его высоком профессионализме, ответственном подходе к делам, находившимся в его компетенции. 6 декабря 1908 г. решением императора Николая II за высокие успехи в службе Василий Васильевич Новицкий был произведен в действительные статские советники [43]. В этом чине он служил до своей смерти.

Совсем немного известно о личной жизни В. В. Новицкого. Он был женат на Варваре Николаевне (урожденной Полторацкой), родившейся 1 октября 1871 г. в дворянской семье в уездном городе Сосница Черниговской губернии [44]. Бракосочетание состоялось 22 января 1891 г. В браке родились две девочки: Варвара (род. 3 февраля 1892 г.) и Юлия (род. 13 апреля 1893 г.) [45]. В начале XX в. супруга владела 900 дес. земли в своем родовом имении [46].

Будучи по натуре человеком активным и сострадающим, он волею судьбы получил себе в спутницы жизни женщину с аналогичными качествами. Варвара Николаевна также была деятельной женщиной. Она активно занималась филантропической деятельностью и развивала это движение в Таврической губернии. Уже 4 ноября 1907 г. на общем собрании членов Таврического отделения Российского общества Красного Креста ее избрали председателем вместо М. Л. Скадовской, уехавшей из Крыма на постоянное место жительства в Петербург [47]. Она успешно занимала эту должность до смерти своего мужа. Уже после ее отъезда из Симферополя в мае 1911 г. В. Н. Новицкую избрали почетным членом этого общества [48]. В период с 1906 по 1911 гг. она входила в состав Симферопольского благотворительного общества. В 1906 г. она была его членом, а с 1907 по 1911 гг. занимала должность председателя. Само общество в этот период активно осуществляло деятельность по следующим направлениям: содержание двух воскресных школ, ясель, богадельни, ночлежного приюта, организация и проведение воскресных чтений, расходы по богадельне, ночлежный приют, выплата пособий бедным жителям города [49–50]. Помимо руководства Симферопольским благотворительным обществом, Варвара Николаевна выплачивала ежегодные членские взносы, а также время от времени жертвовала одноразовые денежные суммы. Например, в 1907 г. к Рождеству она пожертвовала 10 руб. на ясли [51].

Помимо председательствования в благотворительных обществах, Варвара Николаевна уделяла внимание реализации иных проектов на ниве благотворительной деятельности. Например, в 1909 г. она выступила инициатором создания Временного комитета помощи жертвам служебного и гражданского долга в Таврической губернии, и по специально организованной подписке ей удалось в первые месяцы собрать свыше 10 тыс. руб. оборотного капитала. Главная цель созданного общества, согласно утвержденному уставу, заключалась в «доставлении материальных средств лицам, пострадавшим от террористических актов при исполнении служебного или гражданского долга, а равно семействам таких лиц и родственникам, состоящим на их попечении, без различия пола, возраста, звания, состояния и вероисповедания». Кроме того, общество планировало покупать земельные участки, дома, а также орудия производства, видимо, с целью передачи всего этого нуждающимся сиротам и вдовам погибших лиц при исполнении своих служебных обязанностей [52].

Василий Васильевич Новицкий умер 8 апреля 1911 г. в 3 часа дня в Симферополе. Его смерть стала неожиданностью для многих, несмотря на то, что в последние годы у него нередко наблюдались сердечные недомогания и болезнь почек [53]. За две недели до трагедии Василий Васильевич специально ездил в Москву к профессору Л. Е. Голубину (русский врач-терапевт, основоположник клинической эндокринологии в России, директор терапевтической клиники медицинского факультета Московского университета) для консультации по поводу своего лечения. Врачи поставили диагноз «острый нефрит», который стремительно развился и привел к смертельному исходу [54].

В день похорон с В. В. Новицким пришлось проститься большое количество желающих. Как писали тогдашние газеты, «Войска гарнизона были выстроены по обеим сторонам Лазаревской улицы. Все широкие тротуары этих улиц представляли собою одно море голов». Гроб окружала масса венков: от чинов служащих губернского правления, от Таврического дворянства, от Таврического муфтия, от мусульман, от еврейского и караимского обществ, от общества приказчиков г. Симферополя, от чинов городской и уездной полиции, от стражников, от ремесленного собрания, от семьи вице-губернатора И. Н. Масальского, от семьи Я. Т. Харченко и многих других, что свидетельствовало о популярности руководителя губернии среди местного населения [55].

В одном из некрологов было отмечено, что ушел из жизни один из выдающихся администраторов, «много и энергично поработавший в интересах вверенной ему губернии, который успел за короткое время предпринять и привести в исполнение длинную вереницу полезных мероприятий, в значительной степени содействовавших культурно-промышленному развитию нашего края» [56].

Василий Васильевич Новицкий был похоронен в селении Шабалино Черниговской губернии [57].

Таким образом, Василий Васильевич Новицкий, получив блестящее образование на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, всю свою жизнь посвятил служению закону. Именно находясь в должностях судей, а затем работая в прокуратуре, Василий Васильевич заботился о беспрекословной реализации базовых юридических принципов, внедренных судебной реформой 1864 г.: законности, справедливости наказания, неотвратимости наказания, равенства всех перед судом. Полученный опыт, а также авторитет среди местного населения и руководителей страны способствовал его назначению губернатором Тавриды в один из самых сложных ее исторических периодов. Именно ему пришлось обеспечить наведение порядка во вверенной административно-территориальной единице, добиться стабилизации политической, социальной и экономической ситуации. При нем было проведено три избирательных кампании в Государственную Думу, завершено строительство здания Симферопольского окружного суда, построены театры в Ялте и Симферополе, проводилась земельная реформа, инициированная П. А. Столыпиным, обеспечен постепенный рост перерабатывающей отрасли промышленности.

Являясь по натуре личностью сострадающей, В. В. Новицкий снискал себе благодарность и на филантропическом поприще. И он, и его жена выступали

активными участниками благотворительных учреждений губернии, инициировали различные акции в помощь нуждающимся слоям населения. Опыт этого государственного деятеля и сегодня может быть примером и использоваться современными чиновниками.

**Список использованных источников и литературы**

1. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. – М.: РОССПЭН, 1994. – 318 с.  
Zvyagintsev A. G., Orlov YU. G. Oko gosudarevo. Rossijskie prokurory. XVIII vek. – М.: ROSSPEN, 1994. – 318 s.
2. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX век. – М.: РОССПЭН, 1995. – 382 с.  
Zvyagintsev A. G., Orlov YU. G. Tajnye sovetniki imperii. Rossijskie prokurory. XIX vek. – М.: ROSSPEN, 1995. – 382 s.
3. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906–1917. – М.: РОССПЭН, 1996. – 432 с.  
Zvyagintsev A. G., Orlov YU. G. V ehpokhu potryasenij i reform. Rossijskie prokurory 1906–1917. – М.: ROSSPEN, 1996. – 432 s.
4. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. От первого прокурора России до последнего прокурора Союза. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 383 с.  
Zvyagintsev A. G., Orlov YU. G. Ot pervogo prokurora Rossii do poslednego prokurora Soyuz. – М.: Olma-Press, 2001. – 383 s.
5. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 14, оп. 3, д. 22634, л. 2.  
Tsentral'nyj Gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv Sankt-Peterburga (TSGIA SPb.), f. 14, op. 3, d. 22634, l. 2.
6. ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 22634, л. 1–7.  
TSGIA SPb., f. 14, op. 3, d. 22634, l. 1–7.
7. ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 22634, л. 13.  
TSGIA SPb., f. 14, op. 3, d. 22634, l. 13.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 200–204.  
Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv (RGIA), f. 1284, op. 46, d. 171, l. 200–204.
9. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 205–206.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 205–206.
10. РГИА, ф. 1405, оп. 529, д. 232, л. 5.  
RGIA, f. 1405, op. 529, d. 232, l. 5.
11. РГИА, ф. 1405, оп. 529, д. 232, л. 5.  
RGIA, f. 1405, op. 529, d. 232, l. 5.
12. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 200–206.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 200–206.
13. Хроника // Крым. – 1902. – № 220. – 3 декабря.  
Khronika // Krym. – 1902. – № 220. – 3 dekabrya.
14. От Таврического губернатора заявление // Голос Тавриды. – 1905. – № 227. – 22 октября.  
Ot Tavricheskogo gubernatora zayavlenie // Golos Tavridy. – 1905. – № 227. – 22 oktyabrya.
15. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 4.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 4.
16. Местная хроника // Крым. – 1906. – № 26. – 2 февраля.  
Mestnaya khronika // Krym. – 1906. – № 26. – 2 fevralya.
17. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 63.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 63.



18. Соболевская Т. В. История Ялтинского градоначальства 1914–1917 гг. по документам Государственного архива Республики Крым // Крымский архив. – 2016. – № 1. – С. 107–108.  
Sobolevskaya T. V. Istoriya Yaltinskogo gradonachal'stva 1914–1917 gg. po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Krym // Krymskij arkhiv. – 2016. – № 1. – S. 107–108.
19. Адрес-календарь и справочная книга Таврической губернии на 1910 год. – Симферополь: Таврическая губернская типография, 1910. – С. 2–20.  
Adres-kalendar' i spravochnaya kniga Tavricheskoj gubernii na 1910 god. – Simferopol': Tavricheskaya gubernskaya tipografiya, 1910. – S. 2–20.
20. Хроника // Русская Ривьера. – 1908. – № 82. – 10 апреля.  
Khronika // Russkaya Riv'era. – 1908. – № 82. – 10 aprelya.
21. Хроника // Русская Ривьера. – 1908. – № 170. – 29 июля.  
Khronika // Russkaya Riv'era. – 1908. – № 170. – 29 iyulya.
22. Хроника // Русская Ривьера. – 1908. – № 214. – 23 сентября.  
Khronika // Russkaya Riv'era. – 1908. – № 214. – 23 sentyabrya.
23. Хроника // Русская Ривьера. – 1908. – № 202. – 7 сентября.  
Khronika // Russkaya Riv'era. – 1908. – № 202. – 7 sentyabrya.
24. Хроника // Русская Ривьера. – 1908. – № 208. – 16 сентября.  
Khronika // Russkaya Riv'era. – 1908. – № 208. – 16 sentyabrya.
25. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 193.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 193.
26. Хроника // Русская Ривьера. – 1908. – № 48. – 1 марта.  
Khronika // Russkaya Riv'era. – 1908. – № 48. – 1 marta.
27. Хаяли Р. И. Реализация культурно-национальной автономии движением «Поколение 1905 года» в Крыму (1907–1914 годы) // Юридический вестник Дагестанского гос. университета. – 2016. – № 1. – С. 17–18.  
Khayali R. I. Realizatsiya kul'turno-natsional'noj avtonomii dvizheniem «Pokolenie 1905 goda» v Krymu (1907–1914 gody) // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gos. universiteta. – 2016. – № 1. – S. 17–18.
28. Помощь пострадавшим в Семиреченской области // Крымский вестник. – 1911. – № 23. – 25 января.  
Pomoshh' postradavshim v Semirechenskoj oblasti // Krymskij vestnik. – 1911. – № 23–25 yanvarya.
29. Помощь пострадавшим в Семиреченской области // Крымский вестник. – 1911. – № 23. – 25 января.  
Pomoshh' postradavshim v Semirechenskoj oblasti // Krymskij vestnik. – 1911. – № 23–25 yanvarya.
30. Хроника // Крымский вестник. – 1911. – № 30. – 1 февраля.  
Khronika // Krymskij vestnik. – 1911. – № 30. – 1 fevralya.
31. Хроника // Крымский вестник. – 1911. – № 33. – 5 февраля.  
Khronika // Krymskij vestnik. – 1911. – № 33. – 5 fevralya.
32. Учреждения Александровского отдела попечительства государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых / Сост. Н. Лаговский. – Александровск: Тип. при училище глухонемых, 1910. – С. 17.  
Uchrezhdeniya Aleksandrovskogo otдела popечitel'stva gosudaryni imperatritsy Marii Fedorovny o glukhonemykh / Sost. N. Lagovskij. – Aleksandrovsk: Tip. Pri uchilishhe glukhonemykh, 1910. – S. 17.
33. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 106.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 106.
34. Заседание отдела Красного Креста // Южные ведомости. – 1911. – № 101. – 5 мая.  
Zasedanie otдела Krasnogo Kreста // Yuzhnye vedomosti. – 1911. – № 101. – 5 maya.
35. Хроника // Русская Ривьера. – 1908. – № 124. – 5 июня.  
Khronika // Russkaya Riv'era. – 1908. – № 124. – 5 iyunya.
36. Хроника // Русская Ривьера. – 1908. – № 140. – 24 июня.  
Khronika // Russkaya Riv'era. – 1908. – № 140. – 24 iyunya.
37. Хроника // Русская Ривьера. – 1908. – № 109. – 16 мая.  
Khronika // Russkaya Riv'era. – 1908. – № 109. – 16 maya.

38. 100 великих наград. – М.: Вече, 2003. – С. 128.  
100 velikikh nagrad. – M.: «Veche», 2003. – S. 128.
39. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 200–206.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 200–206.
40. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 124.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 124.
41. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 126.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 126.
42. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 175.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 175.
43. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 200.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 200.
44. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 200.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 200.
45. РГИА, ф. 1284, оп. 46, д. 171, л. 216.  
RGIA, f. 1284, op. 46, d. 171, l. 216.
46. РГИА, ф. 1405, оп. 529, д. 232, л. 5–6.  
RGIA, f. 1405, op. 529, d. 232, l. 5–6.
47. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 114, оп. 1, д. 145, л. 51.  
Gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Krym (GARK), f. 114, op. 1, d. 145, l. 51.
48. Заседание отдела Красного Креста // Южные ведомости. – 1911. – № 101. – 5 мая.  
Zasedanie otдела Krasnogo Kresta // Yuzhnye vedomosti. – 1911. – № 101. – 5 maya.
49. Отчет главного правления Симферопольского благотворительного общества за 1906 год. – Симферополь: Тип. Коршунова и Г. Эпеля, 1907. – 40 с.  
Otchet glavnogo pravleniya Simferopol'skogo blagotvoritel'nogo obshhestva za 1906 god. – Simferopol': Tip. Korshunova i G. Ehpelya, 1907. – 40 s.
50. Отчет главного правления Симферопольского благотворительного общества за 1911 год. – Симферополь: Тип. М. М. Эйдлина, 1912. – 51 с.  
Otchet glavnogo pravleniya Simferopol'skogo blagotvoritel'nogo obshhestva za 1911 god. – Simferopol': Tip. M. M. Ejdlina, 1912. – 51 s.
51. Отчет главного правления Симферопольского благотворительного общества за 1907 год. – Симферополь: Тип. Коршунова и Г. Эпеля, 1908. – С. 28.  
Otchet glavnogo pravleniya Simferopol'skogo blagotvoritel'nogo obshhestva za 1907 god. – Simferopol': Tip. Korshunova i G. Ehpelya, 1908. – S. 28.
52. Хроника // Крымский вестник. – 1909. – № 50. – 23 февраля.  
Khronika // Krymskij vestnik. – 1909. – № 50. – 23 fevralya.
53. В. В. Новицкий // Ялтинский вестник. – 1911. – № 486. – 10 апреля.  
V. V. V. Novitskij // Yaltinskij vestnik. – 1911. – № 486. – 10 aprelya.
54. Внезапная кончина Таврического губернатора В. В. Новицкого // Крымский вестник. – 1911. – № 92. – 10 апреля.  
Vnezapnaya konchina Tavricheskogo gubernatora V.V. Novitskogo // Krymskij vestnik. – 1911. – № 92. – 10 aprelya.
55. Перевезение тела В. В. Новицкого на вокзал // Крымский вестник. – 1911. – № 93. – 14 апреля.  
Perevezenie tela V. V. Novitskogo na vokzal // Krymskij vestnik. – 1911. – № 93. – 14 aprelya.
56. Некролог В. В. Новицкого // Русская Ривьера. – 1911. – № 80. – 10 апреля.  
Nekrolog V. V. Novitskogo // Russkaya Riv'era. – 1911. – № 80. – 10 aprelya.
57. Русский провинциальный некрополь: Картотека Н. П. Чулкова из собр. Гос. Лит. музея. – М.: Эллис Лак: Товарищество «Река времен», 1996. – 415 с.  
Russkij provintsial'nyj nekropol': Kartoteka N. P. Chulkova iz sobr. Gos. Lit. muzeya. – M.: Ehllis Lak: Tovarishhestvo «Reka vremen», 1996. – 415 s.

**Zadereychuk A. A., Zadereychuk I. P. Vasily Vasilyevich Novitsky – for the service of Russia**

The article reconstructs the biography of the Tauride Prosecutor, and later the governor Vasily Vasilievich Novitsky. On the basis of archival materials and periodicals, previously unknown facts of the history of Novitsky's life and activities in the field of the prosecutor of the Taurida Gubernia and its governor were introduced into the scientific circulation. His activities in various positions in the judicial department and in the prosecutor's office are characterized. The article analyzes the main directions of V.V. Novitsky's work as governor, which he occupied from 1906 until his death in 1911. It was noted that while in this position he did not leave almost no issues without attention, often personally traveled to the field to deal with particularly topical problems. Novitsky made considerable efforts to achieve political stability in the region, cared about the economic and cultural upsurge of the province entrusted to him. The systematic trips that V. V. Novitsky made to study cases on the ground are illustrated, and in case of revealing the shortcomings he took measures to eliminate them. Special attention is paid to his charitable activities aimed at helping the needy population, to support the various charitable institutions that functioned in the province. Separate moments of his private life are revealed, the facts of active participation in the charity of the province of V. Novitsky's wife are given.

**Keywords:** Tavricheskaya guberniya, V. V. Novitsky, Prosecutor's office, Crimea.

**УДК 9.94**

## **АНТОНИО ГРАМШИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ**

**Коскова А. С.**

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,  
г. Симферополь, Российская Федерация  
E-mail: annakoskova@gmail.com*

**Щевелев С. С.**

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,  
г. Симферополь, Российская Федерация  
E-mail: k0507622530@gmail.com*

Рассматриваются общие вопросы биографии и творчества теоретика-марксиста и практика-революционера, коммунистического деятеля, основателя Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши. Авторы статьи рассматривают актуальность практического и теоретического наследия итальянского мыслителя, который в своем творчестве затрагивает проблемы исторические, экономические, социально-политические аспекты современной ему действительности, а также анализирует исторические реалии. Рассматриваются периодика творчества Грамши, источники влияния его мыслительной и практико-политической деятельности 20–30-х гг. в Италии. Обозначаются проблемы и особенности изучения текстов Грамши для российского исследователя. Особо подчеркивается многогранность и широта затрагиваемой тематики в работах Грамши, которыми он вносит интеллектуальный вклад в развитие исторической науки, философии, политологии, культурологии, в марксистской критике, что одновременно дает и требует от исследователя эрудированности и универсальности мышления в восприятии теоретико-идейного массива итальянского мыслителя.

**Ключевые слова:** Антонио Грамши, Пальмиро Тольятти, ИКП, «Тюремные тетради», Ордине нуово, Аванти, Гриво дель пополо, антифашизм.

Со второй половины XX века фигура и теоретическое наследие Антонио Грамши интересуют и политиков, и ученых разных стран мира и разных мировоззрений. Идеи наследия мыслителя включает в себя исторические, экономические, социально-политические аспекты действительности, постоянную рефлексию практики в теории и применение теоретического осмысления реалий в политической практике. Каждый, кто касается интеллектуального наследия Грамши, должен отдавать себе отчет в многогранности и широте затрагиваемой тематики – от проблем исторического материализма до вопросов литературной критики и итальянского языка, что одновременно дает и требует от исследователя эрудированности и универсальности мышления в восприятии теоретико-идейного массива итальянского мыслителя. Несомненно, Антонио Грамши внес интеллектуальный вклад в историческую науку, философию, политологию, культурологию, в марксистскую критику [14, с. 164].

Творчество Антонио Грамши продолжает вызывать значительный интерес, который обусловлен масштабностью оригинальных идей мыслителя, отразивших насущные проблемы исторической реальности XX и остающихся актуальными для современной действительности начала XXI века. Анализ этих проблем культуры проводится в его работах в историко-национальном контексте. На наш взгляд, идеи Антонио Грамши опережали время своей страны и всей мировой историко-философской мысли.

Теоретическое наследие А. Грамши – философа-теоретика и революционера-практика – выдающееся явление итальянской и в целом мировой истории XX в. Его жизнь и работы продолжают вызывать полемику в общественных и научных кругах, притом различных гуманитарных направлений (философии, социологии, истории, культурологи, политологии, филологии и др.). Им посвящаются многочисленные исследования, но, к сожалению, в основном зарубежные [13, с. 14].

Творческое наследие Грамши можно разделить на три периода. Ранние статьи, которые Грамши начал писать будучи студентом Туринского университета, датируются 1913–1918 гг. А начало публикаций соотносится с датой вступления мыслителя в ряды Итальянской социалистической партии. С его ранними работами, в которых начинают формироваться зачатки будущих концепций «Тюремных тетрадей», можно ознакомиться в таких газетах, как «Grido del Popolo» («Глас народа»), «Avanti!» («Вперед»), в одном номере «Город будущего» 1917 г. [7, с. 27].

Как замечает исследователь творчества А. Грамши М. Н. Грецкий, его работы раннего периода – «не просто периода освоения культурного наследия и формирования марксистских взглядов. В ранних статьях Грамши намечаются многие мотивы его последующих, зрелых разработок [...] в то же время, выступая в партийной печати, он уже участвует в политической борьбе, откликается на самые актуальные проблемы, стремится решать их по-своему» [4, с. 14].

В это время намечается и складывается круг чтения, вдохновения и критики Грамши в виде наследия Б. Кроче, А. Лабриолы, Дж. Джентиле, К. Маркса, Ф. Энгельса, И. Ленина, идейные позиции которых Грамши интерпретирует, критикует, берет взаймы на осмысление и рефлекссию, опровергает или соглашается [8, с. 82].

Второй период мыслительно-публикационной деятельности Грамши выпадает на активную политическую деятельность, когда автор переходит от преобладающей теоретической работы к практике, – с 1919 по 1926 гг. [11, с. 6]. В этот период происходит зарождение идеи по созданию Итальянской коммунистической партии и ее реализация. Свои статьи Грамши публикует в журнале «Ordine Nuovo», в котором революционный философ-практик высказывает свои концепции нового справедливого мирового порядка, говорит о создании фабрично-заводских советов и др. и который стал центром формирования идейного ядра Итальянской коммунистической партии под руководством Грамши, Тольятти, Террачини, Таска, ярко проявившись в 1920–1921 гг., периоде, который получил в итальянской историографии название «Красное двухлетие» [6, с. 17–21].

Третий и последний период его творчества, который заканчивается в 1937 г. в связи с безвременной смертью Грамши, приходится на годы его тюремного

заключения (1929–1935) фашистским режимом, который не сумел даже в душной камере остановить, «задушить» мыслительную работу Грамши [3, с. 5]. Все годы, проведенные в тюрьме, Грамши переписывался со своей русской семьей, а не только делал переводы Маркса. Главным произведением этих лет и апогеем творческой жизни мыслителя стали так называемые «Тюремные тетради». Всего Грамши составил 33 тетради, которые были написаны с февраля 1929 по лето 1935 гг., после чего последние два года своей жизни Грамши провел в больнице и не мог уже полноценно работать [9, с. 15]. Грамши получает разрешение писать в тюрьме только через три года следствий и заключения – в январе 1929 г. – и сам помечает тетрадь (первую запись) 8 февраля того же года. 4 тетради посвящены полностью переводам, переводы встречаются также в 7 и 9 тетради. Остальные тетради – сборные (разнотематические) и специальные [10, с. 12].

Свои тетради Антонио Грамши называл заметками из-за незаконченности некоторых из них или же неразработанности некоторых концепций. Он считал, что это – подготовка к настоящему теоретическому труду, а заметки, в свою очередь, нужны для памяти [2, с. 3]. Название отражает место и форму написания. В тюрьме Грамши несколько часов в день мог записывать свои идеи в тетрадях, которые ему выдавал директор тюрьмы, что определило форму написания и название и одновременно обусловило трудности в чтении и интерпретации разнородных по тематике отрывков.

Большим заблуждением является первое впечатление многих читателей и начинающих исследователей о том, что, например, «Тюремные тетради» являются простой записной книжкой, «открытым произведением» в традиции писателей XIX века, которое предлагает читателю диалогическое восприятие текста и работу с ним. Действительно, так, на первый взгляд «Тюремные тетради» могут показаться произведением в высшей степени фрагментарным, состоящим из бесконечного числа отрывочных мыслей.

Однако подобная «фрагментарная» форма вполне объясняется лишь теми жесткими условиями, в которых работал мыслитель [15, с. 63–65]. По своему же содержанию произведение в целом органично, оно представляет собой как бы процесс, программу исследования, о которой автор заявляет изначально. Концепты Грамши в тексте представляют из себя стройную систему идей, «концептуальную сеть» [10, с. 2]. Видимость того, что отдельные концепции, отрывки можно выдернуть из контекста и исследовать автономно при глубоком рассмотрении и вычитывании, оказывается на поверку ошибочной, так как появляется риск далекой от верной интерпретации смыслов идей Грамши. Произведение, очевидно, является комплексным, многослойным, как бы «спиральным» текстом, что проявляется в языке и тематическом и содержательном расширении одной и той же концепции на протяжении текста. Стоит учитывать, что текст тетрадью выпестовывался не один год, в нем присутствует фундаментально диахроническое измерение, кроме того, текст никогда не был обработан, подготовлен самим автором к публикации. Грамши считал, что у него будет время для доработки и обработки. Следовательно, для правильного понимания текст необходимо читать в личном и социальном контексте, т. е. контексте биографии автора и мировых реалий, его окружавших.

Из-за подобной диахроничности стали возможны и многочисленные и разнообразные интерпретации Грамши в научных кругах разных стран. На настоящий момент библиография Грамши насчитывает более 20.000 исследований, что позволило ЮНЕСКО назвать Грамши наиболее известным итальянским эссеистом после Макиавелли [10, с. 3].

Открытие А. Грамши в СССР произошло в конце 1950-х гг., несмотря на теснейший прижизненный диалог и нахождение в едином дискурсе Коминтерна с Лениным, Богдановым, Гастевым, Троцким, а также принадлежность жены и детей Грамши к советской действительности [5, с. 1]. Тогда отечественный читатель мог ознакомиться с трудами Грамши в редакции Пальмиро Тольятти и Феличе Платоне 1948–1951 гг., которая прошла определенно избыточную обработку и в наше время считается уже устаревшей. Все тетради были ими скомпонованы не в хронологическом порядке, а в тематическом, многие фрагменты (несущественные по мнению П. Тольятти), а также переводы были исключены. Таким образом, итальянское первое издание «тетрадей» состояло из следующих разделов: 1) «*Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce*» («Исторический материализм и философия Бенедетто Кроче»), 2) «*Gli intellettuali e l'organizzazione della cultura*» («Интеллектуалы и организация культуры»), 3) «*Il Risorgimento*» («Рисорджименто»), 4) «*Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo Stato moderno*» («Заметки о Макиавелли, политике и современном государстве»), 5) «*Letteratura e vita nazionale*» («Национальная литература и жизнь»), 6) «*Passato e presente*» («Прошлое и настоящее») [12].

На современном этапе развития исторической науки и грамшистских исследований считается моветоном, да и практически невозможным и бесполезным занятием в среде ученых знакомиться с Грамши и исследовать его по данному изданию. Все грамшисты современности, в подавляющем большинстве являющиеся соотечественниками великого сардинца, изучают его идейное наследие в «оригинальной редакции», т. е. в хронологическом порядке без разделения на определенные тематические блоки. Такое прочтение стало возможным с изданием тетрадей Грамши в 1975 г. Валентино Джерратана при Институте А. Грамши в г. Риме. Издание включило в себя уже 29 тетрадей, были опущены 4 тетради – переводы Грамши. Читатель впервые увидел пронумерованные в хронологическом порядке, максимально близко к варианту самого Грамши тетради. Уже на основе этого более полноценного издания в 2009 г. стали выходить тома тетрадей с переводами под редакцией Джанни Франчони, Джузеппе Коспито и Фабио Фрозини в академическом итальянском издательстве «Треккани». В перспективе предусмотрено и полное издание «*Quaderni miscellanei*» («Сборные тетради») и «*Quaderni speciali*» («Особые тетради»). В некоторых тетрадях имеется изменение хронологии записи согласно мнению редактора, но такие изменения предварительно помечаются и обосновываются [10, с. 11–12].

Новое прочтение Грамши на высоком научном уровне и в рамках русского литературного пространства пока затруднено и требует кропотливой работы переводчиков и исследователей-грамшистов, что, в свою очередь, позволило бы со

временем сформировать собственную российскую школу изучения творческого наследия А. Грамши.

На сегодняшний день под грузом все больше и острее нарастающих социальных противоречий современное общество стало часто обращаться или возвращаться к политически «левым» идеям и идеалам. В том варианте общественно-исторического развития, который был задан буржуазным вектором, как никогда явно наблюдается «гуманитарная» проблема, которая проявляется в отчуждении граждан друг от друга, культе эгоизма, корысти, бездушия, главенства формы над пустым содержанием.

Об этом задумываются, в частности, отечественные ученые-методологи: «...и в нашем Отечестве, и в других странах нарастает разочарование либеральной теории. Предсказания четверть вековой давности – конца истории и идеологий, классового мира, всеобщего демократического процветания и торжества прав человека – явно не сбываются. США [...] все больше мечтают о новой империи. Войны остаются правилом. Глобальные проблемы и не думают уходить в прошлое. И главное: люди мучительно ищут общественный идеал, который бы хоть немного отличался от людоедского: делайте деньги и конкурируйте! И тут “вдруг” вспоминается Маркс с его обоснованием возможности движения к миру, в котором “свободное” развитие каждого есть условие свободного развития всех» [1, с. 14].

Развитие подобного организма представляется тупиковым вариантом развития истории, что, в свою очередь, подталкивает всех думающих и стремящихся к общественному благу людей и ученых на поиск альтернатив, вариантов и моделей позитивного развития. В поисках «идеального» строя помогает обращение к коммунистическим идеологам, в частности, к масштабному итальянскому мыслителю А. Грамши, который в своих работах «программировал» итальянское общество на построение государства, в котором человек был не средством, но целью многоуровневого развития общества, основой общества, в котором предполагалась не вражда его членов, но дополнение их друг другом, где нет места эксплуатации и насилию и т. д. Сегодня политическую мировую ситуацию можно в каком-то смысле сравнить с ситуацией после Первой мировой войны – ситуацией переходного состояния общества, которое требовало быстрого решения и кардинальной смены парадигмы, а это, в свою очередь, то, о чем писал Грамши в своем главном труде – «Тюремных тетрадах». Он размышлял над центральной проблемой современной переходной эпохи – «проблемой фундаментального преобразования общества» [4, с. 3]. Вопросы, которые им затрагиваются, – это вечные социально-исторические вопросы как теоретического, так и практического уровня, например такой, как роль человека. Т. е. роль субъективного фактора – воли и сознания в истории, управления массами людей и приведение их в движение, возвышения одних классов над другими, законы и механика разделения обществ на руководимых и руководителей. Исходя из вышесказанного, идеи итальянского философа представляются особенно востребованными в современном обществе и требуют особого внимания и переоценки в отечественной науке.

Актуализация и переоценка в современной, по крайней мере в исторической, науке требуют и методологии, основой которой был один из главных источников и базисов творчества Грамши – марксизм, творческим интерпретатором которого и был



итальянский мыслитель. В постсоветское время ее отрицали резко и невдумчиво, опрометчиво, со стремлением забыть (как и все якобы оставшее от жизни, а на самом деле – настоящее по сути и требующее трезвого лидера) ее идеологизированность и догматизированность, не взяв всего того положительного и стабильного («критически осмысленный, рассматриваемый во всем богатстве противоречий в его развитии марксизм в новом веке становится едва ли не единственной целостной системой, имеющей более чем полуторавековую историю всемирного развития методологией») [1, с. 4], что делало советскую науку одной из наиболее передовых и цельных научных систем мира. Так, российский исследователь творчества Антонио Грамши А. В. Бузгалин считает, что «реактуализация этого наследия, превращение его современных версий в рабочий инструмент ученого и вместе с тем – поле исследования представляется нам одной из важнейших задач в области современной методологии» [1, с. 4].

Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, идеи итальянского философа, безусловно, требуют актуализации и исследования в современных условиях и с учетом критериев современной науки.

### Список использованных источников и литературы

1. Бузгалин А. В. Марксизм после «Капитала»: российский контекст: доклад на международной конференции ««Капитал» – XXI: философия, методология, теория», посвященной 150-летию выхода 1-го тома «Капитала» К. Маркса. – М.: Культурная революция, 2017. – 48 с.  
Buzgalin A. V. Marksizm posle «Kapitala»: rossiiskii kontekst. Doklad na mezhdunarodnoi konferentsii ««Kapital» – KhKhI: filosofiya, metodologiya, teoriya», posvyashchennoi 150-letiyu vykhoda 1-go toma «Kapitala» K. Marksa. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2017. – 48 s.
2. Грамши А. Дань истории. – М.: Госполитиздат, 1960. – 127 с.  
Gramshi A. Dan' istorii. – M., Gospolitizdat, 1960. – 127 s.
3. Грамши А. Тюремные тетради. Т. 3 / Пер. с итал. И. Я. Бондарчука. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 269 с.  
Gramshi A. Tyuremnye tetradi. T. 3 / Per. s it. I.Ya. Bondarchuka. – M., Izdatel'stvo Inostrannoi literatury. – 1959. – 269 s.
4. Грецкий М. Н. Антонио Грамши – политик и философ. – М., Наука, 1991. – 159 с.  
Gretskii M. N. Antonio Gramshi – politik i filosof. – M., Nauka, 1991. – 159 s.
5. Коломиец В. К. Теоретическая мысль Грамши и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [http://www.civisbook.ru/files/File/Kolomiez\\_1997\\_3.pdf](http://www.civisbook.ru/files/File/Kolomiez_1997_3.pdf) (Дата обращения: 13.09.2018).  
Kolomiets V. K. Teoreticheskaya mys' Gramshi i sovremennost' [Elektornnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: [http://www.civisbook.ru/files/File/Kolomiez\\_1997\\_3.pdf](http://www.civisbook.ru/files/File/Kolomiez_1997_3.pdf) (Data poslednego dostupa: 13.09.2018)
6. Комолова Н. П. Новейшая история Италии. – М.: Просвещение, 1979. – 319 с.  
Komolova N. P. Noveishaya istoriya Italii. – M., Prosveshchenie, 1979. – 319 s.
7. Baldan A. Gramsci come storico : Studio sulle fonti del "Quaderni del carcere". – Bari : Dedalo libri, 1
8. D'Anna G. La scoperta di Antonio Gramsci: le Lettere e i Quaderni del carcere nel dibattito italiano del dopoguerra (1944-1952) : tesi di laurea in Storia contemporanea / laureando Giovanni D'Anna, relatore Pietro Scoppola Roma : Universita degli studi La Sapienza, 1997. – 84 p.
9. Gramsci A. Quaderni del carcere / A cura di Valentino Gerratana. - Roma : Editori riuniti, stampa 1977. – 380 p.
10. Liguori G. Genesi e struttura dei Quaderni del carcere di Gramsci. Laboratorio permanente di studi gramsciani dell'Unical. - Seminario dell'8 ottobre 2013. – 13 p.
11. Liguori G. Gramsci conteso: interpretazioni, dibattiti e polemiche, 1922–2012. – Roma: Editori Riuniti university press 2012. – 176 p.
12. Mordenti R. Gramsci e la rivoluzione necessaria. – Roma : Editori riuniti, 2007. – 206 p.

13. Thomas P. D. The Gramscian moment : philosophy, hegemony and Marxism. - Leiden ; Boston : Brill, 2009. – XXV, 477 p.
14. Vacca G. Modernità alternative. Il Novecento di Antonio Gramsci, Torino, Einaudi, 2017. – 235 p.
15. Vacca G. Vita e pensieri di Antonio Gramsci. 1926-1937, Collana Storia. – Torino, Einaudi, 2012. – 215 p.

**Koskova A. S., Schevelev S. S. Antonio Gramsci: relevance and features of the intellectual heritage of the Italian thinker**

This article deals with the general issues of biography and creativity of the Marxist theorist and practice-revolutionary, Communist leader, founder of the Italian Communist party Antonio Gramsci. The author examines the relevance of the practical and theoretical heritage of the Italian thinker, who in his work touches upon the problems of historical, economic, socio-political aspects of the contemporary reality, as well as analyzes the historical realities. We consider the periodicals of Gramsci's work, the sources of influence of his mental and practical-political activity of 20-30 years of the XX century in Italy. There are identified issues and features of study of the texts of Gramsci for the Russian researchers. The versatility and breadth of the topics covered in Gramsci's works, with which he makes an intellectual contribution to the development of historical science, philosophy, political science, cultural studies, and Marxist criticism, are emphasized, which at the same time gives and demands from the researcher erudition and universality of thinking in the perception of the theoretical and ideological massive of the Italian thinker.

**Keywords:** Antonio Gramsci, Palmiro Togliatti, ICP, Prison notebooks, Ordine Nuovo, Avanti, Grido del Popolo, Antifascism.

УДК: 908 (477.75) „1944–1991»

**МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ  
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КРЫМУ:  
ПАМЯТНИКООХРАННЫЙ АСПЕКТ (1944–1991)<sup>1</sup>**

*Манеев А. Ю.*

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского  
г. Симферополь, Российская Федерация  
E-mail: maneev\_1977@mail.ru*

Одним из наиболее эффективных методов формирования исторической памяти является мемориализация событий. Важнейшие вехи Великой Отечественной войны в Крыму увековечены в многочисленных памятниках культурного наследия. Первые обелиски стали возводиться уже через несколько месяцев после освобождения Крыма в 1944 г. В Севастополе были открыты памятники на мысе Херсонес и на Сапун-горе, в Керчи – на горе Митридат, в Симферополе воздвигнут памятник – танк Т-34. Кроме того, проводится учет и благоустройство воинских захоронений, создаются мемориальные братские могилы.

В 1950–1980 годы с усилением идеологических подходов к мемориализации событий военных лет меняются и формы их увековечивания. Появляются крупные мемориальные комплексы в Севастополе на площади Нахимова, в Симферополе в парке им. Ю. А. Гагарина. В 1963 г. на трассе Симферополь – Алушта открыт первый памятник крымским партизанам – Партизанская шапка. Создаются мемориалы на местах массовых расстрелов советских граждан в Симферополе, Ялте, Евпатории. В то же время практически отсутствовали памятники, связанные с событиями разгрома Крымского фронта в 1942 г., трагедией последних защитников Севастополя на м. Херсонес (в частности, подвиг бойцов 35 береговой батареи).

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Севастополь, Крым, историческая память, памятники культурного наследия.

Изучение специфики формирования исторической памяти сегодня является одним из актуальных направлений гуманитарных наук. На ее основе закладываются базовые, фундаментальные векторы патриотического воспитания. Особую роль в этом играет история Великой Отечественной войны. Со введением в научный оборот новых архивных источников, появлением современных монографий по истории Крыма в 1941–1945 гг. [6; 20] возникает необходимость корреляции научных знаний и символов исторической памяти, создания объективного образа эпохи Великой Отечественной, возвращения забытых имен и событий.

Увековечиванию подвига народа в Великой Отечественной войны в СССР уделялось большое внимание. Наряду с событиями революции 1917 г. и Гражданской войны страницы истории 1941–1945 годов являлись ключевыми идеологическими символами советского государства, служили наглядными иллюстрациями превосходства коммунистического общества над другими моделями развития. В этой

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00576 «Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Юга России (Волгоград – Севастополь – Керчь – Новороссийск), 1945–1991 гг.».

связи важнейшая функция отводилась памятникам культурного наследия как объектам «монументальной пропаганды», в которых увековечивались основные сражения, вклад в победу отдельных персоналий или воинских соединений, опыт подпольного и партизанского движения, трагические страницы оккупационного режима нацистов.

Особая роль памятников культуры, связанных с событиями Великой Отечественной войны, была закреплена законодательством на общесоюзном и республиканском уровнях. Согласно Положению об охране памятников культуры, утвержденному Постановлением Совета Министров СССР № 3898 от 14.10.1948 г., к историческим памятникам относились «сооружения и места, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народов СССР, революционным движением, гражданской и Великой Отечественной войнами, социалистическим строительством; памятники мемориального значения, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся государственных и политических деятелей, народных героев и знаменитых деятелей науки, искусства и техники, их могилы; памятники истории техники, военного дела, хозяйства и быта» [30, с. 68]. Краткая инструкция «О порядке учета, регистрации и содержания памятников искусства», утвержденная Председателем Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР от 02.03.1949, определяла, что государственному учету подлежат памятники скульптуры, сооруженные павшим героям Великой Отечественной войны, героям Советского Союза [19, с. 83]. Привилегированное положение памятников, связанных с Великой Отечественной войной, позже было закреплено и в статье 5 Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятого в 1976 г. [41, с. 67].

На республиканском уровне специальным Постановлением Совета Министров УССР об охране памятников (1967 г.) областным исполкомам поручалось проводить работу по дальнейшему выявлению мест, связанных с величайшими битвами Советской Армии и партизанских отрядов в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, определить их охранные зоны и установить памятные знаки. Этим же нормативным актом областным исполкомам из дополнительных ассигнований, выделенных на благоустройство населенных пунктов, разрешалось использовать до 50 % средств на благоустройство могил, а также на сооружение надгробных памятников, памятников-бюстов и обелисков погибшим активным участникам Гражданской и Великой Отечественной войн [29, с. 83, 87].

Идеологические подходы в сфере охраны культурного наследия предопределили и количественные показатели. На 1990 г. в УССР на государственном учете находилось 124 704 памятника, из них 53 501 объект истории, среди которых 42 220 относились к периоду Великой Отечественной войны (при этом более 30 тыс. являлись могилами) [2, с. 217]. В Крыму (без учета г. Севастополя) к концу прошлого века насчитывалось 1122 (с учетом внутрикомплексных объектов – 2468) памятников истории и монументального искусства, связанных с событиями Великой Отечественной войны, из них: братских и одиночных могил – 849 (с учетом внутрикомплексных объектов – 2191); памятных знаков – 246 (с учетом внутрикомплексных объектов – 247); памятников – мемориальных комплексов – 20

(с учетом внутрикомплексных объектов – 23), воинских кладбищ – 7 [38]. Большинство из них в советский период имело статус памятников местного значения. Лишь монумент Герою Советского Союза М. А. Токареву в Евпатории (установлен в 1957 г.), бюст дважды Герою Советского Союза Амет-Хану Султану в Алушке (1955 г.), памятник пионеру-герою Вите Коробкову в Феодосии (1959 г.), а также обелиски на Сапун-горе и Малаховом кургане в Севастополе относились к памятникам республиканского значения [28, с. 94, 111].

Понимая ведущие векторы в организации охраны культурного наследия, в частности памятников Великой Отечественной войны, интересно проанализировать основные аспекты этой работы в Крыму в 1944–1991 гг. Отметим, что данная тема, с одной стороны, достаточно разработана в научно-популярной и краеведческой литературе [8; 15; 21; 27; 32; 36; 45], составлялись и публиковались различные списки памятников по этой тематике [25; 26, с. 274–310; 31; 39], однако проблема практически не освещена в научных изданиях, отсутствует современный методологический анализ основных направлений в сфере охраны памятников войны. Среди немногих научных статей и публикаций, в которых проанализированы определенные аспекты изучаемой темы, отметим работы С. А. Андросова [4], А. А. Соколова [38], В. Н. Гурковича [14], монографию Н. В. Кармазиной [16], фундаментальный библиографический справочник профессора А. А. Непомнящего [24].

Освобождение Крыма в 1944 году и возвращение полуострова к мирной жизни способствовало активному и многоплановому процессу мемориализации подвига советского народа в годы войны. Одним из наиболее эффективных методов формирования и мемориализации исторической памяти является сооружение памятников и музеефикация памятных мест. Уже в мае 1944 г. Советом Народных Комиссаров Крымской АССР было принято постановление «Об учете и благоустройстве воинских кладбищ, братских и индивидуальных могил похороненных офицеров, бойцов и партизан, погибших в боях за освобождение Советской Родины от немецко-фашистских оккупантов», согласно которому городские и районные советы должны были провести инвентаризацию и благоустройство захоронений, установить указатели с именами похороненных солдат и офицеров. В течение 1944 г. были открыты обелиски на братских могилах в Армянске, деревне Ишуни, Евпатории, Феодосии, в Симферополе были обустроены 91 братская могила и 314 индивидуальных погребений. Также в Симферополе установлено 26 каменных памятников и 55 могильных плит с долговременными надписями [4, с. 16–18].

Одновременно с этим шел процесс передачи дивизионных некрополей на баланс местным советам. На примере дивизионных некрополей в районе с. Флотское (Карань до 1944 г.) можно увидеть общую ситуацию с сохранением братских могил: акты осмотра констатируют неудовлетворительное состояние кладбищ. В последующем при перезахоронении одиночных и групповых погребений в централизованные братские могилы многие захоронения будут утрачены, потеряны данные о погибших [18, с. 101–104]. В целом, состояние военных некрополей вызывало тревогу все послевоенные годы.

На заседании Пленума научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР, проходившего в Москве в 1949 г. под председательством И. Э. Грабаря, по теме сохранения военных памятников выступал представитель Главного политического управления Советской Армии. В докладе он отметил, что на момент заседания к периоду Великой Отечественной войны в целом по стране относилось 8086 памятников, значительная их часть, особенно на территориях, где проходили военные действия, находится в неудовлетворительном состоянии. Многие памятники сделаны из дерева и быстро ветшают, идейно-художественный уровень этих памятников, за редким исключением, крайне низкий [40, с. 51–52].

Сходную ситуацию фиксируют и материалы совещания по вопросам охраны памятников при Крымском областном исполнительном комитете, которое состоялось в 1948 г. В Государственном архиве Республике Крым отложился не только текст основного доклада, но и стенограмма его обсуждения. С основным докладом выступала и. о. начальника сектора охраны памятников областного отдела архитектуры О. Я. Ковалева. Она отметила, что вопрос охраны памятников Великой Отечественной войны не может быть освещен из-за отсутствия материалов, хотя перед руководящими организациями и ставились вопросы об охране и этих памятников, в частности о памятнике Славы на Сапун-горе, о памятниках на Перекопе, об увековечении и определении исторических мест Великой Отечественной войны [10]. В данном случае как минимум странно выглядит заявление об «отсутствии материалов». Можно сделать вывод, что охране объектов военной истории в эти годы уделялось недостаточное внимание, кроме того, сказывались и трудности послевоенного восстановления Крыма: катастрофическая нехватка трудовых ресурсов, дефицит строительных материалов [3; 34, с. 146].

Это подтверждается и полемикой при обсуждении доклада. В сохранившейся стенограмме зафиксированы выступления А. В. Мокроусова – одного из руководителей партизанского движения в Крыму в годы войны (на совещании выступал как представитель туристско-экскурсионного управления), М. Г. Кустовой – директора Бахчисарайского музея, руководителей Херсонесского музея – И. Д. Максименко и С. Ф. Стржелецкого, начальника музея Черноморского флота – П. П. Болгари, директора Керченского музея В. И. Юдина, директора Центрального краеведческого музея В. П. Бабенчикова, начальника управления отдела архитектуры Крымоблисполкома – В. Н. Чернышева [11].

Так, А. В. Мокроусов отметил, что с памятниками Великой Отечественной войны ситуация неблагоприятная. Ниже приведем его выступление дословно: «...факт тот, что с памятниками, которые поставлены на Сапун-горе, затем на 315 км – они совершенно не соответствуют требованиям, которые предъявляются, все-таки за ними не смотрят и они пришли в негодность. <...> Возьмем братские могилы, за ними никто не смотрит, кроме тех, которые почему-то поставлены в непредназначенных местах для этого, как в городском саду в Симферополе. Было еще недавно постановление Наркомата обороны том, чтобы охранять памятники павших на определенных местах и эти места увековечивать и сохранять, а у нас эти могилки разбросаны по всей территории Крыма и находятся в безобразном состоянии.

Необходимо поставить памятник в районе Озен-Баша в зоне горы Черная. Это я наметил места, которые связаны с большими боями с фашистами. Нужно поставить памятник на Яманташе и Бурульчакской горе, в Карасубазарском и Старокрымском районе.

Необходимо будет восстановить землянки штабов партизанского движения: центральный штаб партизанского движения и землянок штабов районов, в районе Старокрымском, Карасубазарском, горе Средняя, на Бурульче, подножие горы Черная, где был расположен штаб партизанского движения Крыма, затем дер[евни] Ай-Тодор, Басман и еще кое-какие места. Здесь много работали над восстановлением землянок. Фотографы работали, деньги зарабатывали, продавали фотографии и вместо того, чтобы сохранить землянки, их забросили, и что там делается – никто не знает, но мне передавали, что такие землянки в Старокрымском районе, они были хорошими, сделаны из дуба, теперь их выбросили на дрова, произошло такое положение и с другими землянками.

Облисполком сейчас должен решить, если возьмется за это дело – отметить посадочные площадки самолетов, аэродромы, это для тяжелых бомбардировщиков были подготовлены посадочные площадки, где садились самолеты, эвакуировали больных и раненых партизан и привозили продовольствие и боеприпасы. <...> Что касается памятников, связанных с боями, имевшими решающее значение, – необходимо будет связаться с В[оенным] С[оветом] Крымской Армии, чтобы он показал, где необходимо увековечить тот или иной эпизод, связанный с освобождением Крыма от фашистов, – это на местах высадки десанта в декабре 1941 года в Керчи и Феодосии и места высадки десанта в 1943 году в ноябре месяце на Керченском полуострове, бой на Акмонайских позициях, на Перекопе, связанных с прорывом Крымского фронта фашистов» [12].

Помимо благоустройства кладбищ в Крыму развернулось и строительство отдельных обелисков и монументов. В июне 1944 года Военным советом Отдельной Приморской армии было принято постановление «Об увековечивании памяти героев, павших в боях за освобождение Крыма». Предполагалось установить мемориальные обелиски в Керчи на горе Митридат и в Севастополе на Сапун-горе и мысе Херсонес по проектам архитектора М. Я. Гинзбурга. В итоге уже в октябре 1944 года открыт обелиск на мысе Херсонес, а в ноябре на Сапун-горе был сооружен обелиск Славы (в современной литературе приводятся данные об авторстве проекта лейтенанта А. Д. Киселева) и на горе Митридат в Керчи [1, с. 57; 4, с. 18–19]. В Симферополе 3 июля 1944 г. был торжественно открыт памятник – танк Т-34 на постаменте (автор монумента – капитан С. Ф. Коробкин). Осенью этого же года по решению Военного совета Отдельной Приморской армии был установлен обелиск у поселка Маяк (г. Керчь) в честь десантников 56-й Армии и моряков Азовской флотилии, которые осенью 1943 г. закрепились на плацдарме севернее Керчи и создали предпосылки успешного наступления Красной Армии весной 1944 г. [21, с. 150–152, 185].

Особое внимание уделялось увековечиванию подвига защитников Севастополя в годы Великой Отечественной войны. В 1945 году устанавливается обелиск защитникам дзота № 11 в районе с. Дальнего. Здесь в декабре 1941 г. несколько дней моряки-комсомольцы сдерживали наступление врага. Из десяти в живых остался

только один. Подвиг защитников дзота № 11 также известен по так называемой «клятве Калюжного» – предсмертной записке, обнаруженной в его сумке противогАЗа: «Родина моя! Земля русская...Я, сын Ленинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказывало мне сердце...Я умираю, но знаю, что мы победим. Моряки-черноморцы! Держитесь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак. Клятву воина я сдержал. Калюжный». Также в 1945 году сооружается памятник у дота в районе с. Верхнесадового – пяти героям-черноморцам. Н. Д. Фильченков, В. Г. Цибулько, И. М. Красносельский, Ю. К. Паршин, Д. С. Одинцов ценой собственной жизни остановили наступление немецких танков [21, с. 71–72, 75–76]. В 1946 г. в Севастополе были открыты памятник героям обороны: генерал-майору Н. А. Острякову, генерал-майору авиации Ф. Г. Коробкову, бригадному комиссару М. Г. Степаненко на кладбище Коммунаров, а также сооружен обелиск краснофлотцу И. К. Голубцу [42, с. 118, 120].

В 1950–1980 годы в советском обществе изменилось отношение к истории Великой Отечественной войны. На фоне преодоления послевоенной разрухи, впечатляющих успехов в народном хозяйстве в СССР крепили и развивались новые идеологические принципы советской морали. Победа в Великой Отечественной войне становилась краеугольным камнем советского воспитания, ключевым моментом истории современности. С течением времени притупилась боль утрат, все чаще вспоминались именно победные страницы войны с нацизмом, необходимо было морально поддержать ветеранов войны, подчеркнуть их подвиги и заслуги, кроме того, к середине 60-х годов выросло новое поколение, которое уже не видело войны, но активно интересовалось историей тех лет.

Все эти факторы обусловили появление как новых форм мемориализации исторической памяти о Великой Отечественной войне (например, объявление 9 мая праздничным, нерабочим днем с 1965 г., проведение военных парадов, издание мемуаров участников войны, съемки документальных и художественных фильмов на военную тематику, широкая кампания по чествованию городов-героев и т. д.), так и развитие уже известных приемов, в частности создание новых памятников, благоустройство и реконструкция ранее созданных монументов. На общесоюзном уровне обсуждались вопросы строительства величественных масштабных мемориалов, связанных с местами боевой славы [5; 7]. В Волгограде, Ленинграде, Киеве, Одессе и других городах СССР возводятся крупные мемориальные комплексы, открываются музеи.

Важной вехой в деле организации эффективной охраны памятников Крыма стало принятие решения Крымского областного исполнительного комитета от 05.09.1969, которым большинство памятников истории Великой Отечественной войны было поставлено на государственный учет, позже решением Крымоблисполкома от 15.01.1980 № 16 были утверждены охранные зоны.

Особое внимание памятникам, связанным с событиями Великой Отечественной войны, уделялось в кануны юбилеев Победы. Так в 1974 году, в преддверии 30-летия Победы, в УССР был проведен республиканский общественный смотр объектов, связанных с событиями 1941–1945 годов. В 1975 году в Крымской области было сооружено 65 новых памятников, отремонтировано – 13, установлено



7 мемориальных досок, заменено 215 плит с именами погибших воинов на братских могилах. К юбилею 40-летия Победы в Крыму было благоустроено 327 памятников, братских могил и памятных мест. На ремонт и благоустройство памятников военной истории регулярно предусматривались бюджетные средства: так, в 1953 году было выделено 100 тысяч, в 1954 – 200 тысяч, в 1956 – 220 тысяч рублей [16, с. 62–63, 67].

Большую роль в создании и охране памятников Великой Отечественной войны играли Крымская областная и Севастопольская городская организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры. Так, по инициативе Общества и при его непосредственном участии были сооружены памятники на холме Дарсан в Ялте, в районе с. Дубки Симферопольского района, памятный знак на Ак-Монайских позициях, проводилось благоустройство памятников Севастополя [16, с. 72–73; 37, с. 158].

Продолжалась практика сооружения памятников, посвященных обороне Севастополя в годы Великой Отечественной войны. Были установлены обелиски: воинам 365-й зенитной батареи на Мекензиевых горах (1952 г.); воинам 30-й береговой батареи (1956 г.); секторам Севастопольского оборонительного района (1961 г.); воинам 7-й бригады морской пехоты в районе с. Хмельницкого (1968 г.); воинам 25-й Чапаевской дивизии в Инкермане (1969 г.); создателям инженерной обороны Севастополя (1976 г.); воинам 8-й бригады морской пехоты в районе г. Азис-Оба (1977 г.); летчикам-черноморцам (1981 г.) и другие. В 1964–1967 годах на площади Нахимова воздвигнут монументальный памятник – Мемориал в честь героической обороны Севастополя 1941–1942 годов, у подножия мемориала зажжен Вечный огонь. Авторы памятника – скульптор В. В. Яковлев, архитектор И. Е. Фиалко [21, с. 76–79, 93–94, 100–104, 111–113; 43, с. 135–152].

Одним из элементов формирования исторической памяти, ее своеобразной визуализацией, стало открытие в Севастополе Вечного огня. Здесь он был создан одним из первых в СССР, раньше него подобный элемент был использован лишь на Марсовом поле в Ленинграде и в поселке Первомайском Тульской области. 22 февраля 1958 г. на Корниловской башне Малахова кургана в Севастополе вспыхнул Вечный огонь. В торжественной церемонии его зажжения – нового символа памяти о Великой Отечественной войне – принимал непосредственное участие адмирал Ф. С. Октябрьский [33, с. 202–293]. Позже в Севастополе Вечный огонь будет зажжен на мемориалах на площади Нахимова (1967 г.) и на Сапун-горе (1970 г.). В 1989 г. огонь на Малаховом кургане был демонтирован [22].

К наиболее величественным и торжественным памятникам защитникам Севастополя относится Мемориальное братское кладбище Великой Отечественной войны в п. Дергачи. Первоначально оно возникло как место захоронения бойцов 8-й бригады морской пехоты, позже сюда были перезахоронены павшие участники обороны и освобождения города. В 1953 году некрополь был благоустроен, организовано 16 братских могил. На некрополе захоронено 17 героев Советского Союза, в том числе моряки-черноморцы – защитники дота у с. Верхнесадового. Кроме того, здесь похоронен командир 8-й бригады морской пехоты полковник П. Ф. Горпищенко [17, с. 390–423; 43, с. 179].

В Крымской области в 50–80-е годы XX века фиксируются сходные с Севастополем формы и методы увековечивания памяти событий Великой Отечественной войны. Активно сооружаются новые памятники, открываются масштабные мемориальные комплексы. На побережье между Саками и Евпаторией в 1970 г. силами скульптурно-производственных экспериментальных мастерских Московского отделения художественного фонда СССР был воздвигнут монумент в честь Евпаторийского десанта (авторы проекта – скульптор Н. И. Брацун, архитекторы – В. Н. Ениосов, С. И. Кулев). В Евпатории на месте массовых расстрелов мирных жителей в районе Красная горка 9 мая 1985 года был открыт реконструированный мемориал (авторы скульптор О. А. Прудкая, архитекторы Е. В. Чубенко, Т. Х. Юзефович), перед скульптурным монументом обустроен Вечный огонь. В Симферополе в 1973 г. сооружен мемориал на месте массовых расстрелов советских граждан в районе с. Дубки (авторы – скульпторы Л. М. Смерчинский, Е. И. Максименко, архитекторы Е. В. Попов, Е. Д. Бычков). Здесь в 1970 г. во время проведения земляных работ были выявлены места массовых казней. Обнаруженные останки были захоронены на городском кладбище Симферополя, а на месте массовых расстрелов сооружен мемориал. В парке им. Ю. А. Гагарина в 1975 г. открыт мемориальный комплекс – Могила Неизвестного солдата и Вечный огонь (автор – Е. В. Попов). Памятник был сооружен во исполнение постановления ЦК Коммунистической партии Украины и Совета Министров УССР «О сооружении памятников в честь героического подвига советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от 14.02.1975 № 87, а также постановления Крымского обкома Компартии Украины и Крымского облисполкома от 03.02.1975 № 59. В 1984 году к 200-летию города этот мемориальный комплекс был кардинально модернизирован. В п. Героевское (г. Керчь) в 1985 году был открыт мемориальный комплекс в честь героев Эльтигенского десанта 1943 г. (авторы памятника – скульпторы С. Я. Ковнер, Л. В. Тазьба, архитектор А. А. Шахов). Памятник был сооружен согласно постановлениям ЦК Компартии Украины от 28.02.1968 № 118 и Совета Министров УССР от 15.02.1974 № 86. Отдельное внимание уделялось мемориализации событий на Перекопском перешейке. Первый памятник здесь был открыт еще в мае 1944 г.: на валу был устроен деревянный мавзолей, внутри которого находилось два ряда могил. В дальнейшем из-за опасности разрушения его разобрали, а в 1957 г. в центре Перекопского вала были установлены временные памятные знаки на братских могилах погибших воинов. В 1967 г. на основании Постановления ЦК КПСС от 21.01.1967 № 58 был спроектирован и установлен памятник Героям Перекопа. В 1986 г. памятник был заменен, авторы нового монумента – И. П. Шевченко и Г. Ф. Савченко. В Ялте на холме Дарсан в 1967 г. был сооружен мемориальный комплекс в честь героев Гражданской и Великой Отечественной войн (авторы памятника – архитекторы В. А. Петербуржцев, А. В. Степанов, А. А. Попов), в центре мемориала – Вечный огонь. Как и в послевоенные годы, продолжалось благоустройство братских кладбищ и воинских некрополей в Керчи, Феодосии, Бахчисарае. Одно из крупнейших воинских кладбищ обустроено в Симферополе на ул. Старозенитной [15, с. 22; 21, с. 90, 128–129; 25, с. 11–12, 40, 43–44, 182–183, 376, 390, 392, 467; 45, с. 176].

Начиная с 60-х годов формируется еще один вектор мемориализации событий Великой Отечественной войны – увековечивание в монументах героической борьбы с нацистами партизан и подпольщиков. В 1963 году на 27 км трассы Симферополь – Алушта установлен обелиск «Партизанская шапка». Инициатором создания памятника был один из руководителей партизанского движения в Крыму Н. Д. Луговой. Автором концепции памятника выступил Э. М. Грабовецкий, в творческую группу также входили архитектор Л. П. Фруслов, скульптор Б. В. Усачев, художник И. С. Петров [14, с. 158–159]. В 1967 г. на отрогах Долгоруковской яйлы, в урочище Колан-баир, был открыт мемориал в честь погибших крымских партизан – Курган Славы. Помимо насыпи кургана, в комплекс мемориала также входят мемориальные доски. Практика увековечивания мест партизанской славы стала практически повсеместной, различные памятники, обелиски и памятные знаки были установлены в Бахчисарайском, Белогорском, Кировском, Симферопольском и других районах, на территории Алушты, Судака, Феодосии, Ялты. 9 мая 1978 г. в Симферополе на ул. Киевской (в районе бывшего кинотеатра «Мир») был открыт памятник партизанам и подпольщикам (авторы – скульптор А. Д. Солощенко, архитектор Е. В. Попов) [25, с. 231, 379]. Отметим, что памятники партизанской славы в горно-лесной части полуострова стали достаточно популярными туристическими объектами. В 60–80-е годы активно работал плановый туристический маршрут № 111 «По партизанским тропам» по территориям Симферопольского, Белогорского районов и г. Алушты, специальные маршруты по партизанским местам были разработаны для Юго-Восточного Крыма, многие объекты включались в так называемые маршруты выходного дня [13; 23; 44].

Характер и особенности изучения событий Крымского фронта в советский период отразились и на мемориализации памятных мест, связанных с боями в 1942 году на Керченском полуострове. Специфика формирования исторической памяти о трагедии Крымского фронта заключалась в «молчаливом» благоустройстве братских могил советских солдат и офицеров. На сегодняшний день на государственном учете в качестве выявленных объектов культурного наследия на территории Ленинского района Республики Крым и города Керчи находится более 60 братских могил и захоронений, связанных с боями 1942 г. [25, с. 173–203, 255–303]. Помимо этого, можно указать также памятник на Ак-Монайских позициях у с. Батального (19 км шоссе Феодосия – Керчь). Памятный знак был установлен в 1972 г. и представляет собой обелиск из диорита, на котором высечен текст: «Ак-Монайские позиции. Здесь в 1919 г. части Красной Армии под командованием П. Е. Дыбенко вели бои с белогвардейцами и интервентами. В декабре 1941 – мае 1942 года войска 44-й, 51-й, 47-й армий героически сражались против немецко-фашистских захватчиков». Помимо памятной стелы, в охраняемый комплекс входит около двух десятков дотов, заметны следы воронок, окопов [21, с. 83–84; 25, с. 261; 36].

Непосредственно с событиями Крымского фронта связан мемориальный комплекс на месте Аджимушкайских каменоломен, где с мая по ноябрь 1942 г. в тяжелейших условиях продолжали сопротивление бойцы Красной Армии и гражданское население Керчи, не сумевшее эвакуироваться на Тамань. Большинство защитников подземного гарнизона погибло или попало в плен. Лишь в конце 1960-х

годов было принято постановление о проекте мемориального ансамбля «Героям Аджимушкая». В 1982 году монументальный ансамбль был торжественно открыт, создана музейная экспозиция в подземных галереях каменоломен [25, с. 191–194]. Обращает на себя внимание почти двадцатилетнее забвение подвига «аджимушкайцев». В то же время после открытия мемориала он становится одним из наиболее посещаемых объектов Керченского музея-заповедника. Можно констатировать, что мемориализация непосредственно событий Крымского фронта представлена лишь памятным обелиском на Ак-Монойских позициях, ансамблем «Героям Аджимушкая» в г. Керчи и полусотней братских кладбищ в селах Ленинского района. Масштабы трагедии, ее последствия для дальнейшего хода Великой Отечественной войны и характер мемориализации этих героических событий несопоставимы.

По-настоящему шокирована была советская общественность известиями о грабительских действиях мародеров на месте массовых расстрелов мирных жителей в районе 10-го км трассы Симферополь – Феодосия. Здесь в противотанковом рву в годы оккупации нацистами было расстреляно 10–12 тысяч советских граждан, в основном евреев и крымчаков [25, с. 430]. В начале 80-х годов группа местных жителей стала раскапывать места расстрелов с целью находок ценных вещей, изделий из драгоценных металлов. На основе трагических событий на 10-м км известным поэтом А. Вознесенским была написана поэма «Ров» [9, с. 79–139].

Анализируя векторы и методы мемориализации событий Великой Отечественной войны в Крыму в 1944–1991 гг. можно выделить два основных этапа и присущие им характерные формы. На первом этапе, в 1944 – начале 50-х годов, обустроиваются братские кладбища, создаются первые памятные знаки. Уже в первые месяцы после освобождения Крыма в честь победы возводятся обелиски в Керчи и Севастополе, открываются памятники в Симферополе и на Перекопском валу.

Начиная со второй половины 50-х и до конца 80-х годов подходы к увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне приобретают другие формы. Данное направление становится важным идеологическим инструментом, создание новых памятников и мемориалов становится общегосударственным делом. Изменяется и характер памятников – возводятся масштабные мемориальные комплексы, специфической формой исторической памяти становится Вечный огонь. В этот период активно сооружаются памятники и обелиски на местах партизанской славы – как в населенных пунктах, так и в горно-лесной зоне. Важную роль в сохранении памятников играет общественность, и в первую очередь Крымская областная и Севастопольская городская организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры. В то же время некоторые эпизоды Великой Отечественной войны не находили должного отражения в «монументальной пропаганде». Фактически в этом плане выглядели забытыми трагедия Крымского фронта в 1942 г., события завершающей фазы обороны Севастополя – подвиг защитников 35-й береговой батареи и судьба советских солдат на м. Херсонес.

В отношении памятников, связанных с событиями Великой Отечественной войны, формировались и новые элементы повседневного поведения, в частности

практически обязательной традицией для молодоженов в день бракосочетания было возложение цветов к мемориалам у Вечного огня или к «Партизанской шапке», пионерский Почетный караул на Посту № 1 (как правило, у Вечного огня) (Рис. 1.).



*Рис. 1. Могила Неизвестного солдата и Вечный огонь в парке им. Ю. А. Гагарина в г. Симферополе. 1976 г. Возложение цветов после официальной церемонии бракосочетания (фото из личного архива автора).*

#### Список использованных источников и литературы

1. Агишева И. Ю. История создания военно-полевого музея на Сапун-горе // III Таврические научные чтения, посвященные 160-летию со дня рождения А. Л. Бертье-Делагарда. – Симферополь, 2003. – С. 56–60.  
Agisheva I. Yu. Istoriya sozdaniya voenno-polevogo muzeya na Sapun-gore // III Tavricheskie nauchnye chteniya, posvyashchennye 160-letiyu so dnya rozhdeniya A. L. Bert'e-Delagarda. – Simferopol', 2003. – S. 56–60.
2. Акуленко В. И. Охорона пам'яток культури в Україні (1917–1990). – Київ: Вища школа, 1991. – 274 с.  
Akulenko V. I. Okhorona pam'yatok kul'turi v Ukraїni (1917–1990). – Kyiv: Vishcha shkola, 1991. – 274 s.
3. Акулов М. Р. Восстановительные работы в Крыму в 1944–1945 годы // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 182–190.  
Akulov M. R. Vosstanovitel'nye raboty v Krymu v 1944–1945 gody // Otechestvennaya istoriya. – 1993. – № 1. – S. 182–190.
4. Андросов С. А. Первые памятники Великой Отечественной войны в Крыму (1944–1945) // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – № 15. – С. 16–21.  
Androsov S. A. Pervye pamyatniki Velikoy Otechestvennoy voyny v Krymu (1944–1945) // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2006. – № 15. – S. 16–21.

5. Бархин М. Проект памятника Победы в Москве на Поклонной горе // Архитектура СССР. – 1980. – № 5. – С. 4–12.  
Barkhin M. Proekt pamyatnika Pobedy v Moskve na Poklonnoy gore // Arkhitektura SSSR. – 1980. – № 5. – С. 4–12.
6. Битва за Крым 1941–1944 гг. / А. В. Исаев, Н. Н. Глухарев, О. В. Романько, Д. Б. Хазанов. – М.: Эксмо: Яуза, 2016. – 896 с. – (Главные книги о войне. Подлинная история Второй мировой).  
Bitva za Krym 1941–1944 gg. / A. V. Isaev, N. N. Glukharev, O. V. Roman'ko, D. B. Khazanov. – M.: Eksmo: Yauza, 2016. – 896 s. – (Glavnye knigi o voyne. Podlinnaya istoriya Vtoroy mirovoy).
7. Вавакин Л., Шпотов М. Рубеж Славы // Архитектура СССР. – 1980. – № 5. – С. 13–19.  
Vavakin L., Shpotov M. Rubezh Slavy // Arkhitektura SSSR. – 1980. – № 5. – С. 13–19.
8. Ванеев Г. И. Севастополь. Страницы истории, 1783–1983: справочник. – Симферополь: Таврия, 1983. – 208 с.  
Vaneev G. I. Sevastopol'. Stranitsy istorii, 1783–1983: spravochnik – Simferopol': Tavriya, 1983. – 208 s.
9. Вознесенский А. А. Ров: стихи, проза. – М.: Советский писатель, 1987. – 736 с.  
Voznesenskiy A. A. Rov: stikhi, proza. – M.: Sovetskiy pisatel', 1987. – 736 s.
10. Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). – Ф. 3385. – Оп. 1. – д. 111. – л. 7.  
Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym (dalee GARK). – F. 3385. – Op. 1. – d. 111. – l. 7.
11. Там же. – л. 9–38.  
Tam zhe. – l. 9–38.
12. Там же. – л. 11–14.  
Tam zhe. – l. 11–14.
13. Гуркович В. Н. 111-й туристический маршрут «По партизанским тропам»: воспоминания инструктора пешеходного туризма 1960-х годов // Terra Alustiana ММХІ: Сб. науч. трудов по мат-лам 10-й науч. конф. «Terra Alustiana ММХІ» (Алушта, 7–9 октября 2011 г.) / Ред.-сост.: В. Г. Рудницкая, И. Б. Тесленко. – Симферополь: Антиква, 2015. – С. 545–562.  
Gurkovich V. N. 111-y turisticheskiy marshrut «Po partizanskim tropam»: vospominaniya instruktora peshekhodnogo turizma 1960-kh godov // Terra Alustiana ММХІ: Sb. nauch. trudov po mat-lam 10-y nauch. konf. «Terra Alustiana ММХІ» (Alushta, 7–9 oktyabrya 2011 g.) / Red.-sost.: V. G. Rudnitskaya, I. B. Teslenko. – Simferopol': Antikva, 2015. – S. 545–562.
14. Гуркович В. Н. Партизанская шапка: анализ мемориальных текстов и предложения по их корректировке и перепланировке мемориала // Историческое наследие Крыма. – Симферополь: Антиква, 2017. – С. 151–162.  
Gurkovich V. N. Partizanskaya shapka: analiz memorial'nykh tekstov i predlozheniya po ikh korrektyrovke i pereplanirovke memoriala // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol': Antikva, 2017. – S. 151–162.
15. Гурьянова Н. М., Гурьянов Н. А. Памятники Ялты: справочник. – Симферополь: Таврия, 1985. – 192 с.  
Gur'yanova N. M., Gur'yanov N. A. Pamyatniki Yalty: spravochnik. – Simferopol': Tavriya, 1985. – 192 s.
16. Кармазина Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.). – Симферополь: Таврія, 2005. – 177 с.  
Karmazina N. V. Narisi rozvitku istorichnogo kraeznavstva v Krimu (1954–1991 rr.). – Simferopol': Tavriya, 2005. – 177 s.
17. Коваленко А. И. Некрополи Севастополя. – Симферополь: НАТА, 2012. – 464 с.  
Kovalenko A. I. Nekropoli Sevastopolya. – Simferopol': NATA, 2012. – 464 s.
18. Косова А. М. Мероприятия по сохранению воинских захоронений в 1944 г. // Матер. III Межд. науч.-практ. конф. «Военно-исторические чтения». – Симферополь: Бизнес-информ, 2015. – С. 101–105.  
Kosova A. M. Meropriyatiya po sokhraneniyu voinskikh zakhoroneni v 1944 g. // Mater. III Mezhd. nauch. –prakt. konf. «Voenno–istoricheskie chteniya». – Simferopol': Biznes–inform, 2015. – S. 101–105.
19. Краткая инструкция о порядке учета, регистрации и содержания памятников искусства // Охрана памятников истории и культуры: сб. док. / Сост. Г. Г. Анисимов. – М.: Советская Россия, 1973. – С. 82–92.  
Kratkaya instruktsiya o poryadke ucheta, registratsii i soderzhaniya pamyatnikov iskusstva // Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury: sb. dok. / Sost. G. G. Anisimov. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1973. – S. 82–92.
20. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сб. док. / Ред.-сост. А. В. Исаев, Н. Н. Глухарев, Д. Б. Хазанов. – М.: Яуза-каталог, 2017. – 400 с.

Krym v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: sb. dok. / Red.–sost. A. V. Isaev, N. N. Glukharev, D. B. Khazanov. – M.: Yauza–katalog, 2017. – 400 s.

21. Крым: памятники славы и бессмертия / С. Н. Шаповалова, В. Н. Барбух, Л. Н. Вьюницкая и др.; сост. С. Н. Шаповалова. – 2-е изд., доп. – Симферополь: Таврия, 1985. – 240 с.

Krym: pamyatniki slavy i bessmertiya / S. N. Shapovalova, V. N. Barbukh, L.N. V'yunitskaya i dr.; sost. S. N. Shapovalova. – 2-е изд., доп. – Simferopol': Tavriya, 1985. – 240 s.

22. Крымова Ю. В Севастополе на Малаховом кургане возродили Вечный огонь [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2018/02/21/reg-ufu/v-sevastopole-na-malahovom-kurgane-vozrodili-vechnyj-ogon.html> (дата обращения: 30.05.2018).

Krymova Yu. V Sevastopole na Malakhovom kurgane vozrodili Vechnyy ogon' [Elektronnyy resurs] // <https://rg.ru/2018/02/21/reg-ufu/v-sevastopole-na-malahovom-kurgane-vozrodili-vechnyj-ogon.html> (data obrashcheniya 30.05.2018 g.).

23. Лезина Н. И., Коломийченко Ю. Ф. По местам боев крымских партизан: лесными тропами от Белогорска до Планерского: путеводитель. – Симферополь: Таврия, 1985. – 80 с.

Lezina N. I., Kolomiychenko Yu. F. Po mestam boev krymskikh partizan: lesnymi tropami ot Belogorska do Planerskogo: putevoditel'. – Simferopol': Tavriya, 1985. – 80 s.

24. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). – Симферополь: Антика, 2015. – 936 с. – (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).

Nepomnyashchii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945). – Simferopol': Antikva, 2015. – 936 s. – (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).

25. Памятники и памятные места в Республике Крым, связанные с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. – Симферополь: Таврида, 2015. – 496 с.

Pamyatniki i pamyatnye mesta v Respublike Krym, svyazannye s sobyitiyami Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 godov. – Simferopol': Tavriya, 2015. – 496 s.

26. Памятники истории и культуры Украинской ССР: каталог-справочник / Ред. П. Т. Тронько. – Киев: Наукова думка, 1987. – 736 с.

Pamyatniki istorii i kul'tury Ukrainsoy SSSR: katalog-spravochnik / Red. P. T. Tron'ko. – Kiev: Naukova dumka, 1987. – 736 s.

27. Памятники Севастополя: фотоальбом / Авт.-сост. А. А. Ляхович и др. – Киев: Мистецтво, 1981. – 119 с.

Pamyatniki Sevastopolya: Fotoal'bom / Avt.-sost. A. A. Lyakhovich i dr. – Kiev: Mistetstvo, 1981. – 119 s.

28. Постанова Ради Міністрів УРСР «Про затвердження Списку пам'ятників мистецтва, історії та археології Української РСР» від 21. 07. 1965 р. №711 // Законодавство про пам'ятники історії та культури: 36. норм. актів / Під. ред. О. Н. Якименка. – Київ: Видавництво політичної літератури України, 1970. – С. 90–121.

Postanova Radi Ministriv URSR «Pro zatverdzhennya Spisku pam'yatnikov mistetstva, istorii ta arkeologii Ukrain's'koï RSR» vid 21. 07. 1965 r. №711 // Zakonodavstvo pro pam'yatniki istorii ta kul'turi: Zb. norm. aktiv / Pid. red. O. N. Yakimenka. – Kyiv: Vidavnistvo politichnoi literaturi Ukraïni, 1970. – S. 90–121.

29. Постанова Ради Міністрів УРСР «Про стан і заходи по дальшому поліпшенню охорони та збереження пам'ятників архітектури, мистецтва, археології та історії в Українській РСР» від 20. 02. 1967 № 125 // Законодавство про пам'ятники історії та культури: 36. норм. актів / Під. ред. О. Н. Якименка. – Київ: Видавництво політичної літератури України, 1970. – С. 80–88.

Postanova Radi Ministriv URSR «Pro stan i zakhodi po dal'shomu polipshennyu okhroni ta zberezheniya pam'yatnikov arkhitekturi, mistetstva, arkeologii ta istorii v Ukraïns'kiy RSR» vid 20. 02. 1967 №125 // Zakonodavstvo pro pam'yatniki istorii ta kul'turi: Zb. norm. aktiv / Pid. red. O. N. Yakimenka. – Kyiv: Vidavnistvo politichnoi literaturi Ukraïni, 1970. – S. 80–88.

30. Постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» от 14.10.1948 № 3898 // Охрана памятников истории и культуры: сб. док. / Сост. Г. Г. Анисимов. – М.: Советская Россия, 1973. – С. 65–75.

- Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR «O merakh uluchsheniya okhrany pamyatnikov kul'tury» ot 14. 10. 1948 № 3898 // Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury: sb. dok. / Sost. G. G. Anisimov. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1973. – S. 65–75.
31. Свод памятников истории и культуры Автономной Республики Крым. Джанкойский район. Армянский горсовет. Красноперекопский район. – Симферополь, 2002. – 120 с.
- Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Avtonomnoy Respubliki Krym. Dzhankoyskiy rayon. Armyanskiy gorsovnet. Krasnoperekopskiy rayon. – Simferopol', 2002. – 120 s.
32. Севастополь: скрижали бессмертия: фотопутеводитель / Авт. текста А. А. Ляхович, Э. Н. Доронина. 3-е изд. – Киев: Мистецтво, 1988. – 191 с.
- Sevastopol': skrizhali bessmertiya: fotoputevoditel' / Avt. teksta A. A. Lyakhovich, E. N. Doronina. 3-e izd. – Kiev: Mistetstvo, 1988. – 191 s.
33. Севастополю 200 лет, 1783–1983: сб. док. и мат-лов / Сост. Ванеев Г. И. и др. – Киев: Наукова думка, 1983. – 416 с.
- Sevastopolyu 200 let, 1783–1983: sb. dok. i mat-lov / Sost. Vaneev G. I. i dr. – Kiev: Naukova dumka, 1983. – 416 s.
34. Сеитова Э. И. Переселение в Крым: начало новой страницы послевоенной истории региона // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. – 2016. – Т. 2 (68). – № 3. – С. 146–152.
- Seitova E. I. Pereselenie v Krym: nachalo novoy stranitsy poslevoennoy istorii regiona // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. – 2016. – T. 2(68). – № 3. – S. 146–152.
35. Симонов В. В., Белик Ю. Л. Долговременные огневые точки Ак-Монайского оборонительного рубежа: по материалам предварительных разведок // Крымфронт: Проблемы истории и памяти. 70 лет спустя: мат-лы науч.-практ. конф. (Феодосия, 29 февраля 2012 г.). – Симферополь, 2012. – С. 61–73.
- Simonov V. V., Belik Yu. L. Dolgovremennye ognеvye toчки Ak-Monayskogo oboronitel'nogo rubezha: po materialam predvaritel'nykh razvedok // Krymfront: Problemy istorii i pamyati. 70 let spustya: mat-ly nauch.-prakt. konf. (Feodosiya, 29 fevralya 2012 g.). – Simferopol', 2012. – S. 61–73.
36. Симферопольский альбом. / Ред.-сост. А. Е. Тархов. – Симферополь: Таврия, 1996.
- Simferopol'skiy al'bom. / Red. –sost. A. E. Tarkhov. – Simferopol': Tavriya, 1996.
37. Соколов А. А. Деятельность Севастопольской городской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры (60–е – 80–е годы XX века) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – 2013. – Т. 26 (65). – № 1. – С. 152–166.
- Sokolov A. A. Deyatel'nost' Sevastopol'skoy gorodskoy organizatsii Ukrainskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury (60–e – 80–e gody XX veka) // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». – 2013. – T. 26(65). – № 1. – S. 152–166.
38. Соколов А. А. Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944–1953) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – 2012. – Т. 25 (64). – № 2. – С. 204–216.
- Sokolov A. A. Pamyatniki istorii i kul'tury Kryma: sostoyanie, okhrana, restavratsiya (1944–1953) // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». – 2012. – T. 25(64). – № 2. – S. 204–216.
39. Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым: по состоянию на 01.01.2004 г.: справочное издание в 3-х томах / Республиканский комитет по охране культурного наследия Автономной Республики Крым. – Симферополь, 2004. – Т. 1. – С. 11–172.
- Spisok pamyatnikov mestnogo i natsional'nogo znacheniya, raspolozhennykh na territorii Avtonomnoy Respubliki Krym: po sostoyaniyu na 01. 01. 2004 g.: spravocnoe izdanie v 3–kh tomakh / Respublikanskiy komitet po okhrane kul'turnogo naslediya Avtonomnoy Respubliki Krym. – Simferopol', 2004. – T.1. – S. 11–172.
40. Стенограмма Пленума Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме Академии Наук СССР от 25. 05. 1949 / Публикация Л. П. Кузнецовой // Архив наследия – 1999. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 9–72.



Stenogramma Plenuma Nauchno-metodicheskogo soveta po okhrane pamyatnikov kul'tury pri Prezidiume Akademii Nauk SSSR ot 25. 05. 1949 / Publikatsiya L. P. Kuznetsovoy // Arkhiv naslediya – 1999. – М.: Institut Naslediya, 2000. – S. 9–72.

41. Стешенко Л. А., Тепферов В. Д. О памятниках истории и культуры. – М.: Юридическая литература, 1977. – 79 с. – (Новое в советском законодательстве).

Steshenko L. A., Tepferov V. D. O pamyatnikakh istorii i kul'tury. – М.: Yuridicheskaya literatura, 1977. – 79 s. – (Novoe v sovetskom zakonodatel'stve).

42. Чебанюк З. Ф. Исторические места и памятники Севастополя. 3-е изд. – Симферополь: Крымиздат, 1962. – 176 с.

Chebanyuk Z. F. Istoricheskie mesta i pamyatniki Sevastopolya. 3-e izd. – Simferopol': Krymizdat, 1962. – 176 s.

43. Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя. 2-е изд. – Севастополь – Киев: Шавшин В. Г., 2004. – 384 с.

Shavshin V. G. Kamennaya letopis' Sevastopolya. 2-e izd. – Sevastopol' – Kiev: Shavshin V. G., 2004. – 384 s.

44. Шамраев Э. С. В зуйский лес, к партизанскому мемориалу // Крым: маршруты выходного дня: путеводитель / Сост. А. С. Щеглова. – Симферополь: Таврия, 1980. – С. 127–141.

Shamraev E. S. V zuyskiy les, k partizanskomu memorialu // Krym: marshruty vykhodnogo dnya: putevoditel' / Sost. A. S. Shcheglova. – Simferopol': Tavriya, 1980. – S. 127–141.

45. Широков В. А., Широков О. В. Симферополь: улицы рассказывают. – Симферополь: Таврия, 1983. – 208 с.

Shirokov V. A., Shirokov O. V. Simferopol': ulitsy rasskazyvayut. – Simferopol': Tavriya, 1983. – 208 s.

#### **Manayev A. Yu. Memorialization of the events of the Great Patriotic War in Crimea: the monumental aspect**

One of the most effective methods of forming historical memory is memorialization of events. The most important milestones of the Great Patriotic War in Crimea are immortalized in numerous monuments of cultural heritage. The first obelisks started being erected a few months after the liberation of Crimea in 1944. Monuments were constructed in Sevastopol, on Cape Chersonesus and Sapun Mountain, in Kerch - on Mithridat, in Simferopol the monument – Tank T-34 was erected. In addition, military graves are registered and ennobled, memorial communal graves are being created. In the 1950s-1980s, with the strengthening of ideological approaches to memorialization of the war years events, the forms of their perpetuation were being changed. Large memorial complexes appeared in Nakhimov Square in Sevastopol and in Yu. A. Gagarin Park in Simferopol. In 1963, on the main road from Simferopol to Alushta, the first monument to the Crimean partisans – the Partisan Hat – was opened. Memorials were opened in the places of mass executions of Soviet citizens in Simferopol, Yalta, Evpatoria. At the same time, there were practically no monuments related to the events of the defeat of the Crimean front in 1942, the tragedy of the last defenders of Sevastopol on the cape of Chersonesus (in particular, the feat of the soldiers of the 35th coastal battery).

**Keywords:** The Great Patriotic War, Sevastopol, Crimea, historical memory, monuments of cultural heritage.

**УДК (015:902:908)(47)КРЫМ; БАШКИРОВ**

**АЛЕКСЕЙ БАШКИРОВ В КРЫМОВЕДЧЕСКИХ  
КОММУНИКАЦИЯХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX СТОЛЕТИЯ**

*Непомнящий А. А.*

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,  
г. Симферополь, Российская Федерация  
E-mail: dr.aan@mail.ru*

На основе обширного корпуса архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот, в частности эпистолярия, восстановлены межличностные и научные контакты в активно развивавшемся крымоведении 20-х годов XX столетия. Показана роль А. С. Башкирова в организации и проведении грандиозного экспедиционного изучения полуострова, которое проходило с перерывами в 1924–1929 годах.

**Ключевые слова:** А. С. Башкиров, экспедиции, крымоведение, межличностные коммуникации.

Имя А. С. Башкирова (1885–1963) только в последние десятилетия начало активно восстанавливаться в канве признанных подвижников регионоведения. Этот процесс начат в научной школе истории крымоведения на фоне возрождения интереса к памятникам мусульманской культуры полуострова и восстановления истории памятниковедения в Крыму в целом. Об основных моментах биографии ученого около полувека судили лишь по крайне лаконичному некрологу, подготовленному ученицей А. С. Башкирова, Н. В. Пятышевой, и размещенному в «Советской археологии». В этом документе совершенно не отражен вклад историка в развитие крымского памятниковедения, не упомянут и факт репрессии ученого [1].

Прорывом в раскрытии роли ученого в экспедиционном изучении Крыма в 20-е годы XX века стали наработки Н. И. Винокурова [2], а также обзорная статья И. В. Белозеровой и С. В. Кузьминых, подготовленная для издания Академии наук Республики Татарстан «Мирас – Наследие: Татарстан – Крым» [3]. Полная библиография опубликованных и рукописных крымоведческих трудов А. С. Башкирова представлена в общем библиографическом своде историко-этнографического научного наследия эпохи [4]. В работах по истории крымоведения восстановлены научные связи московского археолога с крымскими исследователями и обозначены основные аспекты их совместной работы [5].

Вместе с тем основной корпус источников, связанных с биографией ученого, его научными исследованиями, до последнего времени оставался неизвестным историкам науки. Интерес в этой связи представляют три собственноручно заполненные анкеты А. С. Башкирова, сохранившиеся в фонде «Наука и ее работники в пределах СССР (1924–1930)» (ф. 155) Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Благодаря этой информации можно проследить должностные перемещения ученого до 1930 года, уточнить отдельные моменты его биографии [6].

Личный архивный фонд А. С. Башкирова, хранящийся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ф. 598), лишь недавно стал

доступен крымоведам. Он поступил в архив в 2013 году и поэтому пока еще малоизвестен [7; 8]. Особенное значение в качестве первоисточника по охране культурного наследия полуострова представляют находящиеся в этом документальном собрании многочисленные фотографии археологических объектов и не сохранившихся до наших дней памятников. Для археологов интерес также представляют отложившиеся там рукописные полевые дневники различных исследований на полуострове как самого А. С. Башкирова, так и начинающих в ту пору свою научную деятельность, а со временем маститых ученых – В. Д. Блаватского, Е. В. Веймарна, В. Ф. Гайдукевича, К. Э. Гриневича. Сохранилась и обширная крымоведческая библиография (картотеки и списки), составленная А. С. Башкировым. Выявлены и рукописи (автографы и машинопись) опубликованных и неопубликованных работ ученого. Материалы фонда касаются всех регионов, где работал историк.

Алексей Степанович Башкиров родился 19 июля 1885 года в селе Кукмор Мамадышского уезда Казанской губернии в семье учителя. На рубеже 80–90-х годов XIX века семья переехала в Санкт-Петербург. В 1913 году юноша окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1908–1913) и одновременно Археологический институт (1910–1913) [9]. Наравне с серьезной филологической подготовкой по древним языкам молодой историк углубленно занимался в семинариях Д. В. Айналова по истории византийского и древнерусского искусства, М. А. Полиевктова по российской истории, А. А. Спицина по археологии, русской исторической географии и Б. В. Фармаковского по южнорусским древностям [10]. Студенческие годы А. С. Башкирова не были лишь площадкой для накопления теоретических познаний. Он практиковался на раскопках в Ольвии у Б. В. Фармаковского (1911–1912) и в Херсонесе – у Р. Х. Лепера [11]. В Крыму студент одновременно участвовал в исследованиях средневековых «пещерных городов» Мангуша и Тепе-Кермена (1910, 1913–1914) также под руководством Р. Х. Лепера [12].

Работая на полуострове, А. С. Башкиров начал сотрудничать с местными краеведами из Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, стал членом этой организации. В сферу деятельности названного общественного научного содружества входили охрана археологических объектов, популяризация истории и отдельных древностей полуострова [13]. В 1912 году А. С. Башкиров вошел в специально созданный комитет общества по подготовке путеводителя по Крыму. Бум в издании популярной литературы для приезжих в Крым наблюдался с середины XIX века. Однако лишь единичные издания соответствовали элементарным научным критериям, особенно в исторической части. Энтузиасты-краеведы из Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы К. Ю. Бумбер, Л. С. Вагин, Н. Н. Клепинин, С. А. Мокржецкий, В. В. Соколов предложили создать путеводитель нового класса, который соответствовал бы научным стандартам, содержал значительный иллюстративный материал и создавался командой профессионалов в различных отраслях крымоведения [14]. А. С. Башкирову поручили работу над «Историко-археологическим очерком Крыма». Студент столичного вуза впервые представил в издании подобного толка научную характеристику этих периодов. На

основе ежегодных отчетов Археологической комиссии, которые были в его распоряжении, сделана попытка создать один из первых очерков по истории археологического изучения полуострова. В частности, упомянуто значение раскопок А. С. Уварова, Н. И. Веселовского, Ю. А. Кулаковского. Очерк дополняли многочисленные фотографии и рисунки разрезов курганов [15]. Рукописные материалы для этого очерка сохранились в личном архивном фонде А. С. Башкирова [16].



*А. С. Башкиров в греческом национальном костюме. 1915 год*

Неудивительно в связи с интересом Алексея Степановича к крымоведческим разработкам появление в 1915 году на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» рецензии на второе издание монографии профессора Университета Святого Владимира в Киеве Юлиана Андреевича Кулаковского «Прошлое Тавриды», подготовленной А. С. Башкировым. По мнению рецензента, очерк Ю. А. Кулаковского «превосходно выполнил свое назначение». Рецензент подробно разобрал все главы книги, чем подтвердил собственную высокую компетентность в знании истории региона. Спустя год вариант этой рецензии был опубликован и в

«Записках Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы» [17]. Статья размещена без подписи. Ее атрибуция возможна благодаря сравнению текста с вышедшим за год до этого материалом.

После окончания университета, недолго проработав в Польской гимназии в Санкт-Петербурге, по рекомендации М. И. Ростовцева и Б. В. Фармаковского А. С. Башкиров был определен в Русский археологический институт в Константинополе. Сказалась тут и дружба с Р. Х. Лепером, который также состоял сотрудником этого научного учреждения. Институт сразу направил молодого специалиста на трехлетнюю стажировку (1914–1916) в Грецию, Италию, Францию, Англию и скандинавские страны с целью изучения античного и средневекового искусства. Несмотря на то, что в 1914 году в связи с началом Первой мировой войны Русский археологический институт в Константинополе свернул работу, А. С. Башкиров имел возможность выполнить всю программу своей научной командировки [18].

Сохранившиеся письма А. С. Башкирова к директору Русского археологического института в Константинополе, крупному византисту Федору Ивановичу Успенскому (1845–1928) за 1914–1916 годы – время стажировки – из Афин, Рима и Парижа свидетельствуют о теплых личных отношениях двух ученых, принадлежавших к разным поколениям. 1 октября 1914 года А. С. Башкиров рапортовал руководителю о поездке в Париж и просил дать более развернутые инструкции о том, на что ему обратить внимание во время знакомства с коллекциями музеев. Он заметил: «Одно меня смущает и наводит на грусть: далеко буду от России с ее Великой борьбой за счастье народов, от той жизни могучей, которую она переживает в настоящие дни» [19]. 7 марта 1915 года из Афин А. С. Башкиров сообщал, что «приканчивает изучение памятников, находящихся здесь повсюду в окрестностях». К письму приложен план его дальнейших поездок по всей Греции [20]. 13 мая из Афин он сообщал, что его шестинедельная поездка по Элладе закончена. Письмо содержит интересные мысли Алексея Степановича о планах на будущее: «Через шесть-семь месяцев моя командировка окончится, и я останусь в неопределенном для меня положении, так как совершенно не знаю, к чему мне пристать и где буду служить. Хочется продолжать мое прямое дело, к которому готовлюсь, но не ясно и учреждение, которое бы мне содействовало в моих занятиях, которому бы я был полезен и которое бы мне давало бы средства для существования. Пока у меня одна и далеко неопределенная мысль: приехать в Петроград или Одессу и просить Вас и Вашего согласия для дальнейших занятий. Я бы хотел просить Вас походатайствовать перед Министерством о продлении моей командировки еще на год, но положение командированного весьма неопределимо, да и годы идут за годами. Не хочется ехать в Петроград снова браться за гимназические уроки. <...> После командировки мне нужна спокойная работа, нужны книги, библиотеки, но для этого нужны средства» [21]. 28 сентября 1915 года А. С. Башкиров сообщал Ф. И. Успенскому об итогах поездки по музеям Италии [22], а 7 июня 1916 года – по музеям Парижа [23]. Он приписал: «видимо, придется ехать в Россию для отбывания воинской повинности» [24]. И еще из личного: «Не скрою я, что и у меня была мечта оставаться под эгидой Константинопольского института и там работать на пользу

нашей науки. <...> За мной такие работы, как Херсонес!» [25]. К письму А. С. Башкиров присоединил копию послания к товарищу министра народного просвещения от 7 июня 1916 года из Парижа по поводу просьбы об отсрочке от отбывания воинской повинности [26].

В Петроград А. С. Башкиров вернулся в начале 1917 года. С 1 января он состоял магистрантом Петроградского университета. Однако в 1918 году молодой ученый уехал из беспокойного и голодного Петрограда в Поволжье (Саратов). Там он начал преподавать на историко-филологическом факультете Саратовского университета по кафедре теории и истории искусств. 1919-й оказался для Алексея Степановича довольно суетным. Он все же стремился в Крым, где с мая вновь ненадолго была установлена советская власть. В это беспокойное время ученый предпринял переезд из Саратова в Крым. Сохранился интересный документ – пустой бланк члена императорской Археологической комиссии, заведующего раскопками в Херсонесе, подписанный «за заведующего раскопками в Херсонесе А. Башкиров. Херсонес. 21. VIII. 19». Место оставлено, видимо, для внесения какого-то ходатайства [27].

Не имея возможности остаться в Крыму, где за год трижды менялись власть, денежные единицы и документы, историк вернулся в Саратов. Однако скоро перебрался в Самару, где получил возможность преподавать в университете, а с 1922 года даже стал деканом педагогического факультета. Молодой и энергичный специалист получил должность директора Самарского краеведческого музея (заведующий Самарским отделом Главнауки с 2 февраля 1921 года), стал одним из учредителей и председателем Общества археологии, истории, этнографии и естествоиспытателей при Самарском университете [28]. Под руководством А. С. Башкирова на историко-филологическом факультете Самарского университета оформилось научное и учебно-вспомогательное подразделение – Семинарий археологии и искусствоведения с библиотекой и учебно-показательным музеем. А. С. Башкиров способствовал передаче в Самару (на базу семинария) уникальных книжных коллекций, книг дублетного фонда из Петрограда (Библиотека Академии наук, Российская академия истории материальной культуры, Государственный Эрмитаж). Алексей Степанович вел в семинарии занятия по археологии и искусствознанию. Так, осенью 1919 года он читал общий курс по искусству средневековья и эпохи Ренессанса на Западе, а с весны 1920-го – курс «Искусство на Западе в XV веке» [29].

Осенью 1920 года в Самару с инспекцией приехал руководитель археологического подотдела Музейного отдела Наркомата просвещения РСФСР, крупный организатор науки, археолог В. А. Городцов (1860–1945). Встреча А. С. Башкирова и В. А. Городцова кардинально отразилась на судьбе молодого историка. 15 октября 1922 года он покинул Самару и переехал в Москву. В. А. Городцов сразу ввел его в круг столичной научной элиты. А. С. Башкирова избрали на должность профессора педагогического факультета 2 МГУ по кафедре теории и истории искусств и археологии. По протекции В. А. Городцова, который работал также профессором кафедры первобытной археологии 1 МГУ, Алексей Степанович стал преподавать и там: вел три курса – по истории археологических открытий, археологии средневековья и археологии болгарской культуры. С 5 апреля

1923 года он был зачислен «эпизодическим сотрудником» Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР [30]. Сохранился авторский курс лекций для курса «Археология Крыма», который он читал в 1 МГУ в 1925–1926 учебном году [31]. Дружеские отношения А. С. Башкирова и В. А. Городцова поддерживались многие годы, о чем свидетельствуют сохранившаяся переписка [32] и дневниковые записи В. А. Городцова [33].

В 1923 году в столице оформился новый центр археологических исследований – Институт археологии и искусствоведения при факультете общественных наук 1 МГУ, который уже со следующего года вышел из структуры университета и работал в системе Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Коллектив нового научного учреждения образовали профессора 1 МГУ со своими научными школами. А. С. Башкиров со времени создания Института являлся, согласно штатному расписанию, действительным членом (научным сотрудником), членом коллегии секции археологии, где возглавил кафедру греко-римской истории [34].



*А. С. Башкиров в Старом Крыму. 1926 год*

Оказавшись в начале бурных 20-х в Москве и войдя благодаря В. А. Городцову в круг элиты столичной археологии, А. С. Башкиров стал сотрудничать в популярном в то время в столице Содружестве крымских культурных работников «Чатыр-Даг». В этом историко-культурном, научном сообществе было задумано и реализовано издание книжной серии «Библиотека Крыма». Тогда именно такие издания пользовались особенным спросом. Сказалось длительное отсутствие возможности интеллигенции бывать в полюбившемся Крыму, и книги каким-то образом тушили образовавшийся голод на крымоведческую информацию. Книжки печатались в карманном формате и имели целью популярное освещение истории полуострова. Вторым выпуском этого книжного ряда стал исторический эскиз А. С. Башкирова «Прошлое Крыма», подготовленный в форме пособия для экскурсантов [35]. В основе текста – досоветские наработки автора, опубликованные в «Путеводителе» Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы.

Уже в это время Башкиров известен в Москве как специалист по крымской истории. В 1923 году в Научно-исследовательском институте археологии и естествознания он выступил с докладом «Готы в Крыму» [36]. А. С. Башкиров – член наиболее авторитетного научного коллектива по изучению восточной культуры в СССР: с декабря 1922 года он член президиума Комиссии по изучению тюркской культуры при Наркомате просвещения РСФСР, а с 1927 года – ученый секретарь этой комиссии. В 1926 году из Комитета по изучению языков и этнических культур народностей Востока возник Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока, вошедший в систему Российской академии научно-исследовательских институтов общественных наук. С 1926 по 1932 годы А. С. Башкиров входил в коллегию этого учреждения [37]. 24 февраля 1924 года оформилась Московская секция Российской академии истории материальной культуры. А. С. Башкиров стал сотрудничать в ее Археологической комиссии. По рекомендации В. А. Городцова А. С. Башкиров 28 января 1925 года был включен в состав Археологической комиссии научной музейно-библиотечной секции Государственного ученого совета. Это позволило молодому археологу включиться в составление плана археологических исследований СССР [38]. В эти годы ученый активно сотрудничал в научных обществах (Московское археологическое общество, Российской общество по изучению Крыма, Центральное бюро краеведения при РАН, Таврическое общество истории, археологии и этнографии). Начались его научные работы во Всесоюзной научной ассоциации востоковедения.

Особенно активной была деятельность ученого в Российском обществе по изучению Крыма. В 1924 году А. С. Башкиров был избран членом правления этой организации. Он постоянно был участником научных собраний Московского отделения, проходивших в Доме ученых (ул. Кропоткинская, 16). На страницах периодического органа общества – журнала «Крым» – он разместил несколько очерков. В первом же номере издания (1925 г.) опубликована статья ученого «Доисторический человек Горного Крыма» [39]. Материал для нее был накоплен еще в досоветский период. Другие очерки написаны по результатам экспедиционного изучения полуострова 1924 года и Солхатской экспедиции 1925–1926 годов. В них автор остановился на характеристике особенностей средневековой архитектуры



полуострова и внешних влияний на ее развитие [40; 41]. В выявленном нами рукописном отзыве академика В. В. Бартольда об этих публикациях отмечается, что, хотя «исчерпывающих сведений о всех архитектурных памятниках Солхата и художественной их истории автор не имел в виду дать» [42], ему удалось представить «общее понятие о работе экспедиции 1925/6 годов и системе производства раскопок, планов, обмеров» [43].

Имея опыт работы над научно-популярными изданиями по истории Крыма, Алексей Степанович вошел в состав коллектива по подготовке нового путеводителя по полуострову, идея которого витала в Российском обществе по изучению Крыма. Ее вынашивал известный медик, писатель Иван Михайлович Саркизов-Серазини (1887–1964). В издании приняли участие признанные крымоведы, в частности Б. Ф. Добрынин, А. К. Кончевский. А. С. Башкиров подготовил очерк «Крым в его прошлом» [44].

Тесное сотрудничество у А. С. Башкирова установилось и со Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения. В Ассоциации образовался Отдел по изучению культур Юга России, Крыма и Кавказа. При организационной и финансовой поддержке этого научного объединения А. С. Башкиров с 1924 года проводил раскопки и археологические разведки в окрестностях Севастополя [45]. Сохранился составленный им «План исследований на Гераклеийском полуострове на лето 1924 года» [46]. Кроме Юго-Западного Крыматополя в 1924-м коллективом историков, археологов и реставраторов по инициативе правительства Крымской АССР были исследованы мечети в окрестностях Азис и Кырк-Азислер г. Бахчисарае (Асма-Кую, Бурма-Чешме, Ак-Каю), а также надгробные памятники Эски-Юрта [47], составлялись схемы археологических памятников, была предложена типология погребальных памятников. Часть раскопанных артефактов с прекрасно сохранившейся резьбой была перевезена в Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае (в исследованиях принимал участие директор этого учреждения У. А. Боданинский), что спасло эти ценные находки от уничтожения в дальнейшем.

Сохранились дневники А. С. Башкирова, где отражены раскопки могильника Кырк-Азислер, содержащие интересную информацию о данном объекте [48]. Во время работ, проведенных в 1924 году, изучались дома в приходах Асма-Куй, Сарлы-Чешме, Умерша-Куй, дюрбе Эски-Юрта, Ханский дворец в Бахчисарае. Одновременно с евпаторийскими исследовались кенасы в Чуфут-Кале. Был составлен чертеж «Мертвой долины» (В. Н. Чепелев), сделано большое количество рисунков надгробных памятников (Е. В. Веймарн) [49]. Главной задачей исследований 1924 года было определить масштабы, основные направления дальнейших разысканий и объемы финансирования работ для планируемой Солхатской экспедиции.

Наличие в личном архивном фонде А. С. Башкирова обширного количества документов о ходе раскопок 1924 года позволяет заключить, что именно он занимался организацией работ, разбором бумаг и отчетами. Сам факт вывоза им всех результатов исследований в Москву вызвал в КрымОХРИСе раздражение, о чем шла речь на заседании этой организации 5 мая 1925 года [50]. Об этом, начальном, этапе

крупномасштабного экспедиционного изучения культурного наследия полуострова сообщает статья, опубликованная в газете «Красный Крым» и подписанная инициалами «Б. Б.». Ее авторство принадлежит А. С. Башкирову и У. А. Боданинскому:

«На днях закончена первая работа по изучению материальной культуры крымских татар, которая начата правительством Крымской ССР на особо ассигнованные им средства.

Прошлое крымских татар почти не изучено, если не считать работ Смирнова, Вельяминова-Зернова, Крымского и некоторых других исследователей, которые едва-едва затронули прошлое крымских татар и то на основании архивных материалов, касаясь истории ханов, внешних сношений Крымского ханства, слабо отмечая социальные условия прошлого и совершенно не останавливаясь на материальной культуре татар в Крыму. Только за последние годы отдельные ученые на свой риск стали подходить и к последнему вопросу.

Крымское правительство в настоящем так поставило вопрос о систематическом изучении татарской культуры и ее прошлом. С этой целью оно через Наркомпрос (КрымОХРИС) вошло в тесный научно-исследовательский контакт с научной ассоциацией востоковедения при ЦИКе СССР в Москве и решительно уже приступило к означенной работе.

Научная ассоциация востоковедения специально откомандировала в Крым для разработки, совместно с КрымОХРИСом, исследовательского плана и для начала работ профессоров И. Н. Бороздина и А. С. Башкирова. Со стороны же КрымОХРИСа к исследовательской работе приступил уполномоченный КрымОХРИСа по Бахчисарайскому району, зав. Бахчисарайском дворцом-музеем У. А. Боданинский

С первого октября т.т. Башкиров и Боданинский начали работы по обследованию района Бахчисарая, территории древних могильника и городища Эски-Юрт и Азиз. Составлен детальный топографический план означенных мест с нанесением на него сохранившихся на поверхности и открытых в земле памятников древности, произведен ряд архитектурных съемок с первых сооружений и первые зондажные раскопки. Все работы осуществлялись с тщательным описанием отмеченного, детальнейшими зарисовками и фотографированием.

В результате археологических работ был изучен тип монументальных дюрбе (мавзолеев), тип купольных гробниц с их погребениями, погребения в грунтовых могилах и огромное количество разнотипных надгробных памятников, покрытых богатой орнаментацией, нередко снабженных надписями на татарском, арабском и персидском языках, часто с точным указанием года смерти умершего, а следовательно и времени изготовления того или иного памятника. Даты памятников падают на вторую половину XIV и начало XV веков.

Пока еще не пришло время говорить о деталях научного значения, открытых памятников. Предстоит кропотливая лабораторная их обработка. Нужны еще длительные дальнейшие изыскания на территории Эски-Юрта и Эски Крыма и других мест древних татарских поселений и некрополей, но и то, что сделано во время первой рекогносцировочной работы, начатой по инициативе Крымской

республики, является весьма ценным показателем того, что дальнейшие исследования могут дать богатый материал к пониманию прошлого крымских татар.

ГОСПЛАН СССР  
научных и научно-технических работников  
1931 года

613

Настоящий бланк содержит формулярные научные, технические, творческие и изобретательские данные и сведения о личности и образовании работника и его семьи.

Полное имя: *Башкиров Алексей Степанович*

Республика: *Татарстан* Область: *Татарстан* Район: *Казань*

Наименование учреждения: *Казанский институт татарского языка*

1. Фамилия, имя, отчество: *Башкиров Алексей Степанович*

2. Пол: *Мужской*

3. Возраст: *45 лет*

4. Национальность: *русский*

5. Родной язык: *русский*

6. Социальное положение: *Работник*

7. Социальное положение: *Работник*

8. Социальное положение: *Работник*

9. Социальное положение: *Работник*

10. Социальное положение: *Работник*

11. Социальное положение: *Работник*

12. Социальное положение: *Работник*

13. Социальное положение: *Работник*

14. Социальное положение: *Работник*

15. Социальное положение: *Работник*

16. Социальное положение: *Работник*

17. Социальное положение: *Работник*

18. Социальное положение: *Работник*

19. Социальное положение: *Работник*

20. Социальное положение: *Работник*

21. Социальное положение: *Работник*

22. Социальное положение: *Работник*

23. Социальное положение: *Работник*

24. Социальное положение: *Работник*

25. Социальное положение: *Работник*

26. Социальное положение: *Работник*

27. Социальное положение: *Работник*

28. Социальное положение: *Работник*

29. Социальное положение: *Работник*

30. Социальное положение: *Работник*

31. Социальное положение: *Работник*

32. Социальное положение: *Работник*

33. Социальное положение: *Работник*

34. Социальное положение: *Работник*

35. Социальное положение: *Работник*

36. Социальное положение: *Работник*

37. Социальное положение: *Работник*

38. Социальное положение: *Работник*

39. Социальное положение: *Работник*

40. Социальное положение: *Работник*

41. Социальное положение: *Работник*

42. Социальное положение: *Работник*

43. Социальное положение: *Работник*

44. Социальное положение: *Работник*

45. Социальное положение: *Работник*

46. Социальное положение: *Работник*

47. Социальное положение: *Работник*

48. Социальное положение: *Работник*

49. Социальное положение: *Работник*

50. Социальное положение: *Работник*

51. Социальное положение: *Работник*

52. Социальное положение: *Работник*

53. Социальное положение: *Работник*

54. Социальное положение: *Работник*

55. Социальное положение: *Работник*

56. Социальное положение: *Работник*

57. Социальное положение: *Работник*

58. Социальное положение: *Работник*

59. Социальное положение: *Работник*

60. Социальное положение: *Работник*

61. Социальное положение: *Работник*

62. Социальное положение: *Работник*

63. Социальное положение: *Работник*

64. Социальное положение: *Работник*

65. Социальное положение: *Работник*

66. Социальное положение: *Работник*

67. Социальное положение: *Работник*

68. Социальное положение: *Работник*

69. Социальное положение: *Работник*

70. Социальное положение: *Работник*

71. Социальное положение: *Работник*

72. Социальное положение: *Работник*

73. Социальное положение: *Работник*

74. Социальное положение: *Работник*

75. Социальное положение: *Работник*

76. Социальное положение: *Работник*

77. Социальное положение: *Работник*

78. Социальное положение: *Работник*

79. Социальное положение: *Работник*

80. Социальное положение: *Работник*

81. Социальное положение: *Работник*

82. Социальное положение: *Работник*

83. Социальное положение: *Работник*

84. Социальное положение: *Работник*

85. Социальное положение: *Работник*

86. Социальное положение: *Работник*

87. Социальное положение: *Работник*

88. Социальное положение: *Работник*

89. Социальное положение: *Работник*

90. Социальное положение: *Работник*

91. Социальное положение: *Работник*

92. Социальное положение: *Работник*

93. Социальное положение: *Работник*

94. Социальное положение: *Работник*

95. Социальное положение: *Работник*

96. Социальное положение: *Работник*

97. Социальное положение: *Работник*

98. Социальное положение: *Работник*

99. Социальное положение: *Работник*

100. Социальное положение: *Работник*

Собственноручно заполненная анкета А. С. Башкирова

Пробудился сильный общественный интерес к начатой исследовательской работе среди местного населения. Потянулись к месту работ не только экскурсии учащихся, работников просвещения, но и представители профсоюзов, члены местного исполкома и просто граждане массово пребывали на месте открытий.

Были также и представители КрымЦИКн, СНК и других органов власти. 11-го октября посетил раскопки и с глубоким интересом осматривал их председатель Совнаркома СССР товарищ А. И. Рыков и зампред ВЦИКа товарищ Смидович. Объяснения представителям Советской власти и экскурсиям давали тт. Башкиров и Боданинский. Товарищ Рыков, с удовлетворением отметив начатую работу по изучению татарского прошлого в Крыму, благодарил руководителей за новые открытия.

Крымское правительство намерено в дальнейшем развить работу по изучению татарской культуры в возможно широком и глубоком масштабе и в 1925 году, кроме работ в Эски-Юрте, приступить к изысканиям в Эски-Крыме, на что уже обещаны специальные ассигнования» [51].

Атрибуция данной статьи стала возможной благодаря сохранившемуся «Краткому производственному отчету штатного преподавателя Археологического отделения факультета общественных наук Московского государственного университета А. С. Башкирова о научно-исследовательской работе летом 1924 года по командировке Главного управления научных учреждений Наркомпроса РСФСР» [52]. В отчете расписаны археологические исследования на Гераклеяском полуострове и в окрестностях Бахчисарая. В том числе обозначены совместно проведенные с У. А. Боданинским работы [53].

О раскопках в 1924 году работавший вместе с А. С. Башкировым заведующий археологическим отделом Центрального музея Тавриды Николай Львович Эрнст (1889–1956) сообщал 22 октября 1924 года брату, крупному искусствоведу Федору Людвиговичу Эрнсту (1891–1942) в Киев: «КрымСовНарКом потребовал, чтобы копать татарскую старину в Бахчисарае. Пришлось копать. Вышло довольно занятно. Копал я вместе с московским археологом Башкировым. Раскапывали древние татарские кладбища около станции. Выкапывали старые, ушедшие в землю, надгробия, оказавшиеся очень интересными, в виде саркофагов (но не пустых внутри) с великолепными орнаментами арабскими и византийскими и прекрасными надписями. Датированы концом XIV-го – началом XV-го века. Раскопали и несколько погребений и также один фамильный склеп с пятью покойниками, очень интересными по строительной конструкции [54].

12 июня 1925 года А. С. Башкиров в письме к Б. В. Фармаковскому так обозначил особенности своего московского бытия:

«Моя московская жизнь и работа пока идет под благоприятной атмосферой. Конечно, ручаться ни за что не приходится. После тревожного периода постройки этнологического факультета в 1-м МГУ из ФОНа, настало затишье. Многие остались не удел. Моя работа пока оставлена: мне поручено читать на Отделении материальной культуры “Археологию России” и “Археологию Крыма”, а на Отделении искусствознания – “Искусство Крыма”. Из археологов приглашены только В. А. Городцов, А. А. Захаров и Ваш покорный слуга. Работаю я штатным действительным членом в Научно-исследовательском институте археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, в той же роли в Северо-Кавказском комитете и ученым сотрудником в Историческом музее. Сотрудничаю в приватном порядке в Московской секции РАИМКа, в Российской академии художественных наук, в Ассоциации востоковедения СССР и в ряде комиссий в Наркомпросе.

Вся прошлая зима была в напряженнейшей работе по обработке материалов лета 1924 года, попутно с обработкой читал доклады и провел их, побив рекорд, до 17-ти. Написал я краткий отчет о работах около Бахчисарая в Крыму в Н. В. [журнал “Новый Восток” – А. Н.] № 8.

Устал я от зимы невероятно, но рвусь снова в работу, которую буду вести и в Крыму, и на Кавказе. <...> Надеюсь, что Академия по примеру прошлых лет не откажет мне в “Открытом листе”, так как в работе своей и тщательность, и осторожность я провожу по “Ольвийской системе”, которая не всем археологам доступна. Я очень жалею, что мне не удалось быть в Ленинграде. Мне думается, что

Вы с удовлетворением бы отметили те результаты, которых я добился. Вам легче было бы давать мне отзывы. Хотя ваш лестный для меня отзыв был дан еще летом на Гераклее. Как было бы хорошо, если бы Вы нашли возможным и в наступающее лето посетить мою работу, хотя бы и для того, чтобы у Вас рассеялось недоумение к моей работе по изучению памятников средневекового Востока.



*Гераклеяская экспедиция. А. С. Башкиров в первом ряду слева. 1924 год*

Мысль об экспедиции в Персию еще не забросил и чем больше я работаю над Кавказом, тем более к ней готовлюсь.

Ваш благодарный А. Башкиров» [55].

Об активной роли крымских властей в организации широкомасштабной экспедиции по изучению мусульманских памятников истории и культуры в 1925–1926 годах свидетельствует письмо представителя Крымской АССР при Президиуме ВЦИК Д. Софу. Зная о планах Всесоюзной ассоциации востоковедения при ВЦИК СССР по организации экспедиции, 14 января 1925 года он отправил туда официальное ходатайство (№ 1484): «Просим Ассоциацию востоковедения принять участие в научно-исследовательской работе Крымской Республики в 1925 г.

Крымское правительство озабочено широкой постановкой дела исследования прошлого и настоящего Крыма, для чего считает необходимым дополнительные ассигнования Центра в размере 4.000 руб.

Просим Ассоциацию востоковедения исходатайствовать эту сумму для раскопок Бахчисарая и Старого Крыма (Сулхат)» [56].

С учетом этих пожеланий руководитель экспедиции – заведующий историко-этнологическим отделением РАНИОН, профессор И. Н. Бороздин обратился в Президиум ВЦИК с официальным письмом: «Предавая большое значение систематическому и планомерному изучению восточных культур Крымской Республики, Научная ассоциация востоковедения Союза СССР в тесном контакте с КрымЦИКом и КрымСовНарКомом предпринимает летом настоящего года экспедицию в Крым, имеющую целью обследование памятников старины, народного быта и современного строительства.

Не имея средств для намеченной экспедиции, представитель Крымской Республики по поручению КрымЦИКа и КрымСовНарКома возбуждает ходатайство об отпуске 4.000 рублей, каковое ходатайство Научная ассоциация востоковедения полностью поддерживает ввиду важности научно-исследовательских работ этой экспедиции» [57]. К письму прилагалась составленная Бороздиным и Башкировым смета на отпуск средств на оборудование и подготовку работ экспедиции по изучению культуры крымских татар из ассигнованных Совнаркомом СССР сумм. Предполагалось закупить фотографическое оборудование, приборы для топографического и архитектурного обмера, рисовально-чертежное оборудование, репродукционно-эстампное и письменное оборудование, упаковочные материалы. Оплачивались проезд и содержание двух руководителей экспедиции с суточными на 30 дней: по пять рублей в день каждому.

1925–1926 года – время проведения масштабной Солхатской (Старо-крымской) экспедиции, в которой совместно принимали участие Всесоюзная научная ассоциация востоковедения и Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. За музеем стоял КрымОХРИС, представители которого курировали работы. Финансировал мероприятие ЦИК и СНК Крымской АССР.

Возникшее противостояние за право проведения археологических раскопок между Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения и Государственной академией истории материальной культуры, куда изначально обращался с подобным предложением руководитель КрымОХРИСа А. И. Полканов, удалось сгладить. Предполагаемые вначале две отдельные экспедиции: археологическая (руководители И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров) и этнографическая (руководитель Б. А. Куфтин) были объединены в одну [58]. В письме председателя Совнаркома Крымской АССР О. А. Дерен-Айерлы в Государственную академию истории материальной культуры от 22 июня 1925 год руководитель Крымского правительства просит ленинградских ученых прислать своих наблюдателей за раскопками, проводимыми И. Н. Бороздиным и А. С. Башкировым [59]. По этому же поводу руководитель КрымОХРИСа А. И. Полканов писал И. Н. Бороздину:

«Дорогой Илья Николаевич.

К сожалению, не застал, а надо было поговорить, так как из собеседования с Башкировым выяснил, что существует какое-то недоразумение по поводу крымских раскопок.

1. В это лето у нас будет две экспедиции. Первая, интересующая Вас, по раскопкам Солхата и вторая, Вам неинтересная, по сбору для КрымЦИКа этнографии в степной части Крыма. К участию в последней мы привлекаем профессора Куфтина.



*А. И. Рыков на раскопках Кырк-Азизлера. 1924 г.*

Что касается первой, то производство раскопок мы мыслим только с Вашим и Башкирова участием и, конечно, с нашим.

Что же касается времени, плана и форм экспедиции, то необходимо по этому поводу предварительно договориться, так как нам желательно, прежде всего, в обеих работах участие Боданинского.

Кроме того, мы обязаны по своей линии подчинения обратиться в Музейный отдел или Академию истории материальной культуры. Быть может они пожелают дать своего представителя, ибо дело это выходит и за пределы Крыма, и за пределы чисто татарской культуры, так как, несомненно, углубимся, быть может, до каменного века. О необходимости обратиться в Музейный отдел мне уже указали. Думаю, что это не встретит никаких возражений при моем разъяснении и с Вашей стороны. Как в прошлом мы с Вами дружно работали, так, надеюсь, и в будущем заработаем без всяких недоразумений.

С искренним приветом, А. Полканов» [60].

В преддверии начала работ на заседании КрымОХРИСа от 5 мая 1925 года был заслушан доклад Н. Л. Эрнста об итогах совместных предварительных археологических разведок КрымОХРИСа и Всесоюзной научной ассоциации востоковедения в 1924 году. А. И. Полканов рассказал о предполагаемых в текущем году раскопках в Старом Крыму и этнографической экспедиции для изучения крымско-татарской материальной и духовной культуры и древностей. Постановили:

просить Главнауку Наркомпроса РСФСР и Государственную академию истории материальной культуры взять на себя руководство раскопками. Просить профессора А. С. Башкирова вернуть в Крым материалы раскопок 1924 года [61]. Заметим, что эти материалы Башкиров так и не вернул. Они сохранились в составе его личного архивного фонда.

Целью научной экспедиции 1925–1926 годов стало изучение средневековых археологических и архитектурных памятников по всему полуострову, а также этнографические разработки (изучение крымскотатарского фольклора, жилища). В первый год исследований за 42 дня специалисты обследовали 64 населенных пункта. Руководил экспедицией авторитетный крымовец, профессор Илья Николаевич Бороздин. Фактически руководителей было двое. Второй – Алексей Степанович Башкиров. Среди участников – весь цвет крымоведческого сообщества 20-х как столичных, так и местных: руководитель КрымОХРИСа Александр Иванович Полканов, архитектор, историк искусства и архитектуры Павел Иванович Голландский, архитектор Центральных государственных реставрационных мастерских из Москвы Борис Николаевич Засыпкин, преподаватель Крымского педагогического института М. В. Фрунзе Осман Асанович Акчокраклы, директор Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае Усеин Абдуредиевич Боданинский, заведующий археологическим отделом Центрального музея Тавриды Николай Львович Эрнст, профессор 1 МГУ и Антропологического института Борис Алексеевич Куфтин.

Старателями археологии и этнографии было собрано более 150 этнографических и бытовых предметов, 50 эпиграфических раритетов (рукописей), записано около тысячи образцов фольклора на Южном берегу Крыма и Восточном Крыму. Сделано 200 фотоснимков и 300 зарисовок объектов культурного наследия. Для Старого Крыма (Солхата) был систематизирован свод археологических памятников и составлен генеральный план всех сохранившихся древних сооружений, произведены зондажные раскопки медресе у мечети Узбека, которые выявили остатки дюрбе. В окрестностях Бахчисарая обследованы мечети Аккаш, Асма-Кую, Бурма-Чешме, Сырлы-Чешме, Умерша-Эфенди, Хан-Джами. Многочисленные открытия дали раскопки кладбища района Азис – изучались сохранившиеся мавзолеи. Ученые пришли к общему выводу о значительном влиянии на развитие архитектуры тюркского населения Крыма в XIV–XVI веках сельджукского компонента из Малой Азии [62–64]. В результате работ сделаны уникальные фото памятников Старого Крыма.

Сохранились дневники раскопок А. С. Башкирова в Солхате в 1925 году [65], тетрадь А. С. Башкирова с описанием надгробий и архитектурных фрагментов с переводом О. А. Акчокраклы из Солхата за 1926 год и тетрадь А. С. Башкирова с описанием надгробий и архитектурных фрагментов в Отузах за 1925–1926 годы [66]. В личном архивном фонде А. С. Башкирова отложились многочисленные ценные для сегодняшнего дня фотографии раскопок медресе и мечети в Солхате в 1925–1926 годах [67], других памятников [68]. Составленные А. С. Башкировым в ходе работ списки объектов культурного наследия можно назвать отдельными научными разработками ученого. Так, интересен датированный 1926 годом «Список



архитектурного наследия Крыма» [69]. Содержательна рукописная «Схема расселения Крыма» [70].



*А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин на раскопках в Старом Крыму. 1925 год*

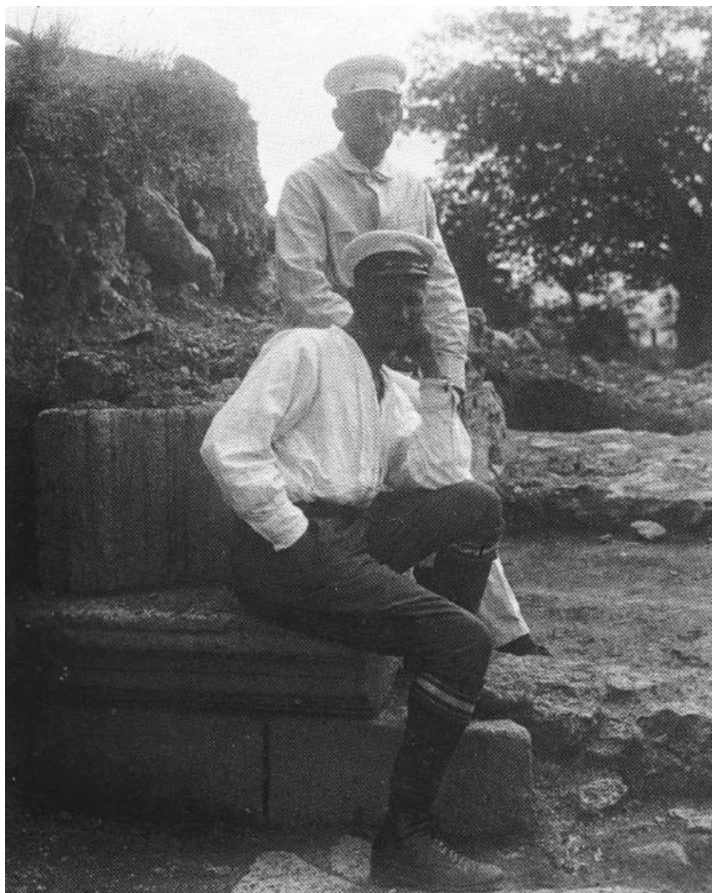
Фотоматериалы экспедиции 1925–1926 годов свидетельствуют, что обследовались также памятники Феодосии и Судака [71], армянский монастырь Сурб-Хач [72], Коктебель [73], Ай-Тодор, Хараке и раскопки Нимфея в Керчи, Карасубазар [74]. Производились раскопки в Отузах, Карасубазаре, Карагозе [75]. Фотодокументы демонстрируют участников экспедиции в ходе работ и на отдыхе, в том числе – директора Феодосийского музея краеведения Николая Степановича Барсамова и художника Максимилиана Александровича Волошина [76].

Материалы экспедиции 1925–1926 годов, сохранившиеся в личном архивном фонде А. С. Башкирова, содержат и рукописи участников экспедиции. Среди списков памятников старины Старого Крыма, взятых на учет экспедицией и КрымОХРИСом, нами выявлен «План г. Солхата с указанием памятников древности», подготовленный П. И. Голландским [77], и составленная О. А. Акчокраклы «Хронологическая таблица мусульманских памятников в Старом Крыму (Солхат), найденных во время экспедиции 1925/26 г.» [78].

Одновременно со средневековыми памятниками эпохи Крымского улуса Золотой Орды ученый уделял внимание и Херсонесу. Согласно сохранившемуся дневнику А. С. Башкирова, исследования шли в русле работ «Гераклейской

археологической экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения в сентябре 1924 и в сентябре 1925 годов [79]. К дневнику прилагались описи вещей из раскопок в Александриаде около Севастополя, фото находок и участников экспедиции.

Постоянные консультации члены научной экспедиции в Солхате получали от организатора крымоведческих исследований – председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии А. И. Маркевича (1855–1942). Неслучайно статью «Художественные памятники Солхата» А. С. Башкиров посвятил Арсению Ивановичу [80].



*А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин на раскопках медресе в Старом Крыму*

Нами выявлен отзыв В. В. Бартольда о результатах работы А. С. Башкирова в Крыму, подготовленный для Государственной академии истории материальной культуры 28 июня 1927 года. К данному времени, как отметил Василий Владимирович, А. С. Башкиров в Крыму имел меньший опыт работы, чем в Абхазии и на Таманском полуострове. При этом статьи его, характеризующие результаты

исследований, эксперт оценил как «достаточно информативные». При этом академик заметил, что А. С. Башкиров не только занимался констатацией выявленного археологического и архитектурного материала с элементами его инвентаризации: «заслугой Башкирова можно признать использование альбома художника М. М. Иванова, сопровождавшего Екатерину II в 1797 году, который хранится в Государственном Эрмитаже [81]. Состояние памятников анализировалось А. С. Башкировым в сравнении с материалом, зафиксированным пейзажистом Михаилом Матвеевичем Ивановым (1748–1823), который первым зарисовал крымские древности. В. В. Бартольд констатировал, что в научных выводах А. С. Башкирова «столь же интересно и, по-видимому, имеет научное значение» предположение о сближении крымского медресе с малоазийскими постройками сельджукского периода [82]. Вместе с этим отмечалось, что «слабее всего изложены сведения о надгробных надписях» [83]. Очевидно, А. С. Башкиров не углублялся в этот аспект в связи с тем, что обширный материал по анализу эпиграфических памятников с их переводом готовил его коллега О. Н. Акчокраклы [84]. Выделяя новаторство публикации «Сельджукизм в древнем татарском искусстве», написанной на материалах данных раскопок, рецензент все же заметил, что «пользование статьей А. С. Башкирова несколько затруднено неровностями стиля» [85].

Научная печать сообщала, что «материалы экспедиции профессора А. Башкирова в Старом Крыму», касающиеся истории Золотой Орды, переданы в Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае [86]. Однако эксклюзивную часть экспонатов ученые привезли в Москву и передали в Музей восточных культур. Публичным отчетом об экспедиционных исследованиях в Крыму в течение 1924–1926 годов стала открытая 27 февраля 1927 года в Музее восточных культур выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму в 1925–1926 годах. Она готовилась отделом Советского Востока Музея восточных культур при содействии Историко-этнологического отдела Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР. Материалы, представленные на выставке, разделялись на два отдела: 1) оригиналы-памятники и 2) многочисленные и разнообразные репродукции с монументальных памятников, находящихся *in situ* (оставленных на хранение в Крыму).

Среди выставленных оригинальных памятников находились предметы материальной культуры и быта, обнаруженные археологическими разведками и раскопками преимущественно на территории караван-сарая и медресе: небольшая коллекция монет золотоордынского периода и многочисленные образцы керамики. Керамика представлялась как в виде целых предметов, так и в виде фрагментов разнообразной посуды, водопроводных труб, поливных плиток. Из целых предметов (их сохранилось очень немного) выделялись сфероконический сосуд, глиняный детский сосудик, поливные плитки (последние найдены при раскопках медресе в 1925 г.) и отдельные бытовые предметы. Среди керамических изделий экспонировалось большое количество расписной поливной посуды, глазурь которой имела разнообразные цвета, но преимущественно была зеленых тонов. Основная масса представленной на выставке посуды относилась к так называемой

золотоордынской керамике, одним из местных центров производства которой являлся Солхат, где были обнаружены в процессе экспедиционных работ остатки гончарной мастерской близ караван-сарая. Наряду с местной керамикой имелись образцы керамики привозной: персидской, малоазиатской. Так, квадратные глиняные плитки из медресе, покрытые поливой бирюзового цвета, и по своему характеру, и по технике принадлежали к привозным изделиям, скорее всего, персидским. Фрагменты водопроводных труб давали представление о системе водоснабжения древнего Солхата.

Второй отдел выставки представлял разнообразные репродукции с обследованных экспедицией памятников, знакомя в то же время с самим ходом исследовательских работ. В экспозицию этого отдела вошли: планы и чертежи, выполненные археологами (общий генеральный план Старого Крыма с нанесением на него всех сохранившихся памятников; план медресе близ мечети Узбека с обозначением как сохранившихся надземных частей, так и раскопанной территории; план караван-сарая с фиксацией произведенных археологических разведок; планы и реставрация мечети Куршум-Джами [Свинцовая мечеть]; план разведок в районе Кешане; планы и разрезы многочисленных деталей медресе и мечети Узбека). Выставлены были фотоснимки, знакомящие со всеми памятниками Старого Крыма, их деталями и фиксирующие отдельные моменты хода научно-исследовательских, раскопных работ, а также эстампажи, снятые с надгробий и архитектурных фрагментов. Надгробия, снабженные интереснейшими надписями на арабском и старотатарском (джагатайском) языках, являлись ценным источником для ознакомления с этническим составом населения Солхата, социальными отношениями, бытовым укладом и хронологией. Ученые показывали посетителям, что надгробные надписи свидетельствовали, что в Старом Крыму проживали пришельцы из Малой Азии, Сирии Месопотамии, Армении, Персии, Северной Африки. Надгробия относятся преимущественно к XIV веку (самое раннее, однако, датируется концом XIII века). Надгробия воздвигались над людьми различного социального положения: шейхами, воинами, придворными, представителями религиозной секты (Эхи), учеными (надгробие астронома), торговцами. Наряду с мужскими надгробиями демонстрировались надгробия женские и детские. В художественном отношении орнаментальные детали надгробий и архитектурных фрагментов указывали, по мнению устроителей выставки, на прочные связи Солхата с Малой Азией (особенно с центрами сельджукизма), с мамелюкским Египтом, Кавказом, Средней Азией и даже Дальним Востоком.

Выставку украсили акварельные зарисовки художника – мастера исторического пейзажа Константина Федоровича Богаевского (1872–1943), по поручению экспедиции подготовившего ряд этюдов медресе, мечети Узбека и караван-сарая. Для сравнения демонстрировались фотоснимки с рисунков из хранившегося в Государственном Эрмитаже альбома художника М. М. Иванова 1787 года. Эти рисунки давали представление о состоянии памятников, уже разрушенных к середине 20-х годов, в конце XVIII века.

Отдельно экспонировалась витрина с литературой (книги, брошюры, статьи), посвященной Старому Крыму и его древностям [87].

III день (22/VI 25.) раскопок  
 (В. А. Хвостов)  
 Поверхность почвы произведенного в 1925 г. раскопки  
 каменного ивора (мелкий)  
 Промысел не на самом на том же уровне, как  
 кривой были границы в квадратах №№ I-VI  
 Содержание первого слоя: сверху почва с ржавыми  
 покровом ил, а - ситчатый илусар с ржавыми  
 из мелких изобильного илусар, гранулированный  
 дождя илусар, корочки бурчачуиз тонкие корочки  
 илусар, и зольный; высота первого слоя  
 Содержание второго слоя, как и в кв. №№ I-VI  
 ситчатый илусар, в край редкий ситчатый илусар  
 каменитый илусар, гранулированный илусар. Высота  
 слоя илусар. Поверхность второго слоя в кв. № VII в по-  
 вышенности близка к кв. № VI, границей с обнаружен-  
 ной гранулированной илусар, как в кв. № IV обнаружен-  
 ная илусар, но меньшего (0, 1 мтр) диаметра. На  
 том же уровне в кв. № IX в с. 3-м углу обнаружена  
 выемка из красного илусар, идущая к З. в  
 образ границей  
 третий слой илусар, с большим содержанием  
 илусар, изобильного илусар, в особенности илусар  
 илусар, илусар (диаметр... мтр) на рубеже кв. № VII-  
 VIII и илусар, илусар, илусар - илусар в кв. № IX.

Дневник А. С. Башкирова. 1925 г.

Выставку готовили непосредственно И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров при участии студентов В. Н. Чепелева и А. Л. Якобсона. Напечатанный анонс выставки не сохранился в крупнейших книжных хранилищах, однако он выявлен в фондовых коллекциях музея и в отдельных в архивных собраниях [88].

Все отчетные публикации по результатам археологических исследований экспедиции 1925–1926 годов принадлежат И. Н. Бороздину, который и являлся официально главным руководителем работ. А. С. Башкиров занимался искусствоведческим аспектом исследования, чему и посвятил свои статьи [89].

Одновременно с Солхатской А. С. Башкиров в 1925 году стал организатором Таманской археологической экспедиции, которая кроме древностей Тамани занималась изучением Керченского полуострова. Ученый привлек к работе там аспирантов Института археологии и искусствознания РАНИОН В. Д. Блаватского, М. М. Кобылину, Л. П. Харко [90]. Исследования велись на протяжении 1925–1927 годов [91–94].

В очерке «Археологические открытия на территории СССР за 1925 год», опубликованном в «Новом Востоке», А. С. Башкиров отметил, что было немало «интересных археологических открытий, развернувших новые любопытнейшие страницы прошлого». Им выделены исследования в Крыму Г. А. Бонч-Осмоловского и С. И. Забнина в Киик-Кобе, подробно расписаны раскопки В. А. Городцова и его научной школы. Отдельно автор остановился на результатах раскопок Солхатской экспедиции, отметив, что это совместное исследование столичных и местных научных сил [95].

Сохранился отзыв о результатах раскопок И. Н. Бороздина и Башкирова медресе и мечети Узбека в Старом Крыму, составленный археологом историком-востоковедом Александром Юрьевичем Якубовским (1886–1952). В момент рецензирования он сотрудничал в Государственной академии истории материальной культуры в разряде археологии Средней Азии. В документе отмечена важность изучаемого памятника для понимания золотоордынской культуры [96].

Нами выявлено письмо А. С. Башкирова, адресованное Б. В. Фармаковскому (1870–1928), написанное 26 мая 1926 года, перед отъездом на очередной полевой сезон в Крым и на Тамань. Оно передает заботы как личные, так и о команде, с которой работал А. С. Башкиров в данный период. Послание является своеобразным отчетом перед учителем, с которым автор письма не виделся определенный отрезок времени. Приводим текст письма полностью:

«26/V26 Москва, Зубовский бульвар, 15 к. 3 тел. 4.50.29.

Дорогой Борис Владимирович!

Давно я ничего о себе не писал, давно Вас не видел.

Разрешите мне по старой памяти по-ученически поговорить с Вами, как с дорогим для меня Учителем, к которому у меня всегда теплое чувство и к которому у меня всегда горячая благодарность. Злые и негодные языки говорят, что Вы ко мне за последние годы нехорошо относитесь, но как-то не верится. Во-первых, потому что я ничего плохого не сделал, а во-вторых, Вы мне очень много сделали хорошего в прошлом и я верю, что не откажете мне в будущем. Ведь да?

I устье (20/VI 25) раскопки (после похорон)  
 На указанном месте при раскопке было к планировке  
 места под раскоп. Взята была площадь 2 кв. метра  
 с 2,00 на 10,00 мтр. с разделением на 5 квадратов  
 (I, II, III, IV, V) размером 2/2 мтр. ~~План~~ Нарисован  
 ные траншеи с С.-З. на Ю.-В. Там же были изг.  
 находки. Территория представляла из себя  
 настил, представляющий образовательное пространство  
 прически из, а также которая к Ю.-З. от траншеи,  
 то принимая сначала ступа наклон до 0-уров  
 из основной современной поверхности всего  
 комплекса наклонен. Массивный и широкий  
 растительный слой, который разбегался без вы-  
 тачки на 0,45-0,50 мтр.  
 Сосуды настилы - перемешанные с грунтом и му-  
 хоморный мусор с камнями от разрушения и вы-  
 ных сфер, перемешанные из флюидных сфер рас-  
 копки  
 В основном найдено несколько ульевых и поли-  
 во переправ среди массы горючих и горючих  
 и других красочных и других крупных вещей.  
 После завершения настилы и поведенной плани-  
 ровки под устьем сохранилась поверхность грунтовой  
 и прослойки из нежного песка, при раскопке было  
 в раскопке 4 квадрата (I, II, III, IV)  
 под устьем на 0,5 мтр. тем и была закончена I-ая  
 часть.

Дневник А. С. Баширова. Запись о раскопках медресе. 1925 г.

Из побочных источников Вы знаете, что в прошлое лето я работал в Старом  
 Крыму, отчет по которому будет написан И. Н. Бороздиным в 13 № "Н. В." [журнала  
 "Новый Восток" – А. Н.], а разработка памятников будет производиться мною, так, в  
 ближайшее время появится статья «Сельджукизм в татарском искусстве» и ряд  
 других по отдельным вопросам. Далее: в прошлое лето я работал в Абхазии; краткий  
 доклад я представил и в Московской секции РАИМКа и Вам, вероятно, доставлен он  
 в кратком изложении. В ближайшее время появится мой отчет по Абхазии в  
 "Известиях Абхазского научного общества", где сможете ознакомиться подробно о  
 произведенной рекогносцировочной работе.



*Раскопки в Солхате. И. Н.Бороздин, А. С. Башкиров, А. Л. Якобсон. 1926 г.*

В истекшем учебном году в Московском университете я читал курсы: “Археология России” (исторический период), “Археология Крыма (на Археологическом отделении)” и “Искусство Крыма” на отделении искусствознания.

По-прежнему состоял действительным членом Научно-исследовательского Института археологии и искусствознания, действительным членом Восточного (бывшего Кавказского) комитета и ученым сотрудником Исторического музея.

Как видите, Ваш ученик и в Москве работает не хуже, чем в Самаре, и Ваше имя в связи с моим здесь повторяется часто, не хвалясь сказал бы Вам, для Вас в хорошем смысле. Кратко сообщая Вам о своей работе, скажу и о будущем: летом настоящего года я намерен продолжать работу в Старом Крыму и Абхазии. До Старого Крыма я надеюсь провести разведочную работу по изучению памятников Тамани и отчасти Керченского полуострова. Эта рекогносцировка будет проведена при участии аспирантов Исследовательского института и оканчивающих студентов Московского университета. Она связана с работой моего коллектива в Исследовательском институте, который проработал уже год. “Коллектив по изучению памятников Керченского и Таманского полуострова”. Он состоит из аспирантов Отдела археологии и Отдела искусствознания. Ближайшее участие принимает А. Н. Зограф. Не дерзая по всем специальностям руководить коллективом, я организовал при нем своего рода институт содействующих его работе, консультантов, в котором участвуют А. В. Орешников, Н. И. Новосадский, А. А. Захаров, В. А. Городцов,



Б. Н. Граков, А. И. Зограф, Ю. Ю. Марти, И. Н. Бороздин и др. С этой же целью я обращаюсь от лица Коллектива и от себя с глубокой просьбой к Вам не отказаться быть в этом институте руководителем, тем более, что Вы неоднократно членам Коллектива оказывали и оказываете постоянную научную помощь, когда они обращаются к Вам. Например, Блаватскому, Кобылиной, Харко и др. Мы имеем право надеяться на то, что Вы не откажете нам помогать не только потому, что Вы никогда не отказывали в научном содействии, но и потому, что Вы утверждены действительным членом нашего института по представлению Института в Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Итак, если и не последует от Вас извещения о согласии, все-таки будем Вас считать своим членом? Да?

Еще один вопрос, Борис Владимирович! Также коллектив в настоящее время поставил себе задачей составить “Сборник по изучению памятников Керченского и Таманского полуостровов”. Сборник имеет задачей дать дорогу молодежи, но чтобы эта дорога была хорошей и просим наших старших товарищей нам помочь присылкой своих статей размером от 15 до 20 тысяч знаков, а может быть и больше при наличии 2–3 таблиц. Согласились принять участие в сборнике (помимо 12 человек молодежи, из них 3 эпиграфиста пишут одну статью коллективно, так что немного займут листов) А. В. Орешников, Н. И. Новосадский, В. А. Городцов, А. А. Захаров, Б. Н. Граков, Ю. Ю. Марти, А. Башкиров. Зограф уже прислал свою статью. Обращаемся и к Вам с просьбой принять участие в этом “Сборнике”. Обещана нам и финансовая помощь, что дает твердую надежду на его выход. Думаем, этот “Сборник” посвятить 100-летию Керченского музея. Очень просим Вас, если найдете возможным, подготовить рукопись к августу месяцу.

При сем письме прилагаю к Вам заявление Мар. Мих. Кобылиной с просьбой принять ее в числе Ваших сотрудников на раскопках Ольвии. Я со своей стороны должен сказать, что эта моя ученица считается лучшей антиковедкой в Исследовательском институте. Она 2 года уже работает в Музее изящных искусств. Вам она знакома по Ленинграду, где Вы ей помогали во время ее работы, она ни на какие экономические вспомоществования не рассчитывает, а просит Вас об одном – допустить ее поучиться у Вас. Я очень прошу Вас не отказать ей в этой просьбе. Для Москвы это будет второй Ваш ученик, а с Блаватским и третий.

Простите, дорогой Борис Владимирович, за беспокойство. Прошу Вас очень помнить обо мне как о глубоко преданном Вам и всегда вспоминающем об Вас с огромным чувством глубокого к Вам уважения.

Ваш Алексей Башкиров» [97].

1926 год вошел в историю крымоведения как время созыва первой после досоветской практики организации археологических съездов Всесоюзной археологической конференции в Керчи [98]. А. С. Башкиров вошел в Московский комитет по организации этого форума, посвященного столетию основания Керченского музея древностей [99]. Его доклад «Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 годов» стал результатом последних экспедиционных исследований и вызвал живое обсуждение [100] на секции тюрко-татарской археологии, которая

впервые в истории была создана на подобных конференциях [101]. На секции ирано-эллинской археологии ученый выступил с сообщением «Новости археологических исследований на полуострове Тамань» [102].

После возвращения с конференции в Москву А. С. Башкиров выполнил просьбу директора Керченского археологического музея Юлия Юрьевича Марти (1874–1859) и разместил в журнале «Новый Восток» рецензию на подготовленные Ю. Ю. Марти к столетию музея и конференции две книги: монографию «Сто лет Керченского музея» и «Путеводитель по керченским древностям» [103].

А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин в экспедициях 1924–1926 годов и в ходе других исследований в иных регионах работали рука об руку. Среди сохранившихся сотен фотоснимков, отражающих ход работ, они постоянно рядом. А. С. Башкиров формально считался подчиненным руководителя экспедиции, однако на практике они вдвоем обсуждали все вопросы и принимали решения. Несмотря на то, что ученые были практически ровесниками, А. С. Башкиров в этой связи считался учеником более опытного, имевшего уже значительный авторитет в научном сообществе И. Н. Бороздина. Вместе они участвовали во всех научных форумах. Близкий к И. Н. Бороздину историк и литературовед Борис Павлович Козьмин (был женат на сестре Ильи Николаевича – Тамаре Николаевне Козьминой-Бороздиной [1889–1959]) неоднократно предупреждал его, что А. С. Башкиров завидует ему, злится, что он постоянно оказывался на втором плане [104]. Илья Николаевич игнорировал эти предупреждения.

В это время А. С. Башкиров активно сотрудничал в редакции «Большой советской энциклопедии», поместив там ряд статей по истории и археологии Юга СССР [105]. Он также был членом Комиссии по изучению и охране памятников Крыма. В ее составе работали крупнейшие ученые Д. В. Айналов, В. В. Бартольд, И. А. Орбели, Б. В. Фармаковский и др. [106]. Неслучайно 3–4 февраля 1927 года И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров – главные организаторы созданного в столице совещания по изучению культуры и искусства тюркских народов. Научное собрание затеяли в преддверии намечавшейся на 5–10 мая этого года масштабной конференции по проблемам изучения истории и культуры тюркских народов в Бахчисарае. Открывал совещание И. Н. Бороздин, а первый (основной) доклад делал А. С. Башкиров, который остановился на очередных задачах изучения археологии тюркских народов. Докладчик выделил несколько важнейших вопросов для дальнейших исследований: тюркской прародины и тюркской культуры древнейшей поры; изучение домусульманской культуры; изучение хазарской культуры. Выступавший вслед за этим Всеволод Михайлович Зуммер (1885–1970) отметил, что основные данные по искусству золотоордынского Крыма добыли исключительно благодаря исследованиям А. С. Башкирова и У. А. Боданинского в Эски-Юрте в 1924 году и экспедиции 1925–1926 годов А. С. Башкирова и И. Н. Бороздина, что свидетельствовало о признании этих исследований специалистами как наиболее результативных [107]. Бахчисарайская конференция по данной проблеме несколько раз переносилась, но так и не состоялась. Московское совещание поэтому стало определяющим для дальнейших исследований.

Р. С. Ф. С. Р.

Народный Комиссариат  
по Просвещению.  
Главное Управление Научных,  
научно-художественных и  
музейных учреждений  
(Главнаука)

ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ  
и  
ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ  
ИСКУССТВА И СТАРИНЫ.

20.10.1924  
№ 73/2

20.10.46. Муз. 241  
Секретарь  
Копия: А. С. Баширову

**ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ**  
№ 43

Главное Управление Научных, Научно-Художественных и Музейных  
Учреждений (Главнаука) Наркомпроса по Отделу по делам Музеев и  
охране памятников искусства и старины, выдавая настоящий Открытый  
Лист И. И. Савиной Муз. № 1 М. У. - А. С. Баширову  
на право производства археологиче-  
ских раскопок в пределах Сел. Кавказа  
и Крыма  
просит все органы Советской Власти, Государственные и Общественные  
учреждения и частных лиц оказывать А. С. Баширову  
всемерное содействие, в интересах науки, для успешного выполнения  
возложенного на него поручения.

Исследователь б обязыва есть не позднее  
1-го Декабря 1924 года представить в Отдел по Делах Музеев и  
охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса все до-  
бытые раскопками памятники древности, а также отчеты и днев-  
ники раскопок. Настоящий Открытый Лист действителен по 1-е  
Декабря 1924 года.

Заведующий Главным Управлением Научных,  
Научно-Художественных и Музейных Учреждений:

Заведующий Отделом по Делах Музеев и  
охране памятников искусства и старины: Н. Троцкий

Ученый Секретарь: Килин

Открытый лист А. С. Баширову

В 1928–1929 годах Алексей Степанович как один из ведущих специалистов по средневековой археологии Поволжья переключился на исследования болгаро-татарской культуры, организованные Научно-исследовательским институтом этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН и Всесоюзной научной ассоциации востоковедения совместно с академическим центром Татнаркомпроса.

После Солхатской экспедиции А. С. Башкиров становится одним из наиболее авторитетных крымоведов. К историку обращаются с просьбами о вступительных статьях к популярным крымоведческим изданиям [108]. Еще раз публикуется его историко-археологический почерк по древнему средневековому Крыму [109]. Именно в авторстве А. С. Башкирова помещается обобщающая рецензия на публикации журнала Российского общества по истории Крыма «Крым», где он охарактеризовал основные тенденции крымоведения 20-х [110].

Продолжая активно сотрудничать в Обществе по изучению Крыма (РОПИК в апреле 1927 года поменяло название, заявив свой всесоюзный, а не только российский статус), А. С. Башкиров принял участие в подготовке комплексной экспедиции этой научной организации по изучению Керченского полуострова. 2 декабря 1927 года секретарь Московского отделения ОПИК обратился к Алексею Степановичу с письмом, где сообщалось о решении Президиума этой организации отправить комплексную экспедицию на Керченский полуостров. Предполагалось, что географическими обследованиями займется Б. Ф. Добрынин, экономическим изучением – Н. Т. Юрин [111].

В этой связи А. С. Башкиров предложил программу будущих исследований:

«Докладная записка и смета на этнологическое обследование  
Керченского полуострова летом 1928 г.

Намечаемое этнологическое обследование Керченского полуострова на лето 1928 года является началом первого систематического изучения одного из интереснейших районов Крыма, оставленного без внимания даже составителями путеводителей.

Край, насыщенный поразительными и многоценными памятниками разнообразных времен, населенный разнообразными народами с разнобытовыми элементами культуры, некогда представлял цветущий уголок Тавриды. В настоящее время в нем хлебопашество упало, садоводство замерло, даже сухостойные культуры с трудом получают свое развитие. Население стремится жить отхожим промыслом, часто бросая свои хозяйства. Культура в крае падает из-за слабой экономической базы.

Научное обследование края должно выяснить факторы прошлой цветущей культуры и факторы запустения края, возникшие и развившиеся в императорский период. Они таятся и в социальном, и бытовом укладе, которые привели к тому, что край запустел. Большим бедствием служило угнетение татарского населения; бесправие его привело к потере культурных навыков и, прежде всего, хотя бы к разрушению оросительной системы края.

Интересен быт, интересен социальный уклад до мельчайших подробностей и в деревне, и в городе, и на промыслах, дающих большое подспорье населению.





*А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин. Старый Крым. 1925 г.*

Край чрезвычайно богат памятниками прошлого. Помимо античных остатков в ряде городищ, могильников и т. д., здесь встречаются следы и глубоких доисторических времен и в большом количестве как Средневековья, так и Нового времени.

В изучении прошлого Крыма на Керченском полуострове Общество может войти в контакт с НИИ археологии и искусствоведения РАНИИОН тем более, что последний ведет уже второй академический год в соседней области на Таманском полуострове при посредничестве тех же сил, кои намерены работать на Керченском полуострове от Общества.

В обследовании Керченского полуострова Общество, имея инициативу в Московском отделении, привлекает к работе, кроме московских ученых, исследователей и Крыма и прежде всего Керченского отделения, опираясь на сложившиеся научные базы» [112].

Эти же мысли А. С. Башкирова были усилены им в неопубликованной рукописи «Вопросы изучения Керченского полуострова» [113]. Составляя смету суточных, А. С. Башкиров заложил деньги для двух руководителей – себя и Б. А. Куфтина,

однако руководил работами только Б. А. Куфтин, которому и принадлежит авторство всех отчетов экспедиции.

В пик научной активности и признания результатов его работ Алексей Степанович старался не замечать значительных изменений в общественной обстановке вокруг себя. Прошедшие на рубеже 20–30-х годов «чистки» в столичных научных и учебных заведениях не затронули А. С. Башкирова. В 1930 году он успешно прошел «чистильную комиссию» в 1 МГУ и был утвержден заведующим кафедрой археологии на историко-философском факультете. Однако уже в следующем году эта кафедра была закрыта [114].



*А. С. Башкиров. Старый Крым. 1926 г.*

Еще с 1924 года (по протекции В. А. Городцова) и по 1933 год ученый являлся сотрудником Государственного исторического музея, где заведовал Отделом византийских памятников. После чистки главного музея страны от «буржуазных специалистов» 17 сентября 1929 года «по рационализации работы музея» были уволены многие старые сотрудники, в том числе и В. А. Городцов. Ликвидировался археологический отдел, а вместо него учредили сектор истории развития общественных форм с отделами по отраслям исторического быта. В 1929–1933 годах А. С. Башкиров являлся сотрудником отдела быта национальностей. В это время он был занят организацией Северокавказской (1930 г.) и Среднеазиатской (1931 г.)

археологических экспедиций [115]. На этом фоне увольнение А. С. Башкирова из Государственного исторического музея в 1933 году стало для него неожиданностью. Он верил, что наработанный за прошедшее десятилетие научный багаж и, соответственно, авторитет, опыт организации знаковых для регионоведения, громких экспедиций послужат щитом, который сделает ученого неприкасаемым.

20-е годы – время массового совместительства ученых – как столичных, так и в провинции – на разных службах. Работали где только можно, где позволяли связи и научный опыт. В 1926–1935 годах Башкиров занимал должность научного сотрудника Государственного музея Востока. Одновременно с 1924 по 1934 года он являлся действительным членом Института археологии и искусствознания, а также Института народов Востока, входивших в систему РАНИОН. Основное место работы Башкирова менялось между названными институтами. От него постепенно избавлялись в академических структурах. К 1935 году он – научный сотрудник Всесоюзной академии архитектуры [116].

В 1932 году началась кампания по разгрому Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, которая проходила в несколько этапов. Одной из форм уничтожения неугодных историков РАНИОН стала травля ряда ученых, которая выразилась в критике их трудов в научной печати. Громом для А. С. Башкирова прогремел первый выпуск журнала «Сообщения Государственной академии истории материальной культуры» за 1932 год с рецензией на его работу о резных камнях Дагестана [117], подписанной археологом, искусствоведом Камиллой Васильевной Тревер (1892–1974). По мнению историка науки А. А. Формозова, на самом деле автором рецензии являлся востоковед, кавказовед, заведующий отделом Востока Государственного Эрмитажа Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961), в то время – член-корреспондент АН СССР, с которым К. В. Тревер тогда была близка. Именно И. А. Орбели незадолго до этого ездил в Дагестан, в аул Кубачи, чтобы посмотреть и вывезти в Эрмитаж те самые надгробия с гравировками, о которых писал А. С. Башкиров [118]. Написанная в памфлетном стиле статья К. В. Тревер не оставляла сомнений в желании уничтожить автора книги как научного работника: «Нелепость всех этих “социологических” “яфетических” рассуждений, уснащенных научными, часто искаженными, терминами, проистекает (помимо указанного выше способа усвоения автором этих терминов) прежде всего из того, что это – мантия, оболочка или, вернее, дымовая завеса, за которой скрывается подлинное лицо автора: чистейшей воды формалиста, которому на всем протяжении книги не пришло в голову хотя бы раз, хотя бы по какому-нибудь одному случаю остановиться на вопросе о существовании тех производственных отношений, о которых он говорит, на том, что представляло собою десятки раз упоминаемое им (в силу привычности звукосочетания) “феодалное общества Востока и Запада”. <...> Эта книга – результат длительных “изысканий” и трудов автора. И если в ней мы натываемся на такие горы “пиалов”, то не должна ли, естественно, возникнуть тревога за ту подготовку, которую автор, очевидно не всегда имеющий возможность опираться на пятнадцатилетнюю проработку материала, изо дня в день дает будущей смене, за ту школу, которая создается вокруг этого “искусствоведа” и “востоковеда”? <...> Не пора ли подумать о целесообразности дальнейшего развития системы лихих наездов



Башкирова в самые разнообразные районы СССР для продолжения его “чарующе-адорирующих” изысканий?» [119].

В 1934 году начался очередной этап идеологической чистки научных работников. Путем репрессирования краеведов, археологов, музейных работников, преподавателей вузов ликвидировалась система высшего гуманитарного образования. Последней крымоведческой статьей А. С. Башкирова до ареста стала обзорная публикация о краеведных организациях, которые занимались изучением художественной керамики, опубликованная на страницах журнала «Советское краеведение» [120]. Историк отметил, что в Крыму «художественно-промышленное производство» развито в Бахчисарае и Балаклаве.

А. С. Башкиров был арестован 8 января 1935 года. Как оказалось, в Академии архитектуры, где он служил в последнее время, за ним внимательно присматривали коллеги, а его высказывания аккуратно передавались в НКВД. Сообщать в следственные органы коллегам А. С. Башкирова было что... Вот, например, его высказывание об индустриализации: «Индустриализация строится на костях и крови. Жертвы, которые принес рабочий класс России, настолько велики, что несколько поколений у нас принесено в жертву идее построения социализма в одной стране, идеи, которую Сталин проводит в жизнь, не считаясь с кровью, проливаемой тем же рабочим классом, для которого и происходит так называемое “построение социализма”. Сталин – это тот Молох, в жертву которому приносятся миллионы человеческих жизней» [121]. По этому же делу спустя месяц – 14 февраля были арестованы И. Н. Бороздин и А. А. Захаров. Предъявленные им обвинения строились на показаниях А. С. Башкирова. Всем троим вменялась контрреволюционная деятельность, пропаганда против советской власти, шовинизм, национализм. А. С. Башкирову, кроме того, еще и пантюркизм с учетом его связей с археологами Крыма. Характерно, что А. С. Башкиров свою вину признал, а его подельники – нет. Башкиров подвергся 17-ти допросам, 14 из которых пришлось на январь – февраль 1935 года. Допрашивали большей частью ночью и несколько ночей подряд. Устав Бутырской тюрьмы, где проходило следствие, не допускал дневного сна заключенных. Подследственного изнуряли. Конкретные факты крымоведческих исследований получали в следственном деле извращенную криминально-политическую интерпретацию. Так, археологические экспедиции трактовались как установление связей с местными контрреволюционными центрами и отдельными националистическими элементами. Переписка с крупнейшими европейскими археологами – как подтверждение контрреволюционной деятельности. Даже походы в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина расценивались как «подпольные собрания». Башкиров откровенно заявлял на допросах, что «в ряде вопросов» им «не разделялась политика пролетарской диктатуры, что он был недоволен классовым отбором в вузах, игнорированием гуманитарных наук на фоне возвышения наук технических и естественных. Он открыто высказал свое несогласие с существованием монополии марксистской методологии: «наука в моем понимании может существовать и без марксистского теоретического обоснования» [122].

## МУЗЕЙ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

ВЫСТАВКА НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ  
ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ  
В КРЫМУ 1925—1926 гг.

Открытая Отделом Советского Востока Музея Восточных Культур при ближайшем содействии Историко-Этнологического Отдела Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК'е СССР выставка знакомит с некоторыми результатами научно-исследовательских работ двух экспедиций по изучению татарской культуры в Крыму, организованных Крымциком, Крымсовнаркомом и Крымнаркомпросом совместно с Всесоюзной Научной Ассоциацией Востоковедения в 1925 и 1926 гг. Экспедиции были направлены для археологического обследования первой столицы крымских татар Солхата (Старого Крыма), бывшего крупным экономическим и культурным центром в XIII и XIV веках. Экспедициями был произведен ряд работ как раскопочного характера, так и по учету и собиранию памятников материальной культуры и искусства. В первую очередь был составлен генеральный план старого города с нанесением на него всех особенностей поверхности и с точной фиксацией всех обнаруженных пока памятников татарской старины. На ряду с топографической с'емкой

*Титульная страница буклета, подготовленного к выставке*

Однако попытки следствия представить обвиняемую тройку как «контрреволюционную организацию» московских археологов успехом не увенчались. Хотя к делу в качестве улики не забыли подшить и полный выпуск «Сообщений» ГАИМК с рецензией К. В. Тревер. Свою роль в развале версии про антисоветский заговор сыграла и демонстративная неявка на заседания суда многих

свидетелей – известных археологов. В частности, не приехал вызванный на суд Николай Львович Эрнст. Сказалось и то, что суд проходил в разгар археологического сезона [123].

Следствие и суд по этому делу раскрыли глубокий конфликт между двумя коллегами-крымоведами. Во время следствия и на суде А. С. Башкиров заявил «об антисоветизме Бороздина»: «Он был сторонником фашизма, а не диктатуры пролетариата, сторонником расовой теории. <...> До последнего времени Бороздин не был доволен советской системой, был националистом, и, как и раньше, придерживался расовой теории» [124]. В этом же духе повел себя и другой ученик И. Н. Бороздина – археолог, участник экспедиционных исследований в Крыму В. Н. Чепелев, приглашенный в роли эксперта. Оценивая научное значение изданного под руководством И. Н. Бороздина сборника «Художественная культура Советского Востока» (1931 г.), он заявил, что книга «пронизана системой расовой теории» и ему лично хорошо известны антисоветские настроения Бороздина [125]. Башкирова и Чепелева не поддержали другие историки и археологи, вызванные как свидетели и эксперты. Так, профессор А. В. Арциховский решительно заявил, что никаких антисоветских разговоров от И. Н. Бороздина не слышал.

Рассмотрение дела по обвинению в контрреволюционной деятельности А. С. Башкирова, И. Н. Бороздина и А. А. Захарова в специальной коллегии Московского городского суда началось 29 июля 1935 года. Согласно приговору, А. С. Башкиров был выслан на три года в Казахстан. Ссылка не ограничивала научную работу историка. Он имел возможность перемещаться по стране, изменялось лишь основное место жительства. В 1935–1940 годах в составе Таманской экспедиции А. С. Башкиров занимался раскопками и в Керчи в качестве рядового члена экспедиции. Руководителями работ были В. Д. Блаватский и В. Ф. Гайдукевич [126]. Сохранились рукописные замечания А. С. Башкирова по итогам осмотра раскопок и фотоматериалов в ходе этих работ [127].

После ссылки А. С. Башкиров вернулся в Москву в 1938 году. В столице он не смог найти работу. Его вообще многие коллеги перестали воспринимать после оговора им его коллеги И. Н. Бороздина. Удалось устроиться в Калининский педагогический институт, где он трудился с 1938 по 1948 годы профессором, заведующим кафедрой всеобщей истории (с 1942 года). В 1941 году ученый копал в Херсонесе [128].

Интересно, что именно под руководством А. С. Башкирова работала в освобожденном от немецких захватчиков Крыму в мае – июне 1944-го Историко-археологическая комиссия при Ученом совете Научно-исследовательского института музейной и краеведческой работы Наркомата просвещения РСФСР, специально созданная для оказания необходимой помощи крымским музеям для скорейшего восстановления их работы.

В 1945 году, будучи еще не реабилитированным, А. С. Башкиров защитил докторскую диссертацию «Антисейсмизм древней архитектуры (Восток, Греция, Италия, Юг СССР)». Здесь снова сказалась поддержка В. А. Городцова, а также, по мнению А. А. Формозова, – А. В. Арциховского, В. Д. Блаватского и Б. Н. Гракова

[129]. В исследовании в том числе подробно рассмотрены приемы, применявшиеся для стойкости зданий на Боспоре и в Херсонесе.

В 1948 году А. С. Башкиров приехал в Москву, где ему удалось получить должность заведующего кафедрой древней истории Московского педагогического института им. В. П. Потемкина. Его служба в должности заведующего прервалась в 1949 году, и историк продолжил работать на ставку профессора. Одновременно педагогическая деятельность ученого была связана с Ярославским педагогическим институтом им. К. Д. Ушинского (до 1962 г.), где А. С. Башкиров возглавлял аспирантуру и кафедру всеобщей истории. Он продолжал руководить экспедицией по исследованию памятников Таманского полуострова [130]. Не прекращались и его научные контакты с историко-археологическим заповедником «Херсонес Таврический». В 1961 году Башкиров был ответственным редактором шестого выпуска «Херсонесского сборника».

А. С. Башкиров скончался 1 января 1963 года в Москве.

Яркая фигура исторического крымоведения 20-х годов XX столетия, стоящая в одном ряду с такими знаковыми личностями той же новой постреволюционной волны крымоведов, как У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, А. И. Полканов, Н.Л. Эрнст, Алексей Степанович Башкиров, как и все они, попал под маховик охвативших страну репрессий. Этот факт, безусловно, стал вехой, разрушившей так бурно развивавшуюся его научную карьеру. Несмотря на то, что по сравнению с названными современниками А. С. Башкиров отделался только высылкой, его явно недоюжинное дарование уже не могло в дальнейшем раскрыться в полную силу. Недоброжелательное отношение коллег не позволило ученому вернуться на тот уровень лидера крымоведения, где он находился в «золотые» для него 20-е.

#### Список использованных источников и литературы

1. Пятыхшева Н. В. А. С. Башкиров // Советская археология. – М., 1963. – № 3. – С. 316–317.  
Pjatyshcheva N. V. A. S. Bashkirov // Sovetskaja arheologija. – Moskva, 1963. – № 3. – S. 316–317.
2. Винокуров И. Н. Профессор А. С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель: штрихи биографии // XVII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: исследователи и исследования / Научно-иссл. центр истории и археологии Крыма Крымского федерал. ун-та им. В. И. Вернадского. – Керчь, 2016. – С. 92–118.  
Vinokurov I. N. Professor A. S. Bashkirov – arheolog, istorik, prepodavatel': shtrihi biografii // XVII Bosporskie chtenija: Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja: issledovateli i issledovanija / Nauchno-issl. centr istorii i arheologii Kryma Krymskogo federal. un-ta im. V. I. Vernadskogo. – Kerch', 2016. – S. 92–118.
3. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Башкиров Алексей Степанович // Мирас – Наследие: Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан; сост., отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов: в 3-х т. – Казань, 2016. – Т. 1. – С. 86–112.  
Belozjorova I. V., Kuz'minyh S. V. Bashkirov Aleksej Stepanovich // Miras–Nasledie: Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godah / In-t arheologii im. A. H. Halikova AN Respubliki Tatarstan; sost., отв. red. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov: v 3-h t. – Kazan', 2016. – T. 1. – S. 86–112.
4. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). – Симферополь: Антиквар, 2015. – (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Библиография крымоведения»; вып. 25). – С. 88–91, 720.

Nepomnyashchy A. A. Istorija i jetnografija narodov Kryma: bibliografija i arhivy (1921–1945). – Simferopol': Antikva, 2015. – (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i jekonomike Rossii»; «Biobibliografija krymovedenija»; вып. 25). – S. 88–91, 720.

5. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – Киев: Стилос, 2012. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15). – С. 197–199, 326, 343.

Nepomnyashchy A. A. Professor Nikolaj Jernst: stranicy istorii krymskogo kraevedenija. – Kiev: Stilos, 2012. – (Serija: «Biobibliografija krymovedenija»; вып. 15). – S. 197–199, 326, 343.

6. СПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 8–12.

SPFARAN, f. 155, op. 2, d. 48, l. 8–12.

7. Белозерова И. В., Сиротина О. А. Историко-культурные исследования Крыма в 1920-е гг.: по материалам личного архива А. С. Башкирова в ОПИ ГИМ // Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России». г. Севастополь. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 12–16 сент. 2016 г.: тез. докл. и сооб. Междунар. науч. конф. / Гос. историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2016. – С. 10–12.

Belozjorova I. V., Sirotnina O. A. Istoriko-kul'turnye issledovanija Kryma v 1920-e gg.: po materialam lichnogo arhiva A. S. Bashkirova v OPI GIM // Uvarovskie Tavricheskie chtenija «Drevnosti Juga Rossii». g. Sevastopol'. Gosudarstvennyj istoriko-arheologicheskij muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij», 12–16 sent. 2016 g.: tez. dokl. i soob. Mezhdunar. nauch. konf. / Gos. istoriko-arheologicheskij muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij». – Sevastopol', 2016. – S. 10–12.

8. Белозерова И. В. Обзор научного архивного фонда археолога А. С. Башкирова из Отдела письменных источников Государственного исторического музея // Мирас – Наследие: Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан; сост., отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов: в 3-х т. – Казань, 2016. – Т. 1. – С. 545–552.

Belozjorova I. V. Obzor nauchnogo arhivnogo fonda arheologa A. S. Bashkirova iz Otdela pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja // Miras–Nasledie: Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godah / In-t arheologii im. A. H. Halikova AN Respubliki Tatarstan; sost., отв. red. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov: v 3-h t. – Kazan', 2016. – T. 1. – S. 545–552.

9. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 1, л. 2–3.

GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 1, l. 2–3.

10. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. – С. 86.

Belozjorova I. V., Kuz'minyh S. V. Ukaz. soch. – S. 86.

11. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 20, л. 1–62.

GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 20, l. 1–62.

12. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 24, л. 1–44.

GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 24, l. 1–44.

13. Непомнящий А. А., Синичкин А. В. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и развитие исторического краеведения Крыма // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3. – С. 210–216.

Nepomnyashchy A. A., Sinichkin A. V. Krymskoe obshhestvo estestvoispytatelej i ljubitelej prirody i razvitie istoricheskogo kraevedenija Kryma // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – Simferopol', 1998. – № 3. – S. 210–216.

14. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века). – Киев, 1999. – С. 151–180.

Nepomnyashchy A. A. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedenija Kryma (poslednjaja tret' XVIII – nachalo XX veka). – Kiev, 1999. – S. 151–180.

15. Башкиров А. С. Историко-археологический очерк Крыма // Крым: путеводитель / Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы; под ред. К. Ю. Бумбера, Л. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова. – Симферополь, 1914. – С. 156–283.

Bashkirov A. S. Istoriko-arheologicheskij ocherk Kryma // Krym: putevoditel' / Krymskoe obshhestvo estestvoispytatelej i ljubitelej prirody; pod red. K. Ju. Bumbera, L. S. Vagina, N. N. Klepinina, V. V. Sokolova. – Simferopol', 1914. – S. 156–283.

16. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 157, л. 1–138; д. 158, л. 1–197.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 157, l. 1–138; d. 158, l. 1–197.
17. Башкиров А. С. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1915. – № 2. – Отд. «Критика и библиография». – С. 395–403. – Рец. на кн.: Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. – 2 изд. – Киев, 1914. – 4, IV, 156 с.+2 карты; [Башкиров А. С.] [Рецензия] // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь, 1916. – Т. 5. – С. 183–184. – Рец. на кн.: Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. – 2 изд. – Киев, 1914. – 4, IV, 156 с.+2 карты.  
Bashkirov A. S. [Recenzija] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. – Sankt-Peterburg, 1915. – № 2. – Отд. «Kritika i bibliografija». – S. 395–403. – Rec. na kn.: Kulakovskij Ju. A. Proshloe Tavridy: kratkij istoricheskij ocherk. – 2 izd. – Kiev, 1914. – 4, IV, 156 s.+2 karty; [Bashkirov A. S.] [Recenzija] // Zapiski Krymskogo obshhestva estestvoispytatelej i ljubitelej prirody. – Simferopol', 1916. – T. 5. – S. 183–184. – Rec. na kn.: Kulakovskij Ju. A. Proshloe Tavridy: kratkij istoricheskij ocherk. – 2 izd. – Kiev, 1914. – 4, IV, 156 s.+2 karty.
18. Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе: очерки истории. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 246 с.  
Basargina E. Ju. Russkij arheologicheskij institut v Konstantinopole: ocherki istorii. – Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 1999. – 246 s.
19. СПФАРАН, ф. 116, оп. 2, д. 24, л. 1 об.  
SPFARAN, f. 116, op. 2, d. 24, l. 1 ob.
20. Там же, л. 3.  
Tam zhe, l. 3.
21. Там же, л. 10.  
Tam zhe, l. 10.
22. Там же, л. 11–13.  
Tam zhe, l. 11–13.
23. Там же, л. 14–16.  
Tam zhe, l. 14–16.
24. Там же, л. 14.  
Tam zhe, l. 14.
25. Там же, л. 17.  
Tam zhe, l. 17.
26. Там же, л. 18.  
Tam zhe, l. 18.
27. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 234, л. 100.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 234, l. 100.
28. СПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 8–12.  
SPFARAN, f. 155, op. 2, d. 48, l. 8–12.
29. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. – С. 91.  
Belozjorova I. V., Kuz'minyh S. V. Ukaz. soch. – S. 91.
30. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 22, д. 64, л. 2.  
GARF, f. A-2307, op. 22, d. 64, l. 2.
31. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 294, л. 1–73.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 294, l. 1–73.
32. ГИМ ОПИ, ф. 431, оп. 1, д. 379, л. 1–43.  
GIM OPI, f. 431, op. 1, d. 379, l. 1–43.
33. Городцов В. А. Дневники, 1928–1944: в 2-х кн. / сост. И. В. Белозерова, С. В. Кузьминых. – М.: Триумф принт, 2015. – Кн. 1.: 1928–1935. – 687 с., 15 л. ил.; Кн. 2: 1936–1944. – 695 с., 8 л. ил.  
Gorodcov V. A. Dnevniki, 1928–1944: v 2-h kn. / sost. I. V. Belozjorova, S. V. Kuz'minyh. – Moskva: Triumf print, 2015. – Kn. 1.: 1928–1935. – 687 s., 15 l. il.; Kn. 2: 1936–1944. – 695 s., 8 l. il.

34. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 22, д. 64, л. 2.  
GARF, f. A-2307, op. 22, d. 64, l. 2.
35. Башкиров А. С. Прошлое Крыма: исторический эскиз: пособие экскурсантам / Содружество крымских культурных работников «Чатыр-Даг». – М., 1923, 40 с. – (Серия: «Библиотека Крыма»; № 2).  
Bashkirov A. S. Proshloe Kryma: istoricheskij jesviz: posobie jekskursantam / Sodruzhestvo krymskih kul'turnyh rabotnikov «Chatyr-Dag». – Moskva, 1923, 40 s. – (Serija: «Biblioteka Kryma»; № 2).
36. Башкиров А. С. О деятельности Археологического отделения Научно-исследовательского института археологии и искусствознания в 1923/24 учебном году // Древний мир. – М., 1924. – Вып. 1. – Август. – С. 40–42.  
Bashkirov A. S. O dejatel'nosti Arheologicheskogo otdelenija Nauchno-issledovatel'skogo instituta arheologii i iskusstvoznaniya v 1923/24 uchebnom godu // Drevnij mir. – Moskva, 1924. – Vyp. 1. – Avgust. – S. 40–42.
37. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. – С. 94.  
Belozerova I. V., Kuz'minyh S. V. Ukaz. soch. – S. 94.
38. СПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 9–10.  
SPFARAN, f. 155, op. 2, d. 48, l. 9–10.
39. Башкиров А. С. Доисторический человек Горного Крыма // Крым. – М., 1925. – № 1. – С. 18–22.  
Bashkirov A. S. Doistoricheskij chelovek Gornogo Kryma // Krym. – Moskva, 1925. – № 1. – S. 18–22.
40. Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. – М., 1926. – № 2. – С. 108–125.  
Bashkirov A. S. Sel'dzhukizm v drevnem tatarskom iskusstve // Krym. – Moskva, 1926. – № 2. – S. 108–125.
41. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. – М.; Л., 1927. – № 1(3). – С. 122–144.  
Bashkirov A. S. Hudozhestvennye pamjatniki Solhata // Krym. – Moskva; Leningrad, 1927. – № 1(3). – S. 122–144.
42. СПФАРАН, ф. 68, оп. 1, д. 171, л. 1.  
SPFARAN, f. 68, op. 1, d. 171, l. 1.
43. Там же.  
Tam zhe.
44. Башкиров А. [С.] Крым в его прошлом // Крым: путеводитель / под ред. И. М. Саркизова-Серазини; Московское физио-терапевтическое об-во; Российское об-во по изучению Крыма. – М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. – С. 35–54.  
Bashkirov A. [S.] Krym v ego proshlom // Krym: putevoditel' / pod red. I. M. Sarkizova-Serazini; Moskovskoe fizio-terapevticheskoe ob-vo; Rossijskoe ob-vo po izucheniju Kryma. – Moskva; Leningrad: Zemlja i fabrika, 1925. – S. 35–54.
45. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 23, л. 14–51.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 23, l. 14–51.
46. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1924 г.), д. 112, л. 1.  
IIMK RAN NA RO, f. 2 (1924 g.), d. 112, l. 1.
47. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 25, л. 1–78.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 25, l. 1–78.
48. Там же, л. 83–115.  
Tam zhe, l. 83–115.
49. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 26, л. 1–53.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 26, l. 1–53.
50. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 33, л. 13.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 33, l. 13.
51. [Башкиров А. С., Боданинский У. А.] Изучение материальной культуры крымских татар // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 155(1174). – 4 ноября. – С. 2. – Изд. под псевд.: Б. Б.  
[Bashkirov A. S., Bodaninskij U. A.] Izuchenie material'noj kul'tury krymskih tatar // Krasnyj Krym. – Simferopol', 1924. – № 155(1174). – 4 nojabrja. – S. 2. – Izd. pod psevd.: B. B.

52. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1924 г.), д. 111, л. 7–24.  
ИИМК РАН НА РО, f. 2 (1924 g.), d. 111, l. 7–24.
53. Там же, л. 17–24.  
Tam zhe, l. 17–24.
54. Национальные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института языкознания, фольклористики и этнографии им. М. Т. Рылского НАН Украины, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 13 об.  
Nacional'nye arhivnye fondy rukopisej i fonozapisej Instituta jazykoznanija, fol'kloristiki i jetnografii im. M. T. Ryl'skogo NAN Ukrainy, f. 13, op. 3, d. 56, l. 13 ob.
55. Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г. Экспедиция по изучению татарской культуры в Крыму // Мирас – Наследие: Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан; сост., отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов: в 3-х т. – Казань, 2016. – Т. 1. – С. 34–35.  
Bocharov S. G., Sitdikov A. G. Jekspedicija po izucheniju tatarskoj kul'tury v Krymu // Miras–Nasledie: Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godah / In-t arheologii im. A. H. Halikova AN Respubliki Tatarstan; sost., otv. red. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov: v 3-h t. – Kazan', 2016. – T. 1. – S. 34–35.
56. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 33, л. 12.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 33, l. 12.
57. Там же, л. 16.  
Tam zhe, l. 16.
58. Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г. Указ. Соч.  
Bocharov S. G., Sitdikov A. G. Ukaz. soch.
59. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1925 г.), д. 181, л. 1.  
ИИМК РАН НА РО, f. 2 (1925 g.), d. 181, l. 1.
60. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 33, л. 15.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 33, l. 15.
61. Там же, л. 13.  
Tam zhe, l. 13.
62. Башкиров А. С. Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 годов // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – Керчь, 1926. – № 2. – 6 сентября. – С. 3.  
Bashkirov A. S. Nekotorye maloazijskie hudozhestvennye tradicii v iskusstve krymskih tatar po izyskanijam v Krymu 1924, 1925 i 1926 godov // Bjulleten' Konferencii arheologov SSSR v Kerchi. – Kerch', 1926. – № 2. – 6 sentjabrja. – S. 3.
63. Башкиров А. С., Боданинский У. А. Памятники Крымской татарской старины: Эски-Юрт // Новый Восток. – М., 1925. – № 8/9. – С. 295–311.  
Bashkirov A. S., Bodaninskij U. A. Pamjatniki Krymskoj tatarskoj stariny: Jeski-Jurt // Novyj Vostok. – Moskva, 1925. – № 8/9. – S. 295–311.
64. Обзор деятельности Отделения археологии Н.-И. Института А. и И. // Труды отделения археологии / Институт археологии и искусствознания; Российская ассоциация НИИ общественных наук. – М., 1926. – Вып. 1. – С. 89–93.  
Obzor dejatel'nosti Otdelenija arheologii N.-I. Instituta A. i I. // Trudy otdelenija arheologii i iskusstvoznanija; Rossijskaja associacija NII obshhestvennyh nauk. – Moskva, 1926. – Vyp. 1. – S. 89–93.
65. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 34, л. 1–153; д. 35, л. 1–36; д. 38, л. 1–24.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 34, l. 1–153; d. 35, l. 1–36; d. 38, l. 1–24.
66. Там же, д. 36, л. 1–170; д. 37, л. 1–100.  
Tam zhe, d. 36, l. 1–170; d. 37, l. 1–100.
67. Там же, д. 27, л. 1–68; д. 28, л. 1–75; д. 29, л. 1–65; д. 30, л. 1–41; д. 31, л. 1–42.  
Tam zhe, d. 27, l. 1–68; d. 28, l. 1–75; d. 29, l. 1–65; d. 30, l. 1–41; d. 31, l. 1–42.
68. Там же, д. 32, л. 1–49.  
Tam zhe, d. 32, l. 1–49.
69. Там же, д. 39, л. 1–3.  
Tam zhe, d. 39, l. 1–3.



70. Там же, л. 4.  
Tam zhe, l. 4.
71. Там же, д. 41, л. 1–83.  
Tam zhe, d. 41, l. 1–83.
72. Там же, д. 42, л. 1–66.  
Tam zhe, d. 42, l. 1–66.
73. Там же, д. 43, л. 1–19.  
Tam zhe, d. 43, l. 1–19.
74. Там же, д. 44, л. 1–20.  
Tam zhe, d. 44, l. 1–20.
75. Там же, д. 45, л. 1–76.  
Tam zhe, d. 45, l. 1–76.
76. Там же, д. 43, л. 7–14.  
Tam zhe, d. 43, l. 7–14.
77. Там же, д. 33, л. 3.  
Tam zhe, d. 33, l. 3.
78. Там же, л. 11.  
Tam zhe, l. 11.
79. Там же, д. 63, л. 4–30.  
Tam zhe, d. 63, l. 4–30.
80. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. – М.; Л., 1927. – № 1(3). – С. 122–144.  
Bashkirov A. S. Hudozhestvennye pamjatniki Solhata // Krym. – Moskva; Leningrad, 1927. – № 1(3). – S. 122–144.
81. СПФАРАН, ф. 68, оп. 1, д. 171, л. 1.  
SPFARAN, f. 68, op. 1, d. 171, l. 1.
82. Там же, л. 2.  
Tam zhe, l. 2.
83. Там же.  
Tam zhe.
84. Непомнящий А. А. Научные экспедиции по изучению истории, археологии и культуры Крыма (20-е годы XX века) // Акчокраклы О. Н. Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии / Крымский науч. центр Ин-та истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; сост. А. А. Непомнящий, Г. Н. Кондратюк, Э. Х. Сейдаметов. – Симферополь, 2016. – (Серия: «Наследие Крыма»). – С. 12–21.  
Nepomnyashchy A. A. Nauchnye jekspedicii po izucheniju istorii, arheologii i kul'tury Kryma (20-e gody XX veka) // Akchokrakly O. N. Izbrannye sochinenija po istorii, arheologii, jetnografii / Krymskij nauch. centr In-ta istorii im. Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan; sost. A. A. Nepomnjashhij, G. N. Kondratjuk, E. H. Sejdametov. – Simferopol', 2016. – (Serija: «Nasledie Kryma»). – S. 12–21.
85. СПФАРАН, ф. 68, оп. 1, д. 171, л. 2.  
SPFARAN, f. 68, op. 1, d. 171, l. 2.
86. Культура Золотой Орды // Наука и техника. – Л., 1926. – № 14 (159). – 7 апреля. – С. 10.  
Kul'tura Zolotoj Ordy // Nauka i tehnika. – Leningrad, 1926. – № 14(159). – 7 aprelja. – S. 10.
87. Бороздин И., Башкиров А. Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925–1926 гг. / Музей восточных культур. – [М., 1927]. – 7 с.  
Borozdin I., Bashkirov A. Vystavka nauchno-issledovatel'skih rabot jekspedicii po izucheniju tatarskoj kul'tury v Krymu 1925–1926 gg. / Muzej vostochnyh kul'tur. – [Moskva, 1927]. – 7 s.
88. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1926 г.), д. 179, л. 94–97.  
IIMK RAN NA RO, f. 2 (1926 g.), d. 179, l. 94–97.
89. Ломакин Д. А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние / Под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Симферополь: Соло-Рич, 2015. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 23). – С. 45–46, 88–89, 92, 103–106.

Lomakin D. A. Musul'manskije pamjatniki Starogo Kryma XIII – XV vv.: istorija izuchenija, sovremennoe sostojanie / Pod red., vstup. st. A. A. Nepomnjashhego. – Simferopol': Solo-Rich, 2015. – (Serija: «Biobibliografija krymovedenija»; vyp. 23). – S. 45–46, 88–89, 92, 103–106.

90. Башкиров А. С. Коллектив по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов Н.И.И.А. и И.: выставка материалов Таманской экспедиции 1926 г. / Научно-исследовательский ин-т археологии и искусствознания; Этнологический факультет 1-го МГУ; Российская ассоциация научно-исследовательских ин-тов общественных наук. – М., 1927. – 9 с.

Bashkirov A. S. Kollektiv po izucheniju drevnostej Kerchenskogo i Tamanskogo poluostrovov N.I.I.A. i I.: vystavka materialov Tamanskoj jekspedicii 1926 g. / Nauchno-issledovatel'skij in-t arheologii i iskusstvovoznanija; Jetnologicheskij fakul'tet 1-go MGU; Rossijskaja asociacija nauchno-issledovatel'skih in-tov obshhestvennyh nauk. – Moskva, 1927. – 9 s.

91. Башкиров А. С. Тамань // Новый Восток. – М., 1927. – № 16/17. – С. 280–289.

Bashkirov A. S. Taman' // Novyj Vostok. – Moskva, 1927. – № 16/17. – S. 280–289.

92. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1926 г.), д. 179, л. 1–97.

ИИМК РАН НА РО, f. 2 (1926 g.), d. 179, l. 1–97.

93. Ткачев А. Н. Изучение археологических памятников Таманского полуострова в 1920-е годы // Таврійські студії. Сер.: «Історичні науки». – Сімферополь, 2013. – № 1 (4). – С. 144–149.

Tkachev A. N. Izuchenie arheologicheskikh pamjatnikov Tamanskogo poluostrova v 1920-e gody // Tavrijs'ki studii. Ser.: «Istorichni nauki». – Simferopol', 2013. – № 1(4). – S. 144–149.

94. Ткачев А. Н. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа, 1917–1991 гг.: биобиблиографический словарь-справочник. – Краснодар, 2016. – С. 35–37.

Tkachev A. N. Arheologi Kubani i Severo-Zapadnogo Kavkaza, 1917–1991 gg.: biobibliograficheskij slovar'-spravochnik. – Krasnodar, 2016. – S. 35–37.

95. Башкиров А. Археологические открытия на территории СССР за 1925 год // Новый Восток. – М., 1926. – № 13/14. – С. 449–452.

Bashkirov A. Arheologicheskie otkrytija na territorii SSSR za 1925 god // Novyj Vostok. – Moskva, 1926. – № 13/14. – S. 449–452.

96. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1929 г.), д. 164, л. 38.

ИИМК РАН НА РО, f. 2 (1929 g.), d. 164, l. 38.

97. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1926 г.), д. 197, л. 26–26 об.

ИИМК РАН НА РО, f. 2 (1926 g.), d. 197, l. 26–26 ob.

98. Непомнящий А. А. «Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов»: Керченская археологическая конференция [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». – 2017. – Т. 14. – Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. – Стационарный сетевой адрес: 2227-9490eaprov\_e-ast14-1.2017.31.

Nepomnyashchy A. A. «My stremimsja k tomu, chtoby jeto bylo prodolzhenie prezhnih arheologicheskikh s#ezdov»: Kerchenskaja arheologicheskaja konferencija [Jelektronnyj resurs] // Jelektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremja. – 2017. – T. 14. – Vyp. 1: Krymovedenie: prostranstvo i vremja Kryma. – Stacionarnyj setевой adres: 2227-9490eaprov\_e-ast14-1.2017.31.

99. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 156, л. 1–6.

ГИМ ОПИ, f. 598, op. 1, d. 156, l. 1–6.

100. Башкиров А. С. Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 годов // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – Керчь, 1926. – № 2. – 6 сентября. – С. 3.

Bashkirov A. S. Nekotorye maloazijskie hudozhestvennye tradicii v iskusstve krymskih tatar po izyskanijam v Krymu 1924, 1925 i 1926 godov // Bjulleten' Konferencii arheologov SSSR v Kerchi. – Kerch', 1926. – № 2. – 6 sentjabrja. – S. 3.

101. Зуммер В. М. Тюрко-татарская секция конференции археологов в Керчи (5–10/IX 1926): из отчета педагогическому факультету // Известия Азербайджанского гос. университета им. В. И. Ленина. Сер.: «Общественные науки». – Баку, 1926. – Т. 6/7. – С. 247–262.

Zummer V. M. Tjurko-tatarskaja sekcija konferencii arheologov v Kerchi (5–10/IX 1926): iz otcheta pedagogicheskomu fakul'tetu // Izvestija Azerbajdzhanskogo gos. universiteta im. V. I. Lenina. Ser.: «Obshhestvennye nauki». – Baku, 1926. – T. 6/7. – S. 247–262.

102. Башкиров А. С. Новости археологических исследований за лето 1926 г. на полуострове Тамани // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – Керчь, 1926. – № 5. – 9 сентября. – С. 3–4.
- Bashkirov A. S. Novosti arheologicheskikh issledovanij za leto 1926 g. na poluostrove Tamani // Bjulleten' Konferencii arheologov SSSR v Kerchi. – Kerch', 1926. – № 5. – 9 sentjabrja. – S. 3–4.
103. Башкиров А. С. [Рецензия] // Новый Восток. – М., 1926. – № 15. – С. 353–354. – Рец. на кн.: Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея: исторический очерк. – Керчь, 1926. – IV, 94 с.; Марти Ю. Ю. Путеводитель по керченским древностям / Гос. Керченский археологический музей. – Керчь, 1926. – 60 с.
- Bashkirov A. S. [Recenzija] // Novyj Vostok. – Moskva, 1926. – № 15. – S. 353–354. – Rec. na kn.: Marti Ju. Ju. Sto let Kerchenskogo muzeja: istoricheskij ocherk. – Kerch', 1926. – IV, 94 s.; Marti Ju. Ju. Putevoditel' po kerchenskimi drevnostjam / Gos. Kerchenskij arheologicheskij muzej. – Kerch', 1926. – 60 s.
104. Бороздина П. А. «Думой века измерил...» // Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. – С. 109–110.
- Borozdina P. A. «Dumoj veka izmeril...» // Zhizn' i sud'ba professora Il'i Nikolaevicha Borozdina. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2000. – S. 109–110.
105. Башкиров А. С. Боспорское царство // Большая советская энциклопедия. – М.: Гос. словарно-энциклопедическое изд-во «Советская Энциклопедия»; огиз, 1927. – Т. 7. – С. 227–228; Башкиров А. С. Греческие колонии на территории СССР // Большая советская энциклопедия. – М.: Гос. словарно-энциклопедическое изд-во «Советская Энциклопедия»; огиз, 1930. – Т. 19. – С. 290–293.
- Bashkirov A. S. Bosporskoe carstvo // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. – Moskva: gos. slovarno-jenciklopedicheskoe izd-vo «Sovetskaja Jenciklopedija»; ogiz, 1927. – T. 7. – S. 227–228; Bashkirov A. S. Grecheskie kolonii na territorii SSSR // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. – Moskva: gos. slovarno-jenciklopedicheskoe izd-vo «Sovetskaja Jenciklopedija»; ogiz, 1930. – T. 19. – S. 290–293.
106. Гос. историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», научный архив, д. 266, л. 1.
- Gos. istoriko-arheologicheskij muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij», nauchnyj arhiv, d. 266, l. 1.
107. Зуммер В. М. Московское совещание по изучению культуры и искусства тюркских народов (3–4 февраля 1927) // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. – Баку, 1927. – № 4. – С. 126–134.
- Zummer V. M. Moskovskoe soveshhanie po izucheniju kul'tury i iskusstva tjurkskikh narodov (3–4 fevralja 1927) // Izvestija Obshhestva obsledovanija i izuchenija Azerbajdzhana. – Baku, 1927. – № 4. – S. 126–134.
108. Башкиров А. Предисловие // Судак=Σουδαία=Soldaia: записки на досуге Николая Лапина / под ред. и вступ. ст. П. И. Новицкого; предисл. А. С. Башкиров. – М., 1928. – С. XIII–XV.
- Bashkirov A. Predislovie // Sudak=Σουδαία=Soldaia: zapiski na dosuge Nikolaja Lapina / pod red. i vstup. st. P. I. Novickogo; predisl. A. S. Bashkirov. – Moskva, 1928. – S. XIII–XV.
109. Башкиров А. С. Крым в древние и средние века. – Симферополь: Крымгосиздат, 1929. – 24 с.; Башкиров А. С. Древние и средние века в истории Крыма: историко-археологический очерк // Крым: путеводитель / Крымское об-во естествоиспытателей и любителей природы; под ред. И. М. Волошинова, В. В. Лункевича, И. И. Пузанова, А. А. Штекера. – [3-е изд.]. – Симферополь: Крымгосиздат, [1929]. – С. 171–192.
- Bashkirov A. S. Krym v drevnie i srednie veka. – Simferopol': Krymgosizdat, 1929. – 24 s.; Bashkirov A. S. Drevnie i srednie veka v istorii Kryma: istoriko-arheologicheskij ocherk // Krym: putevoditel' / Krymskoe ob-vo estestvoispytatelej i ljubitelej prirody; pod red. I. M. Voloshinova, V. V. Lunkevicha, I. I. Puzanova, A. A. Shtekera. – [3-e izd.]. – Simferopol': Krymgosizdat, [1929]. – S. 171–192.
110. Башкиров А. [Рецензия] // Новый Восток. – М., 1930. – № 28. – С. 279. – Рец. на: Крым: [журнал Российского общества по изучению Крыма]. – М.; Л., 1928–1929. – № 1–9.
- Bashkirov A. [Recenzija] // Novyj Vostok. – Moskva, 1930. – № 28. – S. 279. – Rec. na: Krym: [zhurnal Rossijskogo obshhestva po izucheniju Kryma]. – Moskva; Leningrad, 1928–1929. – № 1–9.
111. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 39, л. 12–12 об.
- GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 39, l. 12–12 ob.
112. Там же, л. 6–7.
- Tam zhe, l. 6–7.

113. Там же, л. 13–14.  
Tam zhe, l. 13–14.
114. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. – С. 103.  
Belozjorova I. V., Kuz'minyh S. V. Ukaz. soch. – S. 103.
115. СПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 9–10.  
SPFARAN, f. 155, op. 2, d. 48, l. 9–10.
116. Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. – С. 193.  
Belozjorova I. V., Kuz'minyh S. V. Ukaz. soch. – S. 193.
117. Башкиров А. С. Искусство Дагестана: резные камни=The Art of Daghestan: Caryed Stones / НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР; РАНИОН. – М., 1931. – 118 с. – На русс. и англ. яз.  
Bashkirov A. S. Iskuststvo Dagestana: reznye kamni=The Art of Daghestan: Caryed Stones / NII jetnicheskikh i nacional'nyh kul'tur narodov Vostoka SSSR; RANION. – Moskva, 1931. – 118 s. – Na russ. i angl. jaz.
118. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. – 2-е изд.: доп. – М., 2006. – С. 233–235.  
Formozov A. A. Russkie arheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki. – 2-e izd.: dop. – Moskva, 2006. – S. 233–235.
119. Тревер К. В. Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья // Сообщения Гос. академии истории материальной культуры. – Л., 1932. – № 1/2. – С. 29, 31.  
Trever K. V. Olen' s toskoj vo vzore i melanholicheskaja svin'ja // Soobshhenija Gos. akademii istorii material'noj kul'tury. – Leningrad, 1932. – № 1/2. – S. 29, 31.
120. Башкиров А. Работа краеведных организаций по изучению художественной керамики // Советское краеведение. – М., 1934. – № 10. – С. 8–13.  
Bashkirov A. Rabota kraevednyh organizacij po izucheniju hudozhestvennoj keramiki // Sovetskoe kraevedenie. – Moskva, 1934. – № 10. – S. 8–13.
121. Ватлин А. Ю., Канторович А. Р. Из истории отечественной археологической науки: несостоявшийся судебный процесс 1935 г. // Российская археология. – М., 2001. – № 3. – С. 124.  
Vatlin A. Ju., Kantorovich A. R. Iz istorii otechestvennoj arheologicheskoy nauki: nesostojavshijsja sudebnyj process 1935 g. // Rossijskaja arheologija. – Moskva, 2001. – № 3. – S. 124.
122. Там же. – С. 126.  
Tam zhe. – S. 126.
123. Там же. – С. 127–129.  
Tam zhe. – S. 127–129.
124. Бороздина П. А. «Думой века измерил...» // Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. – С. 109.  
Borozdina P. A. «Dumoj veka izmeril...» // Zhizn' i sud'ba professora Il'i Nikolaevicha Borozdina. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2000. – S. 109.
125. Там же.  
Tam zhe.
126. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 78, л. 1–12; д. 79, л. 1–15.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 78, l. 1–12; d. 79, l. 1–15.
127. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 77, л. 1–106; д. 80, л. 1–131.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 77, l. 1–106; d. 80, l. 1–131.
128. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 100, л. 1–34.  
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 100, l. 1–34.
129. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. – 2-е изд.: доп. – М., 2006. – С. 216.  
Formozov A. A. Russkie arheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki. – 2-e izd.: dop. – Moskva, 2006. – S. 216.
130. Башкиров А. С. Отчет об историко-археологическом изучении на Таманском полуострове летом 1948 г. // Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. П. Потемкина. – М., 1949. – Т. 13: Кафедра истории древнего мира. Вып. 2. – С. 137–176.

Bashkirov A. S. Otchet ob istoriko-arheologicheskom izuchenii na Tamanskom poluostrove letom 1948 g. // Uchenye zapiski Moskovskogo gos. pedagogicheskogo instituta im. V. P. Potemkina. – Moskva, 1949. – T. 13: Kafedra istorii drevnego mira. Vyp. 2. – S. 137–176.

**Nepomnyashchy A. A. Alexey Bashkirov in the Crimean local studies communications of the first third of the XX century.**

The interpersonal and scientific contacts in the actively developing Crimean local studies of the 20s of the twentieth century on the basis of an extensive corpus of archival documents that were first introduced into scientific circulation, in particular the epistolary, were restored. The role of A. S. Bashkirov in the organization and conduct of the grand expeditionary study of the peninsula, which was held intermittently in 1924–1929, was shown.

**Keywords:** A. S. Bashkirov, expeditions, Crimean local study.

УДК 929-913

## ПАРИЖСКАЯ «ЗАПИСКА...» О КЕРЧИ РАФАИЛА ДЕ СКАССИ

*Орехов В. В.*

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского  
г. Симферополь, Российская Федерация  
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Цель статьи – ввести в научный оборот «Записку об открытии в Крыму на Черном море Керченского порта», опубликованную Рафаилом де Скасси в 1822 г. в парижском издании «*Annales de l'industrie nationale et étrangère*». Эта публикация Р. де Скасси имеет переклички с его административными записками, хорошо известными историкам, однако не повторяет полностью ни одну из них: ни по содержанию, ни по стилю, ни по композиции. В связи с этим возникает ряд вопросов относительно причин, обусловивших время и место этой публикации и определивших ее содержание. Для ответа на эти вопросы парижская «Записка...» Р. де Скасси рассматривается в историческом контексте и в контексте биографии Р. де Скасси. В приложении к статье размещен перевод на русский язык парижской «Записки...» Р. де Скасси.

**Ключевые слова:** Рафаил де Скасси, Керченский порт, И. А. Сتمпковский, керченские древности, археология, Крым.

В 1822 г. в парижском журнале известного физика-изобретателя Л.- С. Ленормана «Летопись национальной и зарубежной промышленности, или Технологический Меркурий» появилась «Записка об открытии в Крыму на Черном море Керченского порта» [51]. В том же году она вышла отдельным оттиском [50]. Авторство указывалось инициалами «R... de S...», что позволяет нам приписать его Рафаилу де Скасси.

Историкам известно несколько записок Скасси о Керчи и кавказской торговле [27; 28; 29, 34, с. 42–46], однако все они носили рабочий характер и предназначались для подачи вверх по чиновничьей инстанции. Судя по всему, «Записка...» в парижской «Летописи...» – единственная работа, которую Скасси готовил специально для печати. В ней легко обнаруживаются переклички с административными записками автора, но в то же время она не повторяет полностью ни одну из них: ни по содержанию, ни по стилю, ни по композиции. В связи со сказанным возникает ряд вопросов относительно причин, обусловивших время и место этой публикации и определивших ее содержание. Цель нашей статьи – ввести парижскую «Записку...» о Керчи Р. де Скасси в научный оборот, предложив ее перевод на русский язык и рассмотрев ее содержание в историческом контексте.

«Записка...» не велика по объему – около 12 000 знаков. Ее предваряют редакционные разъяснения, из которых следует, что открытие Керченского порта необходимо рассматривать как одно из важных экономических событий на Востоке и что журнал планирует разместить подобную же записку об Одессе – «приморском городе, обязанном своим процветанием мудрому и просвещенному управлению г-на герцога де Ришелье, чей правопреемник – француз по происхождению, граф де Ланжерон – рад преумножить плоды трудов своего предшественника» [51, р. 67–68].

Тематически «Записку...» можно разделить на 4 части: 1) сведения о Керченской гавани; 2) сведения о географических условиях, населении и природных ресурсах Керчи; 3) сведения об условиях торговли с побережьем Северного Кавказа; 4) сведения о керченских древностях.

То, что поводом для публикации послужило открытие Керченского порта, – вполне объяснимо. В октябре 1821 г. был подписан указ о создании новой гавани [20, с. 874–878], а в июне 1822 г. состоялось ее торжественное открытие [26, с. 311]. При этом И. А. Стемповский – один из последовательных сторонников проекта Керченской гавани [36, с. 157] – разослал «во все концы Европы» «красноречивые объявления» «для извещения о явлении нового торгового рынка» [26, с. 311]. Зачем же понадобилось Скасси, по сути, дублировать эти «красноречивые объявления» собственной публикацией, содержание которой (древности, полезные ископаемые и проч.) выходило за рамки заявленной в ее заглавии темы? Думается, будет верным искать мотивацию в биографии автора – Рафаила де Скасси.

В отечественной историографии долгое время оставалась неизвестной дата его рождения. Однако керченский историк В. Ф. Санжаровец выяснил ее по итальянским источникам: Р. де Скасси родился 26 февраля 1775 г. в Рапалло близ Генуи; рано осиротев, жил в доме своего родного брата – генуэзского врача Онофрио Скасси, а затем отправился сначала во Францию, затем в Одессу [29, с. 425]. В 1810 г. ему удалось обратить на себя внимание Ришелье и предложить ему проект развития торговли с горцами, который был поддержан герцогом [26, с. 301].

В тот период Россия пыталась нащупать оптимальную тактику отношений с горскими народами. Поначалу ставка делалась на феодальную знать и племенных старшин, которые задабривались ценными подарками взамен на обеспечение лояльности со стороны горских племен [9, с. 69]. Делались уступки в пользу «местных традиций», что порою означало узаконивание средневековых пережитков, скажем, взимания платы за проезд по землям феодала [24, с. 47]. Племена присягали на верность России, однако их подчинение Российской короне было зачастую формальным. Такая ситуация была опасной, поскольку Иран и Турция в то время (как, впрочем, и в течение последующих десятилетий) рассматривали в качестве важнейшей военно-политической цели вытеснение России с Кавказа [43, с. 219]. Это превращало Кавказскую линию во «взрывоопасный» участок, что сковывало здесь значительную группировку войск. Между тем влияние Турции на Кавказе оставалось сильным, и одна из главных причин тому – торговля: основную часть товаров горцы традиционно получали с турецкого берега. Так что план организовать черноморскую торговлю с горцами выглядел перспективным и во многих отношениях целесообразным: это наладило бы дружественные отношения с горскими племенами, пошатнуло турецкие позиции в регионе и оживило торговлю на юге России. Закономерно, что Ришелье, которому подчинялась, кроме прочего, и администрация Северо-Западного Кавказа, с энтузиазмом поддержал проект, снабдил Скасси «небольшой суммой денег» [26, с. 302] и, поручив завязать знакомства с влиятельными горцами, направил в Анапу, принадлежавшую в тот период России.

По донесению Скасси, в 1811 г. в Анапе, благодаря содействию супруги коменданта генерала К. К. Бухгольца, он «наладил отношения с черкесами, которые

часто приезжали к ней» [28, с. 281]. Забегая вперед, скажем, что знакомство Скасси с комендантшей Анапы позднее дало повод Ф. Ф. Вигелю изложить (в «Записке о Керчи») до экзотизма колоритную историю: якобы Скасси добился особого расположения г-жи Бухгольц – черкешенки, некогда взятой в плен и долго жившей в качестве наложницы в доме губернатора Тавриды В. В. Каховского. Эта черкешенка, хотя и вышла после смерти Каховского замуж за генерала Бухгольца, но, по словам Вигеля, сохраняла многие горские привычки и знакомства. Герцог Ришелье – опять же со слов Вигеля – решил воспользоваться чувством, возникшим между Скасси и черкешенкой, и предложил им совершить совместную экспедицию по Кавказу для налаживания торговых связей, причем возлюбленная Скасси, выполняя миссию, проявила значительно большие усердие и мужество, чем генуэзец [7, с. 36–38]. Трудно сказать, что в этой легендарной истории правда, поскольку Вигель имел повод (об этом скажем позже) быть предвзятым к Скасси. Из более объективных источников известно лишь, что супруга анапского коменданта Екатерина Михайловна Бухгольц – действительно черкешенка из абадзехского дворянского рода Дауровых, в 1791 г. была взята в плен при овладении Анапы; когда же вышла замуж за Бухгольца, то «ее родство с влиятельными горцами <...> стало благотворно действовать на отношение горцев к русским» [5, с. 47]. Е. М. Бухгольц пользовалась большим влиянием среди горцев, и потому российские власти прибегали к ее помощи даже и после того, как ее супруг перестал быть комендантом Анапы [21, с. 209–210]. Вообще же, Екатерина Михайловна была «известна радушным гостеприимством, которое она оказывала всем посещавшим Анапу» [18, с. 18.], так что за ее помощью, оказанной Скасси, могло и не скрываться никакой романтической истории.

Так или иначе, а Скасси удалось заручиться доверием ряда влиятельных горцев. Он нанял бриг (неясно, на какие деньги), в мае 1811 г. нагрузил его казенной солью и в течение 1811–1812 гг., несмотря на войну с Турцией, успешно заводил знакомства с кавказскими старшинами, так что владетель Геленжика, князь натухайцев, «поручил Ришелье двух своих сыновей для воспитания в Одесском лицее» [26, с. 302].

В 1812 г. по Бухарестскому миру Анапа и Суджук-Кале (нынешний Новороссийск) вернулись в руки турок. Учитывая, что Черкесия номинально входила в состав Турции, Скасси пришлось действовать среди горцев в качестве частного лица, но в 1813 г. он уже выполнял там официальную миссию по выкупу пленных. В 1814 г. Скасси завел факторию в устье реки Пшады [14, с. 22], в то же время власти предоставили ему транспортное судно «Дунай», и он осуществил удачный обмен крымской соли на кавказский строевой лес, который доставил в Севастополь [28, с. 284]. Кроме того, Скасси продолжал поиск русских пленников. В 1816 г. им было выкуплено из плена 27 человек [27, с. 290]. Судя по всему, Ришелье был удовлетворен ходом дел, так что в 1816 г. представил императору Александру и самого Скасси [26, с. 304], и его отчет о проделанной работе с соображениями на будущее [28]. Император решил поддержать начинание и, приняв Скасси на службу в МИД в чине надворного советника [26, с. 304], распорядился отпустить ему по символической цене 100 000 пудов соли для торга с кавказцами [27, с. 288]. Однако транспортное обеспечение торговли оставалось большой проблемой, и Скасси решился вложить в



предприятие собственные средства. Он купил шхуну «Черкесия», которая совершила «множество походов» к Кавказскому берегу с 1817 по 1820 г. [29, с. 421]. В 1818 г. командовал шхунной тогдашний компаньон Скасси – Тетбу де Мариньи, оставивший подробное описание кавказских рейсов «Черкесии» [14]. Впрочем, успехи Тетбу по налаживанию отношений с горцами, кажется, его не удовлетворяли, и, «будучи тем обескураженным, он подал в отставку» [3, с. 45]. Что касается «Черкесии», то в октябре 1820 г. она затонула во время шторма у берегов Кавказа [29, с. 421], а это, несомненно, было серьезным финансовым ударом для ее владельца – Скасси. Тем более что в августе того же года во время шторма погибло еще одно судно, «Ласточка», которое, по всей видимости, также принадлежало Скасси и оценивалось почти в 29 тыс. руб. [27, с. 290]. Если судить по письмам, которые Скасси отправлял в Геную брату и которые наполнены извинениями, значительная часть денег, вложенная Скасси в кавказскую торговлю, была одолжена ему братом, а возвращение долга находилось под большим сомнением [29, с. 432].

Тем не менее Скасси мог надеяться на радикальное улучшение ситуации. Еще в мае 1820 г. он узнает, что правительством поддержаны проекты, которые он «продвигал» в течение нескольких лет. Речь шла об открытии Керченского порта и оказании серьезной государственной поддержки торговле с горцами [29, с. 428–429]. На законодательном уровне решения были закреплены в октябре 1821 г.: в Керчи открывался торговый порт, в функции которого, среди прочего, входило и обеспечение кавказской торговли; учреждалось Керчь-Еникальское градоначальство, создавалось специальное Попечительство с главной квартирой в Керчи, обязанное организовывать торговлю с горцами, и наконец, определялись правила и льготы для торговли с кавказскими народами [20, с. 874–881]. На должность попечителя Керченской и Бугазской торговли назначался Скасси с присвоением ему чина коллежского советника. Ему «заимообразно» выделялось 200 000 руб. для организации торговли с горцами [26, с. 307].

Скасси был вправе воспринимать и Керченский порт, и Попечительство как собственное детище, ради которого он за несколько лет «достучался» во все кабинеты чиновничьей иерархии и добился аудиенции самого императора. И вполне объяснимо его желание представить это детище в самом благоприятном свете в своей парижской публикации, точно так же, как и в общении с гостями Керчи, например, с англичанином Р. Лайэллом, которому в 1822 г. Скасси воодушевленно рассказывал о намерении использовать для торговли с Кавказом пароходы [1, с. 8]. В парижской «Записке...» перспективы кавказской торговли выглядят безоблачными, что закономерно для статьи презентационного характера. Но читатель мог обратить внимание на такую, например, странность. Если сравнить приводимые Скасси перечни российских и кавказских товаров, то выясняется, что по ряду позиций происходит дублирование (мед, воск, пушнина), так что наиболее эффективной моделью торговой операции между Керчью и кавказским побережьем выглядит обмен крымской соли на кавказский строевой лес, а остальное – не гарантирует особенно больших оборотов. Характерно, что в том же 1822 г. Скасси удалось отправить к кавказским берегам 3 торговых судна, два из которых были нагружены

исключительно солью, и лишь одно – принадлежавшее феодосийскому купцу Лагорио – было в добавление к соли загружено и иными товарами [37, с. 64].

Но трудности торговли с горцами заключались не только в этом. В донесениях, не предназначавшихся для печати, Скасси указывал, что успешному развитию этой коммерции препятствует «настроенность черкесов против России», в основании чего лежит несколько причин: вражда с черкесами казаков и недобросовестность чиновников, междоусобицы, «пророчество, существующее между ними, якобы они должны быть погублены Россией», турецкое противодействие и торговля пленниками [27, с. 285].

Чиновники (современники Скасси), а также позднейшие историки, анализируя ситуацию, не просто приходили к похожим выводам, но и дополняли перечень препятствий, существовавших для торговли с горцами. Позднее, в 1835 г., когда вопрос о коммерческих отношениях с Кавказом снова привлек внимание высшего руководства страны, министру финансов Е. Ф. Канкрину было поручено усовершенствовать правила этой торговли. Канкрин запросил информацию на местах. Эта информация представляет собой интересный анализ целого периода в торговле с горцами. Так, керчь-еникальский градоначальник З. С. Херхеулидзе доносил о своих выводах, к которым он пришел на основании документов за 1823–1825 гг. По его убеждению, неуспех торговли был обусловлен, например, тем, что обмен товаров мог осуществляться лишь при условии покровительства со стороны влиятельных горцев (кунаков), а это вело к тому, что почти все выгоды от льгот, обеспеченных этой торговле Россией, уходили на подкуп «кунаков» и «на удовлетворение самовольных требований необузданных горцев» [2, с. 638]. Кроме того, купцы, прибывавшие на кавказский берег, не имели гарантий собственной безопасности, Турция продолжала снабжать горцев всем необходимым, а многолетняя война препятствовала восстановлению «покойных мирных отношений» [2, с. 638]. В том же духе высказывался и командующий войсками на Кавказе барон Г. В. Розен, который, указывал, что торговле вредило «большое количество пленников, продаваемых черкесами туркам, взамен чего получали они оружие, порох и все к жизни потребное» [2, с. 640]. Действительно, работорговля на Кавказе того периода имела значительные масштабы. В среднем из Черкесии ежегодно вывозилось в Турцию около 4 000 рабов, причем барыш был настолько велик, что турецкие контрабандисты были готовы даже к потере 9 транспортов с невольниками из 10: доход все равно оставался значительным [11, с. 41]. Борьба с такой контрабандой осложнялась тем, что «англо-турецкие коммерсанты пользовались негласной поддержкой со стороны своих правительств <...> как из экономических, так и политических соображений» [11, с. 40]. Центром кавказской работорговли являлась Анапа [13, с. 36], и, конечно, российским купцам, которые не покупали рабов и не имели права продавать горцам оружие, было трудно конкурировать с турецкими контрабандистами.

И все же Турция опасалась усиления российских торговых позиций на кавказском побережье и пыталась их торпедировать, используя кавказцев в своей борьбе против России [40, с. 62]. Так, скажем, в 1819 г. анапский паша направлял в

горы агентов, которые сеяли возмущение среди адыгов и склоняли их к нападению на русские селения [39, с. 16].

Между тем необходимость для российских купцов задаривать «кунаков» вела к развитию не столько торговли, сколько – «иждивенчества верхушки адыгского общества» [21, с. 100], притом что «подарки» вовсе не гарантировали спокойных условий торговли. Упомянутая уже фактория Скасси на реке Пшада в 1823 г. была разорена горцами, и ее пришлось заново устраивать в Геленджике [29, с. 431]. В то же время оставались сильны торговые традиции: купцы предпочитали старинный путь через Астрахань в Тифлис [37, с. 64], хотя это и вело к удорожанию товаров на 50–80 % [44, с. 37]. Ко всему присоединялись преходящие трудности. Так, в 1822 г. – в год публикации «Записки...» Скасси – торговля с черкесами была временно прекращена из-за эпидемии чумы [21, с. 136]. Словом, торговать на Кавказе было не многим безопаснее, чем воевать на Кавказе.

Проблемы кавказской торговли были запрограммированы даже той иерархической нишей, в которой оказалось Попечительство этой торговли. Получалось так, что Попечительство повторяло функции «параллельных» ведомств. Так, Керченский порт (а фактически и город Керчь), по существу, оказывался в ведении и попечителя Скасси, и керчь-еникальского градоначальника. Пока до 1823 г. решение о персоне на должность градоначальника не было принято, Скасси мог себя чувствовать полноправным управляющим портом, да и городом. Когда в 1823 г. градоначальником назначили А. В. Богдановского, то Скасси еще как-то удавалось соблюдать баланс полномочий, но позднее, с приходом в 1827 г. на пост градоначальника Ф. Ф. Вигеля противоречия, видимо, оказались неразрешимыми. Неизвестно, какими способами боролся за первенство в этой конкуренции Скасси, но Вигель решился нанести серьезный удар по репутации «попечителя», составив и распространив в анонимных списках свою «Записку о Керчи» (датируется октябрём 1827 г. [8, с. 99]), где Скасси представлен в качестве авантюриста и мошенника под стать графу Калиостро. Возможно, какие-то факты, представленные Вигелем, на самом деле имели место. Но очевидно, что искажений действительности в записке Вигеля немало. Например, он высказывает сомнение в том, что Скасси вообще бывал в Кавказских горах и устроил торговый двор в Пшаде, хотя, несомненно, что поездки на Кавказ Скасси совершал, а пшадская фактория существовала и пользовалась известностью; во всяком случае, кавказский генерал Г. И. Филипсон в своих мемуарах называл ее «славной» [41, с. 113]. Так что «Записку...» Вигеля, думается, можно воспринимать как колоритную иллюстрацию его противостояния со Скасси, но никак не в качестве объективного источника об истории русско-кавказской торговли.

Устранение административных противоречий во многом зависит от персональных свойств характера должностных лиц, а Скасси, судя по всему, необходимыми для этого свойствами обладал мало, что и сказалось на его отношениях с командующим на Кавказе генералом А. П. Ермоловым.

К 1816 г. в Петербурге созрело понимание, что кавказские дела, пущенные на самотек, чреваты серьезным ухудшением ситуации. Ставка, которая делалась правительством на привычные для горцев формы власти (по сути, делегирование

государственной власти местным феодалам), уничтожала эффективность управленческой системы. Местная знать усиливала произвол в отношении подданных, но теперь делала это под эгидой российской власти, что настраивало горцев враждебно в отношении России [9, с. 70–71]. Между тем Кавказ оставался наиболее уязвимой политической точкой. Помимо притязаний Персии и Турции, он входил в сферу британских колониальных интересов: после 1812 г. Лондон обсуждал планы закрепления за собой ряда кавказских территорий [38, с. 58], причем Англия «рассматривала Кавказский хребет как предел распространения России на юг, в азиатски страны» [30, с. 179–180].

Чтобы переломить ситуацию, командующим на Кавказ был назначен талантливый военачальник и европейски образованный администратор генерал Ермолов. В ведении Ермолова находились не только армейские вопросы, но и хозяйственно-административное устройство края, поэтому при каждой возможности русская армия «превращалась в большой отряд строителей, занятых на общественных работах» [9, с. 73]. Однако для Ермолова было очевидным, что любые гражданские преобразования не будут иметь эффекта, если не удастся пресечь постоянные набеги и похищения пленников с целью выкупа или продажи в рабство. Это заставляло Ермолова строить новые крепости, жестко пресекать попытки набегов. Так что управленческие и экономические преобразования на Кавказе осуществлялись им, по сути, в боевой обстановке.

Как помним, в том же 1816 г. по линии министерства иностранных дел получил поддержку своей миссии и Скасси. Вопросы кавказской торговли превратились в объект столкновения позиций и интересов двух ведомств. Видимо, Скасси при этом не был готов к существенным компромиссам и вызвал неудовольствие Ермолова, который должен был воспринимать «гражданского», действующего в зоне его ответственности, но без согласования с ним, в качестве досадной помехи.

В 1822 г. раздражение Ермолова «вылилось на бумагу». В то время министр иностранных дел К. В. Нессельроде сообщил Ермолову о создании Керченского порта и Попечительства торговли с горами, причем просил генерала оказывать всякое содействие Скасси [45, с. 20]. Но обратим внимание на такое обстоятельство: указы о создании Керченского порта и Попечительства датированы 10 октября 1821 г., а двумя днями ранее, 8 октября, появился именной указ императора, который содержал подробные предписания Ермолову по организации кавказской торговли [20, с. 971–872]. То есть дублирование функций оказалось окончательно узаконенным. Это не могло не вызвать пылкой реакции Ермолова, который в ответном письме Нессельроде назвал работу агентов Скасси «ничтожной», а самого Скасси упрекнул в отсутствии даже «поверхностных сведений» о Кавказе [45, с. 20–21].

В дальнейшем отношения между Скасси и Ермоловым только обострялись, поскольку попечитель торговли продолжал вмешиваться в сферу ответственности генерала. Известно, что Скасси писал на Ермолова «обличительные доносы» [3, с. 46], требовал, чтобы главноуправляющий Черноморского казачьего войска по охране границ от набегов горцев М. Г. Власов не допускал силовых действий в отношении племен, с которыми Скасси наладил торговые связи [42, с. 122–123], то

есть добивался, чтобы армия действовала не из соображений военной необходимости, а по требованиям коммерческой целесообразности. В 1828 г. Скасси на основании подобного же повода вступил в конфликт с А. С. Меншиковым, руководившим осадой Анапы.

Вероятно, такое умение находить себе врагов сыграло свою роль в том, что Скасси попал под следствие, был отставлен от службы, а Попечительство торговли с горцами было в 1829 г. упразднено. Как выяснил В. Ф. Санжаровец, Скасси, оставшись не у дел, осел в керченском имении, где посвящал себя хозяйственным заботам, и «за труды по лесоводству и садоводству» в 1833 г. удостоился награды Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Умер между 1843 и 1847 гг. [29, с. 433–434].

Если рассуждать с позиций времени, то торговля с горцами, организацией которой занимался Скасси, конечно, была для России политической необходимостью. Однако реализация этого замысла была связана с преодолением такого количества объективных и субъективных препятствий, что вряд ли существовала возможность решить проблему с первого приступа. Миссия Скасси в конечном итоге завершилась неудачей, однако опыт, приобретенный в ходе ее исполнения, был использован в дальнейшем (например, Канкриным в 1835 г.) для устройства торговых отношений с горцами на новых основаниях. Что касается парижской «Записки...» Скасси, то она укладывалась в план развития торговли с Кавказом, предполагавший зарубежную рекламу Керченского порта. Была ли замечена эта информация французскими промышленниками, сказать трудно. Зато известно, что на публикацию Скасси отреагировал парижский журнал «Энциклопедическое обозрение». Что характерно, в его рецензии на статью Скасси кавказская торговля даже не упоминается, а все внимание сосредоточено на природных особенностях Керчи и на ее древностях. Вот текст этой рецензии: «Керченский порт находится в подчинении Одессы. Город расположен у подножия гряды холмов, самый высокий из коих сохраняет имя *Митридатова кресла*, неподалеку от древних руин *Пантикапея* на *Босфоре Киммерийском* на полуострове, который соединяется с Крымом *Феодосийским перешейком*. Этот полуостров обладает превосходным плодородием; на его тучных пастбищах пасутся стада овец, называемых астраханскими, и табуны лошадей. В проливе и в Азовском море весьма обилен промысел осетра; еще одно достояние этих мест – соляные копи; здесь хорошо растут виноград и каперсы; целебные и обильные воды способствуют приятности жизни как в городе, так и в его окрестностях. Сей город, представляющий новые коммерческие ресурсы, достоин внимания также путешественников, коллекционеров и ученых. Кроме того, что европейцы обнаруживают здесь новую для себя природу, животных и растения, которые не встречаются в иных местах, знатоки сумеют собрать здесь большую жатву, исследуя развалины и памятники древности и средневековья» [48].

Показательно, что и сам Скасси парижскую «Записку...», посвященную Керченскому порту, начинает именно с исторических данных: «Город Керчь, расположенный у подножия гряды холмов, самый высокий из коих <...> сохраняет имя *Митридатова кресла*, находится неподалеку от руин древнего *Пантикапея* на

берегу Таманского пролива <...>, некогда называвшегося *Босфором Киммерийским*». Завершается «Записка...» Скасси довольно объемным (как для «сопутствующей» информации о гавани) и пафосным пассажем о памятниках древности. Причем автор явно стремится продемонстрировать, что неплохо знаком с историческими источниками о регионе. Он не просто упоминает Страбона, но и называет древнюю Тамань островом: так ее называл Страбон [32, с. 470] и такою она действительно была в античную пору [10]. Примечательно и то, что далее Скасси не просто сообщает о недавно вышедшей книге, посвященной керченским древностям, французского археолога Д. Рауль-Рошетта, но и указывает на важный вклад И. А. Стемпковского в подготовку этого издания. Завершается статья упоминанием о неких мерах, предпринятых русским правительством, для сохранения керченской старины. Речь, разумеется, идет о высочайшем повелении 1805 г., запрещавшем путешественникам собирать археологические ценности на казенных землях.

Вся эта информация никоим образом не связана с коммерческими задачами Керченского порта и обязанностями Скасси как попечителя торговли с черкесами. Тогда зачем Скасси вводит все эти данные в статью?

В самом начале XIX в. удаленная от больших путей, почти обезлюдившая, лишенная архитектурных украшений и торгового значения, Керчь не могла привлекать к себе большого внимания. Однако уже тогда здесь появлялись «любопытствующие» [25, с. 188], которые отыскивали в окрестностях города антики. В 1810–1820-х гг. сложился кружок археологов-любителей, занятых исследованием керченских древностей [15; 16, с. 75–81]. В этот кружок входил и Скасси. Среди его ближайших единомышленников – начинатель керченских раскопок П. Дюбрюкс, а также много лет исполнявший функции личного секретаря при герцоге Ришелье и, пожалуй, наиболее осведомленный в области археологии среди всех любителей старины тогдашнего Юга России, чиновник и исследователь И. А. Стемпковский.

Можно не сомневаясь сказать, что для Скасси археологические изыскания были делом совершенно искреннего и глубокого интереса. Вскоре после публикации парижской «Записки...» об открытии Керченского порта Скасси составит записку на имя М. С. Воронцова «Древности Керченского полуострова» [34, с. 42–46], в которой будет убеждать генерал-губернатора в необходимости планомерных раскопок в Керчи и создании там музея древностей. И что характерно – убедит! В 1826 г. Керченский музей древностей будет открыт.

Скасси сам предпринимал в Керчи раскопки (известен т. н. «раскоп Скасси»), обнаружил ряд ценных артефактов [23, с. 14–15], наиболее известным из которых является статуя сидящей богини Кибеллы [33, с. 123]. Причем эту статую Скасси подарил Керченскому музею, откуда она со временем попала в Эрмитаж [33, с. 145]. Понятно, что такой исследовательский энтузиазм сближал Скасси с Дюбрюксом и Стемпковским, и понятно желание Скасси использовать французскую публикацию как возможность во всеуслышание заявить о ценности керченских древностей. Но важно сознавать, что «археологическое отступление» в парижской «Записке...» Скасси, да и сам факт публикации этой «Записки...» были следствием не только личного порыва, но и важной тенденции, которая во многом определила характер освоения крымских древностей в российской науке той поры.

Суть этой тенденции очень точно описана И. В. Тункиной [35]. В первой трети XIX в. в российской археологии, делавшей свои первые шаги, произошло разделение на столичную (академическую) и провинциальную (любительскую) науку. Представленная академиками Е. Е. Келером, Х. Ф. Грефе, Ф. И. Кругом и другими учеными, столичная наука, сосредоточиваясь на письменных, эпиграфических и нумизматических источниках, в качестве «символа веры» имела широкую эрудицию и носила по большей части кабинетный, книжный характер. Одновременно в Одессе и Керчи стихийно складывалось сообщество любителей старины, состоявшее из людей образованных, но по понятным причинам не имевших академической эрудиции и специальной научной подготовки. К числу этих людей как раз и принадлежали Стемпковский, Дюбрюкс, Скасси и некоторые другие, среди которых отметим И. П. Бларамберга, поскольку о нем еще предстоит говорить далее. Закономерно, что, находясь на месте древних поселений, именно эти ученые-дилетанты прежде всего и были заняты «практической археологией» – сбором антиков и первыми раскопками. Именно они – методом проб и ошибок, на ощупь – вырабатывали методологию раскопок и принципы отношения к археологическому материалу.

Строго говоря, такое разделение на академическую и дилетантскую, стихийную науку, пожалуй, неизбежно и имело место во все времена, и вопрос лишь в том, находят ли возможность представители двух этих научных уровней консолидировать исследовательские усилия на благо науки в целом. В 1820-х гг. такая консолидация давалась очень трудно, и не последним препятствием на ее пути была «ученая позиция» хранителя Кабинета антиков и медалей Императорского Эрмитажа, академика Е. Е. Келера, который «всячески оберегал “монопольную ситуацию”, сложившуюся в русском антиковедении первой трети XIX в.» [35, с. 370].

Ощущая манеру столичного академического общества воспринимать археологию как достояние узкого круга «посвященных» и смотреть скептически на исследовательские попытки «любопытствующих» провинциалов, эти самые провинциалы закономерно искали доступ к более широкой ученой аудитории, нежели круг петербургских академиков. Оптимальным выходом в такой ситуации становилось обнародование трудов в европейской печати. В эпоху Николая I публикации российских подданных за границей окажутся сопряжены с целым рядом затруднений [19, с. 475–499], но во времена Александра I единственная сложность заключалась в том, чтобы заинтересовать зарубежных издателей, а как раз это «керченским дилетантам» и удалось.

Наиболее значительными научными связями во Франции обладал И. А. Стемпковский. Еще в 1814 г. вместе с Ришелье он отправился в Париж, где поначалу находился при Главной квартире императора, а после – в составе отдельного корпуса, остававшегося во Франции до 1818 г. За это время он смог приобщиться к последним достижениям науки и, «получив <...> доступ в парижскую Академию надписей и словесности, приобрел дружбу неперменного секретаря Академии, известного корифея археологов Раул-Рошета и через посредство его избран был в члены-корреспонденты этой академии» [4, с. 99]. В 1821–1822 г. Стемпковский, находясь за границей на лечении, снова провел много времени в

Париже, куда привез все свое собрание монет, «чтобы показать его ученым нумизматам, с коими он находился в сношениях» [6, с. 191]. Это парижское пребывание оказалось весьма плодотворным, поскольку Стемповскому в 1822 г. удалось опубликовать в Париже свое исследование «Notice sur les médailles de Rhadameadis, roi inconnu du Bosphore Cimmerien, découvertes en Tauride en 1820» [Записка о медалях неизвестного боспорского царя Радамидиса, найденных в Крыму в 1820 г.]. В том же году собрание Стемповского послужило основой для книги Д. Рауль-Рошетта «Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien» [Греческие древности Босфора Киммерийского]. В предисловии консерватор Кабинета антиков и медалей Парижской библиотеки Рауль-Рошетт особо оговаривал вклад Стемповского в подготовку издания: «Часть надписей и медалей, которые представлены в этом собрании, происходят из кабинета г-на Стемповского, другая часть – из еще более значительной коллекции, также собранной в Одессе российским статским советником г-ом де Бларамбергом. Г-н Стемповский не ограничился тем, что переслал мне чрезвычайно тщательные и точные рисунки древностей, которыми располагает; я обязан ему также многими весьма проницательными идеями относительно происхождения и толкования этих древностей, и я постараюсь отдавать ему дань почтения всякий раз, когда мои собственные исследования будут опираться на эти идеи. Я должен также сообщить читателям о надежде, которую мне подал г-н Стемповский, в ближайшее время пополнить новыми открытиями наши знания о древней истории края, в котором он живет» [49, р. 1–2].

Именно об этой книге говорит Скасси в своей французской статье, явно опираясь на только что цитированное предисловие Рауль-Рошетта. Однако в отзыве Скасси в глаза бросается одна деталь: по его словам, древности в коллекции Стемповского были собраны не только на Юге России, но и пересылались Стемповскому из Парижа. О каких «пересланных из Парижа» предметах идет речь – неясно. По оценке того же Рауль-Рошетта, количество боспорских древностей в европейских кабинетах было весьма невелико по сравнению с музеями Одессы, Николаева и Феодосии [49, р. 1–2]. Возможно, имеются в виду описания древностей, которые, хоть в малом количестве, но все же были в Европе. Стемповский, конечно, должен был интересоваться этими описаниями, и именно эти описания французские коллеги-археологи могли пересылать ему. Кстати, Рауль-Рошетт указывает на предметы, которые уже были описаны прежде во французских источниках [49, р. 119, 144, 226 и др.].

Важно вот еще что: Стемповский сумел организовать в Париже публикацию не только собственных исследований, но и находок, сделанных Бларамбергом. И. П. Бларамберг был фландрийским дворянином, с 1808 г. служил в Одессе, с 1811 г. начал собирать коллекцию древностей, значительную часть которой потом подарил Ришельевскому лицу и Одесскому музею [36, с. 110]. В 1825 г. именно он будет реализовывать идею Скасси по созданию Керченского музея, который сам и возглавит (а помимо того, будет руководить Одесским и Феодосийским музеями).

В 1822 г. находки, принадлежащие Бларамбергу, дали материал не только для книги Рауль-Рошетта. Еще две книги в том же году были выпущены в Париже, хотя и с некоторыми дополнениями Рауль-Рошетта, но под именем самого Бларамберга: о



древностях, найденных в Крыму [47], и об античных медалях Ольвии [46]. Кстати уж скажем, что в 1822 г. в Вене собственное описание крымских древностей опубликовал П. И. Кеппен [17, с. 215].

То есть 1822 год для керченских любителей древности стал, благодаря Стемпковскому, настоящим прорывом к французскому, а стало быть, европейскому ученому читателю. И парижская «Записка...» Скасси была частью этой волны публикаций. Закономерно предположить, что именно Стемпковский посодействовал размещению статьи Скасси, поскольку ему были близки и интерес генуэзца к крымским древностям, и его идея Керченского порта. И обратно: сам Скасси включал в свою публикацию материал, который мог быть поддержан и одобрен его соратником Стемпковским.

Если говорить о результатах мобилизации керченского кружка археологов в 1822 г. для выступления в парижской печати, то, конечно, прежде всего следует сказать о том, что они таким образом осуществили важный шаг по обмену научной информацией. Но что удивительно, не все восприняли это в качестве научного достижения. Академик Е. Е. Келлер обрушился на публикации «дилетантов» с суровой критикой. Причем, по оценке Тункиной, «резкий тон отзывов Е. Е. Келера о трудах провинциалов зачастую переходил допустимые границы научной этики»: «Вместо спокойной конструктивной критики на первый план вышла капризная раздражительность и придирки по мелочам» [35, с. 367]. Не избежала его «резкой, во многом необъективной и пристрастной» [35, с. 366] рецензии и книга Рауль-Рошетта.

Причем «эхо» от рецензии Келера достигло широкого читателя. Так, в 1823 г. «Вестник Европы» между делом сообщал: «Редактор имеет теперь достоверное сведение, что Рауль-Рошетт по большей части пользовался богатым, чрезвычайно любопытным кабинетом г-на статского советника Бларамберга, который и сам описал Ольвиопольские медали, как любитель и знаток ученый. Наш одесский археолог имеет справедливую причину сетовать на парижского за некоторые слишком сомнительные его показания и за неисправность в гравировании, некоторые медали жалким образом изуродованы» [12, с. 307–308]. Этот пассаж принудил Стемпковского обратиться в журнал с открытым письмом, где он заявил, что мелочные ошибки, неизбежные в большом труде, всецело искупаются тем, что, благодаря Рошетту, древности, до сих пор «скрытые в пыли кабинетов», а потому «потерянные для ученого света», наконец превратились в важнейший источник об истории Новороссийского края [31, с. 234].

Сколь бы справедливой ни была мысль Стемпковского, но дилетанту-ученому с периферии было трудно нейтрализовать эффект критики, обеспеченный авторитетом академика Келера. А потому результатом этого столкновения между провинциальной и столичной наукой стало лишь то, что керченские и одесские археологи (среди них Стемпковский, Бларамберг, Кеппен) почти утратили связь с Петербургской академией наук, работы свои отправляли за границу, да и вообще стали печататься меньше: «большинство созданных дилетантами исследований 1820-х – начала 1830-х гг. остались неизданными, хотя их публикация существенно бы обогатила науку» [35, с. 368–369].

Возвращаясь к парижской «Записке...» Р. де Скасси, следует заключить, что она не носила строго научного характера, но являлась отражением того духа единомыслия и солидарности, который существовал в 1820-х гг. между очень разными по национальности и роду занятий людьми, увлеченно и самоотверженно создававшими основу археологических исследований Крыма. Возможно, парижская «Записка...» – единственная публикация генуэзца, но ее содержание – это обобщенное изложение интересов, надежд и начинаний, которые в первой трети XIX в. владели людьми, открывавшими Тавриду миру, и обеспечили место в истории Крыма в том числе и Рафаилу де Скасси – исследователю, инициатору Керченского музея и создателю Керченского порта.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### ЗАПИСКА ОБ ОТКРЫТИИ В КРЫМУ НА ЧЕРНОМ МОРЕ КЕРЧЕНСКОГО ПОРТА

Р<афаил> де С<касси>

Просвещенный государь, правящий судьбами России, в беспрестанном стремлении развивать в своем обширном государстве любой имеющийся в нем источник благосостояния, соблаговолил дать южным областям новое подтверждение своей отеческой милости и, повелев открыть в Крыму Керченский порт, даровал черноморской торговле выгоды, обеспечивающие ее преумножение.

Дабы постичь всю полноту этого благодеяния, будет нелишним бросить взор на расположение и возможности нового предприятия.

Город Керчь, расположенный у подножия гряды холмов, самый высокий из коих, господствуя над городом, сохраняет имя *Митридатова* кресла, находится неподалеку от руин древнего *Пантикапея* на берегу *Таманского пролива* (ошибочно именуемого некоторыми географами *Кафским проливом*), некогда называвшегося *Босфором Киммерийским*. Керченский порт, расположение которого во многом походит на расположение порта Константинопольского, находится в бухте, которая вдается на пять-шесть верст<sup>1</sup> в полуостров, соединяющийся с Крымом посредством Феодосийского перешейка; порт разделен на два бассейна крепостью, у оконечности которой почти на уровне воды видны еще остатки древнего мола, естественным образом защищенного со всех сторон от ветров с открытого моря. Эта просторная и удобная гавань настолько безопасна, что капитаны купеческих кораблей, решившие перезимовать здесь, часто сажают свои корабли на илистую мель, чтобы приберечь тросы; и не было случая, чтобы кто-нибудь разочаровался в чрезвычайной надежности этого места: глубина там позволяет загрузить до двенадцати тысяч пудов (приблизительно двести тонн) у края мола, длина которого не превышает пятидесяти шагов; черноморские суда могут в любую погоду швартоваться здесь и уходить в Азовское море, не опасаясь еникальских отмелей, что за Керчью.

Население Керчи (включая Еникале – небольшой городок в десяти верстах, принадлежащий тому же градоначальству) насчитывает около четырех тысяч жителей и состоит в значительной части из греков-переселенцев, которым

---

<sup>1</sup> Верста составляет около четверти французского лье.

бессмертная Екатерина II в своем беспредельном благоволении даровала приют и многие привилегии.

Плодородие земель, окружающих город, ни с чем не сравнимо. Керченский полуостров, находящийся между Азовским и Черным морями, обладает самыми прекрасными пастбищами среди южных областей России. Весь этот край, некогда населенный колонистами из Греции, Генуи и Венеции, изобилует напоминаниями о величии, оставленными здесь богатыми торговыми учреждениями двух этих последних республик. Предпосылки к процветанию этого края ныне как никогда многочисленны, и заботливое, активное попечение правительства обеспечивает ему развитие. Окрестности знаменитого Пантикапея, холмы и прекрасные долины мало обработаны, что является следствием апатичности татар, населяющих сельскую местность, и их слабой осведомленностью в области земледелия, но когда торговля привлечет сюда деятельное и предприимчивое население, эта прекрасная, вернувшаяся к первобытному состоянию природа ни за что не уступит иным частям большого полуострова.

На тучных пастбищах здесь пасутся многочисленные стада крупного скота, серых и черных овец с завивающейся шерстью, чьи столь востребованные шкуры известны в торговле под названием *астраханского ягненка*. Содержание этих стад не требует, как в иных местах, большого запаса кормов и обширных строений для защиты от суровых зим. У некоторых помещиков есть конные заводы, которые могли бы быть усовершенствованы за счет скрещивания с прекрасными черкесскими и персидскими породами, однако и в нынешнем своем состоянии они приносят значительные доходы. Так что весьма легко увеличить значение хозяйств подобного рода и к тому же – присоединить к ним стада коз из Ангоры, Астрахани и из областей Каспийского моря, породу которых, происходящую из Тибета, завез во Францию г-н Жубер.

Промысел осетрины, которую засаливают, вялят и продают под названием балыка и от которой получают превосходную икру, на Босфоре и в Азовском море весьма обилен. Даже в Керченской гавани или неподалеку от нее можно обнаружить много ценных видов рыбы, устриц, мидий и т. д. Охота на всем полуострове столь же доходна, сколь и легка.

Еще один источник керченского богатства заключен в изобильных солончаках, использование которых в настоящий момент обеспечивает активное каботажное сообщение с берегами Азовского моря и будет особенно способствовать учреждению предприятий по производству солонины, приготовлению и очистке жира и т. д. Помимо обычной соли, озера дают в большом количестве глауберову соль<sup>1</sup>. В окрестностях города находятся источники серы и нефти, карьеры по добыче сланца, шахты для добычи желтой охры и цианида железа, целые холмы очень мелкой глины, которая, несомненно, во времена боспорцев служила для создания великолепных этрусских ваз, до сих пор ежедневно обнаруживаемых под обломками их бывшей столицы; наконец, камень на всем пространстве Керченского полуострова – в изобилии, а его добыча и доставка не составляют большого труда.

---

<sup>1</sup> Сульфат соды, который сейчас химики называют гидросульфатом натрия.

Нет нужды рассказывать о климате; даже если бы его мягкость не была общеизвестной, то достаточно было бы сказать, что каперсы – столь нежные и чувствительные к холоду – естественным образом произрастают здесь на побережье Черного моря неподалеку от Керчи, а виноград здесь столь хорош, что керчь-еникальское вино является одним среди лучших в Крыму.

Этот город обладает еще одним преимуществом, о котором не лишне будет упомянуть, поскольку оно касается здоровья граждан: в городской черте находятся источники с великолепной водой и точно такие же можно обнаружить повсюду в ближайших окрестностях, особенно – в том месте, где будет построен новый карантин. Наконец, природа наделила эту гавань всем, чтобы она могла служить одним из лучших мест для устройства коммерческих складов, которые обеспечивали бы часть южных и азиатских областей России. Действительно, расположение Керчи и легкость морских перевозок чрезвычайно способствуют спекуляциям, которые, не испытывая более перебоев, удвоят свою активность. Купцы посредством каботажа смогут привозить все, что производится в России: зерно, железо, медь, жир, шерсть, сафьян, пушнину всех сортов, мед, воск, икру, рыбий клей, льняное семя, пеньку, парусину и т. д. и т. п. Таким образом, суда, которые не рискнут заходить в Азовское море или прибудут в такое время, когда навигация по нему закрыта, найдут грузы здесь же и смогут увеличить количество своих переходов. Земли черноморских казаков, что напротив Керчи на берегу Таманского пролива и на берегах Азовского моря, весьма плодородны и питают огромные стада. У казаков также весьма значителен рыбный промысел. Земледелие этого многочисленного населения, поддержанное появлением нового рынка, даст торговле богатую продукцию, воспользоваться которой будет нетрудно благодаря быстроте транспортного сообщения.

Керчь будет пользоваться теми же правами и преимуществами, что Таганрог и Феодосия (Кафа). Соседство с берегами Черкесии и Абазы превращает ее в наиболее подходящий пункт для меновой торговли, которую можно наладить с кавказскими народами и все выгоды которой трудно переоценить, если учесть, что универсальным средством обмена у них является соль и что русское правительство, чтобы поддержать эту торговлю, предоставляет соль из своих озер на две трети дешевле, нежели она стоит по всей империи, а к тому же на десять лет снимает всякие таможенные пошлины с импорта черкесских и абазинских товаров, которые по большей части состоят из породистых лошадей, пресно-сухих шкур, пушнины, воска, меда, великолепного корабельного и строительного леса, древесины для инкрустаций и изготовления изящных предметов, чернильного орешка, сушеных фруктов, лаврового листа и т. д. и т. п. Русские товары, предназначенные для этой торговли, будут освобождены от вывозных пошлин на тот же срок. Эта торговля, которую с таким успехом вели генуэзцы, процветала, пока падение греческой империи не закрыло для их кораблей вход в Черное море; руины их поселений еще видны в разных местах по берегам Черкесии и Абазы, ставших с тех пор столь негостеприимными; и почтение, по традиции питаемое черкесами к этому предприимчивому народу, является залогом процветания меновой торговли, которая будет вестись с ними.

Долгое время над развитием этой торговли работал коллежский советник министерства иностранных дел г-н шевалье де Скасси, и именно ему Его Императорское Величество соблаговолил доверить организацию этих новых предприятий и управление ими под началом его превосходительства г-на графа де Ланжерона, генерал-губернатора южных губерний, которому непосредственно подчинены губернаторы (градоначальники) коммерческих портов Черного и Азовского морей.

Коммерческие и аграрные ресурсы, с обзором которых мы только что бегло ознакомились, не являются единственным достоянием Керченского полуострова; эта область еще более интересна с иной точки зрения: окрестности Керчи, где расположены развалины Пантикапея и Нимфея – городов, знаменитых во многих отношениях, остров Тамань, где некогда существовали Киммерик и Фанагория – города, славные своей торговлей и силой, да и вообще вся территория, омываемая Босфором и столь точно описанная Страбоном, содержат богатейшие древности; памятники, погребенные под руинами славных городов этого края, станут факелом, позволяющим проникнуть во мрак прошлого этой земли, столь часто переживавшей исторические потрясения и потому окутанной покровом неизвестности. Гигантские, или, если быть более красноречивым, циклопические сооружения наверняка скрывают в себе сокровища древности. Исследование этих скрытых под множеством обломков сооружений откроет широкое поле для научных изысканий. Правда, во время своих нашествий татары, верные разрушительным обычаям, снесли храмы, искалечили статуи и использовали драгоценные обломки греческого и римского искусства, чтобы бросить их в фундаменты своих крепостей и мечетей. С тех пор, как Крым под российской державой снова вернулся к цивилизации, путешественники, любители старины, стремятся посетить этот столь богатый древностями край и найти здесь множество статуй, надписей, ваз, медалей и т. д. и т. п. Но эти ценности, рассеявшись по разным странам, оказались потерянными для истории<sup>1</sup>. К сохранению этих богатых трофеев приняты благоразумные меры, и отныне наука не будет оплакивать столь прискорбные утраты.

#### Список использованных источников и литературы

1. Авсенова С. Н. Керчь конца XVIII – первой трети XIX века в записках иностранных путешественников / С. Н. Авсенова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 26 (65). – 2013. – № 1. – С. 3–8.  
 Avsenova S. N. Kerch' kontsa XVIII – pervoi treti XIX veka v zapiskakh inostrannykh puteshestvennikov / S. N. Avsenova // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». Tom 26 (65). – 2013. – № 1. – S. 3–8.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. – Тифлис, 1881. – 1009 с.  
 Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei. T. VIII. – Tiflis, 1881. – 1009 s.

<sup>1</sup> Благодаря усердию и исследованиям ученого г-на Рауль-Рошетта, у нас будет, однако, труд об этих исторических памятниках. Он только что с редкостным тщанием и успехом опубликовал греческие древности Босфора Киммерийского и пояснения к ним. Многие русские собирают коллекции медалей, которые находят в этом краю. Среди ученых археологов этой нации упомянем г-на Стемпковского, который оказал любезность, передав г-ну Рауль-Рошетту древности, которые собрал сам и которые ему прислали из Парижа.

3. Ачмиз К. Г. К вопросу о характере русско-адыгских торговых отношений в годы Кавказской войны / К. Г. Ачмиз // Вестник Адыгейского государственного университета. – Вып. 4 (148). – Майкоп, 2014. – С. 43–52.  
Achmiz K. G. K voprosu o kharaktere russko-adygskikh torgovykh otnoshenii v gody Kavkazskoi voyny / K. G. Achmiz // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. – Vyp. 4 (148). – Maikop, 2014. – S. 43–52.
4. Ашик А. Б. Некролог <И. А. Стемповского> / А. Б. Ашик // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. – Одесса, 1863. – С. 907–914.  
Ashik A. B. Nekrolog <I. A. Stempkovskogo> / A. B. Ashik // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. T. 5. – Odessa, 1863. – S. 907–914.
5. Веселовский Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы / Н. И. Веселовский. – Пг.: Тип. гл. упр. уделов, 1914. – 74 с.  
Veselovskii N. I. Voенno-istoricheskii ocherk goroda Anapy / N. I. Veselovskii. – Pg.: Tip. gl. upr. udelov, 1914. – 74 s.
6. Веселовский Н. И. О приобретении для Императорского Эрмитажа нумизматической коллекции И. А. Стемповского / Н. И. Веселовский // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 51. – Симферополь, 1915. – С. 186–195.  
Veselovskii N. I. O priobrenenii dlya Imperatorskogo Ermitazha numizmaticheskoi kollektzii I. A. Stempkovskago / N. I. Veselovskii // Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. T. 51. – Simferopol', 1915. – S. 186–195.
7. Вигель Ф. Ф. Записка о Керчи / Ф. Ф. Вигель // Вигель Ф. Ф. Записки. В семи частях. – М.: Университетская типография, 1891–1893. – Ч. 7. – Приложение. – С. 1–68.  
Vigel' F. F. Zapiska o Kerchi / F. F. Vigel' // Vigel' F. F. Zapiski. V semi chastyakh. M.: Universitetskaya tipografiya, 1891–1893. – Ch. 7. – Prilozhenie. – S. 1–68.
8. <Вигель Ф. Ф.> Записка о Керчи / Ф. Ф. Вигель // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1864. – Кн. 1. – Отд. V. – С. 1–99.  
<Vigel' F. F.> Zapiska o Kerchi / F. F. Vigel' // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. – M., 1864. – Kn. 1. – Otd. V. – S. 1–99.
9. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе / В. В. Дегоев. – М.: SPSL – «Русская панорама», 2003. – 512 с.  
Degoev V. V. Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Stat'i, ocherki, esse / V. V. Degoev. – M.: SPSL – «Russkaya panorama», 2003. – 512 s.
10. Завойкин А. А. «Боспор Кубанский» – остров – Гермонасса (заметки по исторической географии Таманского полуострова) / А. А. Завойкин // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. – № 3. – С. 147–163.  
Zavoikin A. A. «Bospor Kubanskii» – ostrov – Germonassa (zametki po istoricheskoi geografii Tamanskogo poluostrova) / A. A. Zavoikin // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – Magnitogorsk: MG TU im. G. I. Nosova, 2017. – № 3. – S. 147–163.
11. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. Исторические очерки / Ю. Ю. Клычников, С. И. Линец. – Пятигорск, 2006. – 211 с.  
Klychnikov Yu. Yu., Linets S. I. Severokavkazskii uzел: osobennosti konfliktного potentsiala. Istoricheskie ocherki / Yu. Yu. Klychnikov, S. I. Lisinets. – Pyatigorsk, 2006. – 211 s.
12. Краткие выписки, известия и замечания // Вестник Европы. 1823. – № 23–24. – С. 305–312.  
Kratkie vypiski, izvestiya i zamechaniya // Vestnik Evropy. 1823. – № 23–24. – S. 305–312.
13. Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа / И. Т. Кругликова. – М.: Наука, 1977. – 88 с.  
Kruglikova I. T. Sindskaya gavan'. Gorgippiya. Anapa / I. T. Kruglikova. – M.: Nauka, 1977. – 88 s.
14. Мариньи Т. де. Путешествие по Черкесии. Фредерик Дюбуа де Монпере // Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Том I. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – С. 17–78.  
Marin'i T. de. Puteshestvie po Cherkessii / T. de Marin'i, F. Dyubua de Monpere // Tebu de Marin'i. Puteshestvie po Cherkessii. Frederik Dyubua de Monpere. Puteshestvie vokrug Kavkaza. U cherkesov i abkhazov, v Kolkhide, Gruzii, Armenii i Krymu. Tom I. – Nal'chik: El'-Fa, 2002. – S. 17–78.

15. Непомнящий А. А. Биобиблиография А. Б. Ашика в контексте изучения Крыма в XIX веке / А. А. Непомнящий // Боспорские исследования. – Симферополь, 2002. – Вып. 2. – С. 333–345.
- Непомнящий А. А. Biobibliografiya A. B. Ashika v kontekste izucheniya Kryma v XIX veke / A. A. Nepomnyashchii // Bosporskie issledovaniya. – Simferopol', 2002. – Вып. 2. – С. 333–345.
16. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Биобиблиографическое исследование / А. А. Непомнящий. – Симферополь, 2000. – 360 с.
- Непомнящий А. А. Muzeinoe delo v Krymu i ego starateli (XIX – nachalo KhKh veka): Biobibliograficheskoe issledovanie / A. A. Nepomnyashchii. – Simferopol', 2000. – 360 s.
17. Непомнящий А. А. Начальный этап каталогизации крымских древностей: первые достижения и неудачи / А. А. Непомнящий // Пространство и Время. – 2015. – № 3. – С. 213–228.
- Непомнящий А. А. Nachal'nyi etap katalogizatsii krymskikh drevnostei: pervye dostizheniya i neudachi / A. A. Nepomnyashchii // Prostranstvo i Vremya. – 2015. – № 3. – С. 213–228.
18. Новицкий В. А. Анапа и закубанские поселения / В. А. Новицкий // Записки Кавказского отдела Императорского географического общества. – Тифлис, 1853. – Кн. 2. – С. 14–43.
- Novitskii V. A. Anapa i zakubanskije poseleniya / V. A. Novitskii // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva. – Tiflis, 1853. – Kn. 2. – S. 14–43.
19. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) / В. В. Орехов. – Симферополь: АнтикВА, 2006. – 608 с.
- Orehov V. V. Russkaya literatura i natsional'nyi imidzh (Imagologicheskii diskurs v russko-frantsuzskom literaturnom dialoge pervoi poloviny XIX v.) / V. V. Orekhov. – Simferopol': AntikvA, 2006. – 608 s.
20. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. – Т. XXXVII (1820–1821 гг.). – 983 с.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sbranie pervoe. Spb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kantselyarii, 1830. – T. XXXVII (1820–1821 gg.). – 983 s.
21. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа): монография / Под ред. проф. С. Л. Дударева. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. – 252 с.
- Problemy integratsii etnicheskikh soobshchestv v sostav Rossiiskogo gosudarstva i puti ikh resheniya (na primere Severnogo Kavkaza): monografiya / Pod red. prof. S. L. Dudareva. – Armavir: Dizain-studiya B, 2014. – 252 s.
22. Пчегатлук С. К. Попечительство Керченской и бугазской торговли / С. К. Пчегатлук // Теория и практика общественного развития. – Краснодар: ХОРС, 2013. – № 2. – С. 135–141.
- Pchegatluk S. K. Popечitel'stvo Kerchenskoi i bugazskoi trgovli / S. K. Pchegatluk // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – Krasnodar: KhORS, 2013. – № 2. – S. 135–141.
23. Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора: коллективная монография / Отв. ред. В. А. Горончаровский. – СПб.: Изд-во РХГА, 2017. – 152 с.
- Rossiiskie arkhelogi XIX – nachala XX v. i kurgannye drevnosti Evropeiskogo Bospora: kollektivnaya monografiya / Otв. red. V. A. Goroncharovskii. – Spb.: Izdatel'stvo RKhGA, 2017. – 152 s.
24. Рябиков А. Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века: монография / А. Н. Рябиков. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2009. – 159 с.
- Ryabikov A. N. Voenno-diplomaticheskii aspekt deyatel'nosti Rossii na Kavkaze v kontekste mezhduнародnykh otnoshenii v pervoi treti XIX veka: monografiya / A. N. Ryabikov. – Slavyansk-na-Kubani: Izdatel'skii tsentr SGPI, 2009. – 159 s.
25. Сентиментальные путешествия в Тавриду: П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол / Подгот. И. С. Абрамовская, А. А. Охременко; науч. редактор В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2016. – 507 с.
- Sentimental'nye puteshestviya v Tavridu: P. I. Sumarokov, I. M. Murav'ev-Apostol / Podgot. I. S. Abramovskaya, A. A. Okhremenko; nauch. redaktor V. A. Koshelev. – Velikii Novgorod – Simferopol' – N. Novgorod: ООО «Rastr», 2016. – 507 s.
26. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823 гг. Часть II (с 1796 по 1823 год) / А. А. Скальковский. – Одесса: Городская тип-я, 1838. – 349 с.

Skal'kovskii A. A. Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiiskogo kraia. 1730–1823 gg. Chast' II (s 1796 po 1823 god) / A. A. Skal'kovskii. – Odessa: Gorodskaya tip-ya, 1838. – 349 s.

27. Скасси Р. де. Заметка о торговых сношениях с Черкесией. Заметки о сношениях с Черкесией и устройстве порта в Керчи / Р. де Скасси // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 285–290.

Skassi R. de. Zametka o torgovykh snosheniyakh s Cherkesiei. Zametki o snosheniyakh s Cherkesiei i ustroistve porta v Kerchi / R. de Skassi // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. – Nal'chik: El'brus, 1974. – S. 285–290.

28. Скасси Р. де. Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 г. / Р. де Скасси // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 281–285.

Skassi R. de. Izvlechenie iz zapiski o delakh Cherkesii, predstavlennoi gospodinom Skassi v 1816 g. / R. de Skassi // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. – Nal'chik: El'brus, 1974. – S. 281–285.

29. Скасси Р. А. Записка об открытии Керченского порта / Р. А. Скасси; ком. и биогр. очерк В. Ф. Санжаровец, пер. С. Н. Наумкин // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника: сб. науч. тр. Вып. 5. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. – С. 414–449.

Skassi R. A. Zapiska ob otkrytii Kerchenskogo porta / R. A. Skassi; kom. i biogr. ocherk V. F. Sanzharovets, per. S. N. Naumkin // Nauchnyi sbornik Vostochno-Krymskogo muzeya-zapovednika: sb. nauch. tr. Vyp. 5. – Simferopol': Biznes-Inform, 2016. – S. 414–449.

30. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках / Н. А. Смирнов. – М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1958. – 544 с.

Smirnov N. A. Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vekakh / N. A. Smirnov. – M.: Izd-vo sots.-ekonom. lit-ry, 1958. – 544 s.

31. Стемповский И. А. Письмо редактору / И. А. Стемповский // Вестник Европы. – 1824. – № 3. – С. 230–235.

Stempkovskii I. A. Pis'mo redaktoru / I. A. Stempkovskii // Vestnik Evropy. – 1824. – № 3. – S. 230–235.

32. Страбон. География. В 17 книгах / Страбон. – Л.: Наука, 1964. – 940 с.

Strabon. Geografiya. V 17 knigakh / Strabon. – L.: Nauka, 1964. – 940 s.

33. Толстиков В. П., Муратова М. Б. О некоторых особенностях культа Кибелы в Пантикапее в первые века н. э. в свете новейших археологических исследований / В. П. Толстиков, М. Б. Муратова // Таврические студии. – Симферополь: ООО «Антиква», 2017. – № 12. – С. 144–149.

Tolstikov V. P., Muratova M. B. O nekotorykh osobennostyakh kul'ta Kibely v Pantikapee v pervye veka n. e. v svete noveishikh arkheologicheskikh issledovaniy / V. P. Tolstikov, M. B. Muratova // Tavricheskie studii. – Simferopol': ООО «Antikva», 2017. – № 12. – S. 144–149.

34. Тункина И. В. Первые годы деятельности Керченского музея / И. В. Тункина // Археология и история Боспора: сборник научных статей. – Керчь, 1999. – Т. 3. – С. 39–60.

Tunkina I. V. Pervye gody deyatel'nosti Kerchenskogo muzeya / I. V. Tunkina // Arkheologiya i istoriya Bospora: sbornik nauchnykh statei. – Kerch', 1999. – T. 3. – S. 39–60.

35. Тункина И. В. Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина // Проблемы античной истории. Сб. науч. статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. – С. 359–375.

Tunkina I. V. Pervye issledovatel'skie programmy v klassicheskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (XVIII – seredina XIX v.) / I. V. Tunkina // Problemy antichnoi istorii. Sb. nauch. statei k 70-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E. D. Frolova. – SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 2003. – S. 359–375.

36. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб.: Наука, 2002. – 676 с.

Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) / I. V. Tunkina. – SPb.: Nauka, 2002. – 676 s.

37. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. / А. В. Фадеев. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 398 с.

Fadeev A. V. Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX v. / A. V. Fadeev. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 398 s.



38. Федосеева Л. Д. Английская агентура на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. / Л. Д. Федосеева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – № 1. – С. 58–63.
- Fedoseeva L. D. Angliiskaya agentura na Severo-Zapadnom Kavkaze v pervoi polovine XIX v. / L. D. Fedoseeva // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – Maikop: Izd-vo AGU, 2010. – № 1. – S. 58–63.
39. Федосеева Л. Д. Иностранное вмешательство в Кавказскую войну / Л. Д. Федосеева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2005. – № 4 (19). – С. 15–18.
- Fedoseeva L. D. Inostrannoe vmeshatel'stvo v Kavkazskuyu voynu / L. D. Fedoseeva // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – Maikop: Izd-vo AGU, 2005. – № 4 (19). – S. 15–18.
40. Федосеева Л. Д. Интересы России и Турции на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века / Л. Д. Федосеева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. – № 1. – С. 61–68.
- Fedoseeva L. D. Interesy Rossii i Turtsii na Severo-Zapadnom Kavkaze v pervoi polovine XIX veka / L. D. Fedoseeva // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – Maikop: Izd-vo AGU, 2007. – № 1. – S. 61–68.
41. Филипсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847 / Г. И. Филипсон // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. – С. 76–197.
- Filipson G. I. Vospominaniya. 1837–1847 / G. I. Filipson // Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voyny XIX veka. – SPb.: Izd-vo zhurnala «Zvezda», 2000. – S. 76–197.
42. Хотко С. Х. Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. / С. Х. Хотко – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 292 с.
- Khotko S. Kh. Otkrytie Cherkessii. Kartograficheskie istochniki XIV – XIX vv. / S. Kh. Khatko – Maikop: ОАО «Poligraf-YuG», 2015. – 292 s.
43. Шавишвили А. Э. Правовое положение Северного Кавказа в контексте международных договоров второй половины XVIII – первой трети XIX в. / А. Э. Шавишвили // Ленинградский юридический журнал. 2009. – № 1 (15). – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. – С. 213–220.
- Shavishvili A. E. Pravovoe polozhenie Severnogo Kavkaza v kontekste mezhdunarodnykh dogovorov vtoroi poloviny XVIII – pervoi tret'i XIX v. / A. E. Shavishvili // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2009. – № 1 (15). – SPb.: LGU im. A. S. Pushkina. – S. 213–220.
44. Шкунов В. Н. Абхазия в системе внешней торговли Российской Империи в XIX веке / В. Н. Шкунов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара: СНЦ РАН, 2010. – Т. 12. – № 2. – С. 36–44.
- Shkunov V. N. Abkhaziya v sisteme vneshnei trgovli Rossiiskoi Imperii v XIX veke / V. N. Shkunov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – Samara: SNTs RAN, 2010. – T. 12. – № 2. – S. 36–44.
45. Экзиков М., Емельянова Н. По обе стороны Большого Кавказа: Сборник документов. Т. 1. Абазины и «черкесский» вопрос / М. Экзиков, Н. Емельянова. – СПб.: Питер, 2012. – 608 с.
- Ekzekov M., Emel'yanova N. Po obe storony Bol'shogo Kavkaza: Sbornik dokumentov. T. 1. Abaziny i «cherkesskii» vopros / M. Ekzekov, N. Emel'yanova. – SPb.: Piter, 2012. – 608 s.
46. Blaramberg I. P. de. Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia, faisant partie du cabinet du conseiller d'état de Blaramberg à Odessa. – Paris, 1822. – 96 p.
- Blaramberg I. P. de. Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus près du site de l'ancienne Panticapée. – Paris, 1822. – 31 p.
47. F. Mémoire sur l'ouverture du port de Kertch, en Crimée, sur la mer Noire. Paris, 1822 // Revue Encyclopédique. – 1822. – T. XV. – Juillet. – III. – P. 154–155.
48. Raoul-Rochette B. Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien. – Paris, 1822. – 235 p.

50. R... de S... Mémoire sur l'ouverture du port de Kertch, situé en Crimée sur la mer Noire. – Paris, 1822. – 16 p.

51. R... de S... Mémoire sur l'ouverture du port de Kertch, situé en Crimée sur la mer Noire // Annales de l'industrie nationale et étrangère, ou Mercure technologique. T. 6. – Paris, 1822. – P. 67–77.

**Orekhov V. V. «Note...» about Kerch, published in Paris by Raffael de Scassi**

The article aims to introduce into scientific circulation, «Note on the opening of the Kerch port in Crimea on the Black sea», published by Raffael de Scassi in 1822, in the Paris edition of the «Annales de l'industrie nationale et étrangère». This publication Raffael de Scassi repeats some fragments of his administrative notes, which are well known to historians. But "Note..." published in Paris, not copies completely neither style, nor the content, nor the composition of administrative records, compiled by Raffael de Scassi. This raises a number of questions about the reasons for the timing and location of the publication and its content. It forces us to consider Paris the "Note..." by Raffael de Scassi in a historical context and in the context of the biography of Raffael de Scassi. In the Annex to the article posted translations on Russian language of "Notes...", which Raffael de Scassi published in Paris.

**Keywords:** Raffael de Scassi, Kerch port, I. A. Stempkovsky, Kerch antiquities, archaeology, the Crimea.

УДК 001:930 (470 КРЫМ) МИГИРИН

**ПРОФЕССОР В. Н. МИГИРИН В ИСТОРИИ  
КРЫМСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (1939–1971)**

*Орехова Л. А.*

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,  
г. Симферополь, Российская Федерация  
la.orehova@gmail.com*

Впервые представлены материалы Государственного архива Республики Крым (частью – рукописные), отражающие и уточняющие не только ряд подробностей научно-педагогической деятельности, биографии яркого ученого-лингвиста, профессора В. Н. Мигирова, но и сохраняющие некоторые важные статистические данные о предвоенном и послевоенной работе Крымского пединститута и о крымском просвещении в целом, а также несущие новые сведения о кадровых проблемах в пединституте в первое послевоенное десятилетие, о педагогическом составе кафедры русского языка.

**Ключевые слова:** Крымский пединститут, высшее образование, кафедра русского языка, В. Н. Мигиров, А. И. Германович.

Все более становится понятным, что для восстановления истории нашего университета уже недостаточно «перечислительных» фактов; возрастает интерес к научным личностям, чья судьба так или иначе отражает историю страны и высшего образования в стране [13; 14]. Создание трудов по истории университета требует современной проверки имеющихся сведений и внесения корректив.

**Цель статьи** – представить материалы Государственного архива Республики Крым, которые дают нам редкую возможность реконструировать документальную историю научной и преподавательской деятельности талантливого лингвиста 1940–1970-х годов Виктора Николаевича Мигирова (1920–1981), ставшего научным руководителем ряда преподавателей, впоследствии учивших поколения студентов филологического факультета. Кроме того, детализируется картина послевоенной истории Крымского пединститута. За «сухими» архивными сведениями стоят этапы жизни человека, его достижения, надежды, разочарования, стремления. Архивные документы (в значительном количестве рукописные и, стало быть, имеющиеся в единственном экземпляре), кроме того, сохраняют «стилистику» своего времени, упоминания фамилий людей, много сделавших для нашего вуза; «частные» на первый взгляд документы постепенно составляют «базу данных», на основании которых пишется история университета.

13 апреля 1944 г. закончилась 865-дневная оккупация Симферополя. 9 мая 1944 г. был освобожден Севастополь. Хотя боевые операции по освобождению Крыма еще продолжались, 10 мая 1944 г. в газете «Красный Крым» (№ 40) была опубликована присланная из Махачкалы (куда в сентябре 1941 г. эвакуировался Крымский педагогический институт) заметка доцента-лингвиста А. И. Германовича «Привет родному городу!». Этот номер газеты – безусловный исторический раритет, потому приведем заметку полностью: «Дни подъема и огромной радости переживают

сейчас преподаватели и студенты Крымского педагогического института им. Фрунзе, работающие в Махач-Кала (так в тексте. – Л. О.). В общечитии преподавателей и студентов пединститута по прослушании сообщений Советского информбюро об освобождении городов Крыма стихийно возникают своеобразные митинги. Все хотели выразить волнующие их чувства: восхищение силой Красной Армии и мудростью командования, искреннюю радость по поводу освобождения родного Крыма, горячее негодование против проклятых палачей, терзавших наших братьев и сестер. Все страстно стремятся вернуться в родной город, чтобы отдаться работе для восстановления в кратчайший срок своего родного вуза.

Увидеть живыми и здоровыми своих товарищей по работе, своих руководителей, свои родные города и улицы – мечта каждого.

Все в Крыму нам теперь еще ближе, роднее, дороже, как дитя, перенесшее смертельную болезнь, вдвое дороже для родной матери.

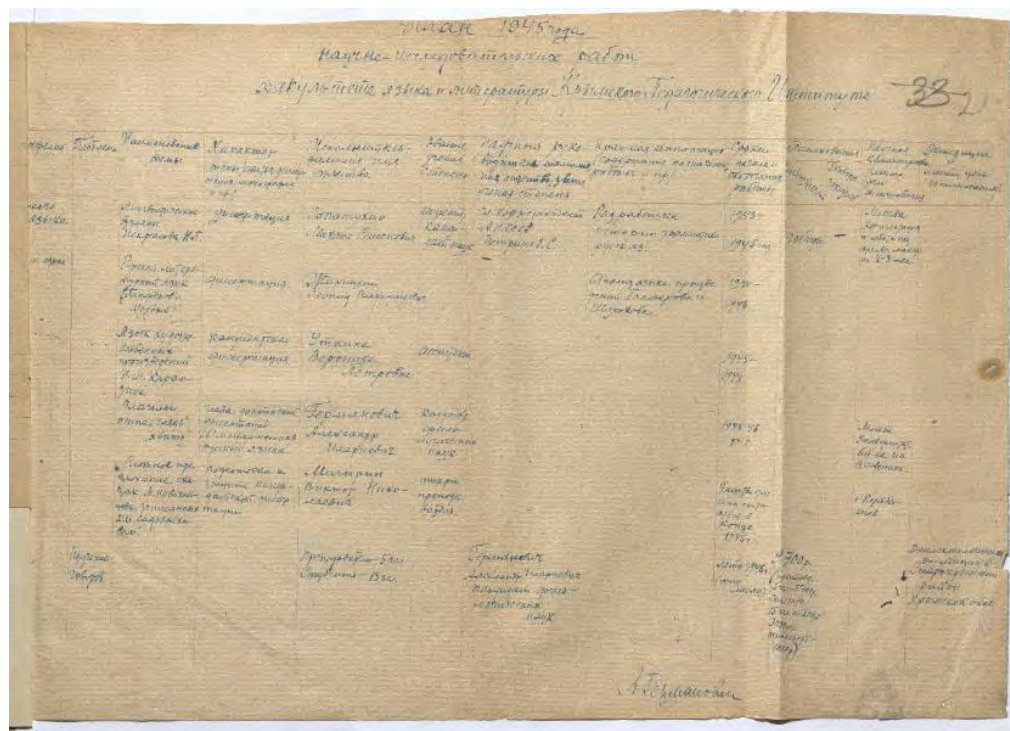
До скорого свидания, родной наш город! Мы все силы напряжем, чтобы заплатить своему народу за твое освобождение!

*А. Германович, доцент Крымского пединститута» [12, с. 1].*

Доцент А. И. Германович до войны был заведующим кафедрой русского языка Крымского пединститута, а в эвакуации в Махачкале, когда Крымский пединститут был слит с Дагестанским, возглавил кафедру русского языка и там. В августе 1944 г. Наркомпрос принял решение о возвращении педагогического института в Крым. А. И. Германович был награжден медалью «За оборону Кавказа». 21 августа эшелон с преподавателями, студентами и имуществом Крымского пединститута выехал из Махачкалы [11, с. 101]. Несмотря на большие трудности, вузу удалось организовать в Симферополе начало нового, 1944–1945 учебного года. В отчете учебной части института за 1944–1945 учебный год (машинопись) список заведующих кафедрами, профессоров и кандидатов наук пединститута состоял лишь из 25 фамилий; не все исполняющие обязанности заведующих кафедрами и доцентов имели ученую степень, но в условиях острой нехватки преподавателей все же утверждались в должности Всесоюзным комитетом ВШ (например, и. о. зав. кафедрой экономической географии Ив. Г. Гутырь; доцент кафедры русской литературы Л. В. Жирицкий и др.). Из этого же списка следует, что в 1944–45 учебном году в пединституте работало 8 докторов и 10 кандидатов наук [3, лл. 27–28].

По отчету пединститута на 11 декабря 1945 г., всего в пединституте было 6 факультетов и 16 кафедр. На кафедре русского языка во главе с исполняющим обязанности заведующего доцентом А. И. Германовичем (утвержден ВК ВШ 25.04.1945) работало 8 преподавателей; на кафедре литературы – 6, заведующий кафедрой – профессор Е. В. Петухов [6, л. 6 об.]. Кафедры обеспечивали обучение на литературном факультете и в учительском институте. Студенческий набор 1946 года был значительно увеличен в сравнении с 1944 и 1945 годами. Причем на литературный факультет, несмотря на военное и послевоенное время, поступило несколько юношей. Так, по данным на 1946–1947 уч. год, на 1 курсе литературного факультета обучались 51 студентка и 4 студента; на втором – 29 студенток и 3 студента, на 3-м – 27 студенток и 5 студентов. 4-го курса по понятным причинам пока не было. В учительском институте с двухгодичным обучением на первом курсе

историко-литературного отделения числилось 10 студенток и 2 студента, на 2-ом – 16 студенток и 2 студента [6, л. 26].



*Фото. 1. План научно-исследовательской работы кафедры русского языка на 1945 год. ГАРК. Ф. Р-21, оп. 3, д. 18, л. 2*

По сути дела, приходилось восстанавливать достигнутые в довоенные годы высокие показатели образовательной системы Крыма. Сегодня есть смысл привести некоторые статистические данные (тоже взятые из архивных документов), которые помогают нам представить грандиозную работу, совершенную в сфере образования в довоенные советские годы. Обратим внимание: если в 1927 г. в вузах Крыма обучалось 507 студентов и в 12 средних специальных учебных заведениях – 1857 учащихся, то, по данным на ноябрь 1939 г., количество студентов в 5-ти вузах достигло 3334 человек, а количество учащихся – теперь уже в 37-ми училищах и техникумах – составило 7857 человек [2, л. 157]. Это при том, что, по статистическим сведениям 1931 года, население в Крыму составляло 358871 человек [10, л. 3]. То есть, по самым грубым подсчетам, в довоенном Крыму студентом высших и специальных средних учебных заведений являлся каждый 40-й житель. Количество учеников средних школ мы сейчас в расчет не берем.

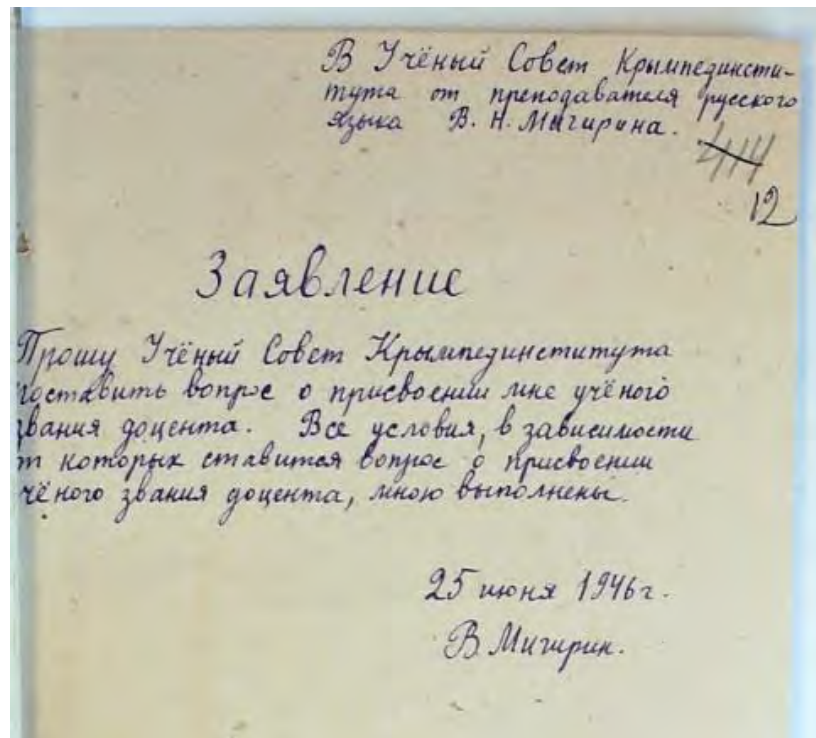


Фото. 2. Документ из личного дела В. Н. Мигирина.  
ГАРК. Ф. Р-21, оп. 6, д. 95. л. 12

В этой общей статистике выделим показатели Крымского пединститута на 1939–1940 уч. год (год поступления абитуриента В. Н. Мигирина на первый курс пединститута) и тогда заметим, что факультет русского языка и литературы имел самый высокий набор студентов, поскольку в 1940 г. здесь на всех курсах обучалось 238 человек. Для сравнения: на географическом факультете училось 145 чел., на факультете естествознания – 122, на историческом – 151, физическом – 174, математическом – 56, на факультете татарского языка и литературы, открытом в 1938 году, – 74 студента [2, л. 1]. Поясним, кстати, что учителя татарского языка и литературы для школ готовились также и Ялтинским педагогическим училищем (ул. Кирова, 25), на котором в 1939 г. на всех курсах обучалось 397 студентов, из них женщин – 227, членов ВЛКСМ – 138 [2, л. 11].

В 1940 г. на I курс факультета русского языка и литературы поступило 62 студента, на II курсе обучалось 70 человек, на III – 73, на IV курсе готовилось к выпуску 33 будущих учителя [2, л. 1]. При этом высоким был процент отчисления студентов по неуспеваемости; строгий подход к назначению стипендий. Так, в 1940 г. из 714 студентов Пединститута стипендии получали 126 человек. Более 50 % студентов – 362 человека – проживало в общежитиях Пединститута [2, л. 177]. Хорошо была поставлена работа с обучением в аспирантуре. В 1940 г. в очной (трехгодичной) аспирантуре кафедры русского языка было 5 аспирантов второго и

третьего годов обучения (научный руководитель – зав. кафедрой А. И. Германович), на кафедре русской литературы – 7. Для сравнения: на кафедрах зоологии, математики, физической географии – по 2 аспиранта; на кафедре истории – 3, на кафедре татарского языка и литературы – 1 аспирант второго года обучения. Кроме того, кафедры русской литературы и истории имели по одному аспиранту-заочнику [2, л. 188 об.].

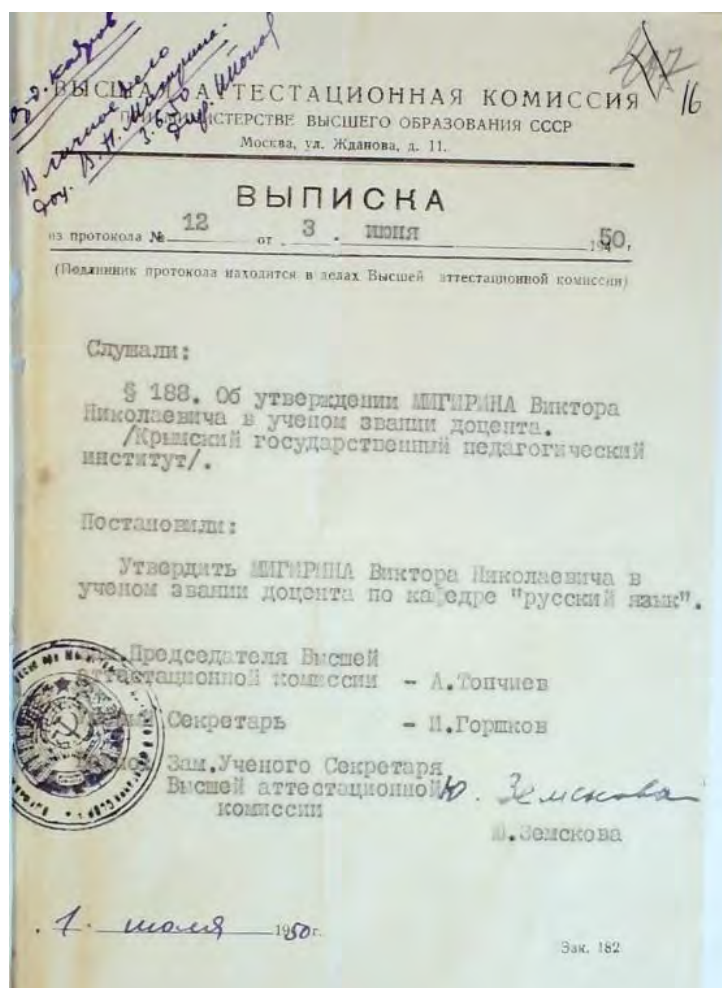


Фото 3. Документ из личного дела В. Н. Мигирина.  
ГАРК. Ф. Р-21, оп. 6, д. 95. л. 16

В 1944–1945 гг. разрушенную войной систему народного образования в Крыму приходилось восстанавливать практически с нуля. Научная и преподавательская деятельность В. Н. Мигирова началась в эти, особенно трудные годы. Сохранилась телеграмма с грифом «Правительственная» в Куйбышевский пединститут (копия – в



Крымнаркомпрос), датированная 31 июля 1945 года и подписанная замнаркомпросом Котляровым, в которой, в частности, содержался приказ «направить аспиранта Куйбышевского пединститута Мигирова в распоряжение Крымнаркомпроса» [9, л. 6]. Приказом № 253 директора института доцента Я. А. Чубукова В. Н. Мигирин зачислен старшим преподавателем по кафедре русского языка с 1 сентября 1945 г. [9, л. 9]. Он стал девятым по счету преподавателем кафедры, причем самым молодым.

У нас есть уникальная возможность познакомиться с составом кафедры в 1945–1946 гг. Вот список членов кафедры в директорском отчете [3, л. 46 об.; 4, л. 4; 7, л. 9], дополненный нашими комментариями:

1. Германович Александр Иларинович, зав. кафедрой, канд. филол. н., доцент; род. в 1896 г., белорус, беспартийный; стаж педагогической работы – 11 лет, в Крымском пединституте – 7 лет (с 1938 г.). Закончил филологический факультет Нежинского пединститута в 1921 г. и аспирантуру при Ленинградском университете (Институт языковедения) в 1934 г.

2. Лапатухин Михаил Семенович, доцент, канд. педагог. наук; род. в 1905 г., еврей, член ВКП(б); стаж педагогической работы – 12 лет, в Крымском пединституте – 1 год (с 1945 г.). Закончил филологический факультет Среднеазиатского университета; прибыл из педагогического института г. Алма-Ата. Добавим: впоследствии, с 1947 г., М. С. Лапатухин преподавал в Калининском педагогическом институте им. М. С. Калинина, стал доктором педагогических наук, профессором. Умер в 1999 г.

3. Мигирин Виктор Николаевич, ст. преподаватель; род. в 1920 г., украинец, беспартийный; стаж педагогической работы – 1 год, в Крымском пединституте – 1 год (с 1945 г.). Закончил Куйбышевский пединститут и аспирантуру там же.

4. Назарова Антонина Михайловна, ст. преподаватель; род. в 1898 г., русская, беспартийная; стаж педагогической работы – 11 лет, в Крымском пединституте – 2 года (с 1944 г.). В 1930 г. закончила Крымский педагогический институт и аспирантуру там же – в 1938 г. К 1949 году – кандидат филологических наук.

5. Кефели Елена Ильинична, преподаватель; род. в 1901 г., русская, беспартийная; стаж педагогической работы – 2 года, в Крымском пединституте – 2 года (с 1944 г.). Закончила Крымский педагогический институт. Е. И. Кефели имела большой опыт работы в средней школе, являлась соавтором учебника: Е. И. Кефели, А. М. Кара. Учебник русского языка для татарской начальной школы: 3-й год обучения рус. яз. (Симферополь, 1933).

6. Уткина Вероника Петровна, ассистент; род. в 1911 г., русская, беспартийная; стаж педагогической работы – 2 года, в Крымском пединституте – 2 года (с 1944 г.). Закончила Крымский пединститут в 1932 г.; аспирантка 2-го года обучения. Позднее, в 1949 г., В. П. Уткина защитила в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена кандидатскую диссертацию «Лексика ранних повестей Н. М. Карамзина».



21

## Автобиография

Виктор Николаевич Мигирин, родился 1920г. в селе Ярошовка Тернопольской асст. В 1938г. поступил в школу в г. асст. куда переехали мои родители Украина. Среднюю школу окончил в 1938г. 1. фредосин. В 1939г. году поступил в Крымский институт на отделение русского языка литературы. В 1941г. эвакуировался в Куйбышев, где в 1942г. окончил Куйбышевский педагогический институт. С 1942г. по 5г. находился в аспирантуре на русском языке. В 1945г. по настоянию друзей попал в качестве преподавателя кафедры русского языка (сначала в должности старшего преподавателя, а затем доцента).

В. Мигирин.  
11 июня 1951г.

Фото 4. Документ из личного дела В. Н. Мигирин.  
ГАРК. Ф. Р-21, оп. 6, д. 95. л. 21

7. Баккал Анна Исааковна, ст. преподаватель; род. в 1894 г., караимка, член ВКП (б); стаж педагогической работы – 6 лет, в Крымском пединституте – 2 года (прибыла из средней Азии в 1944 г.). Закончила Крымский пединститут; аспирантка кафедры русского языка. В 1940 г. А. И. Баккал в соавторстве с Е. И. Кефели и С. Л. Лазаревой издала «Учебник русского языка. Для неполной сред. и сред. школы» (Ч. 2. Синтаксис).

8. Василевская Ксения Дмитриевна, преподаватель; род. в 1900 г., русская, беспартийная; закончила Высшие женские историко-филологические курсы в Петербурге; специальность – литература; стажа педагогической работы не имела, в

Крымском пединституте с 1945 г.; по совместительству работала на кафедре русской литературы.

9. Ефетов Семен Борисович, преподаватель латинского языка; род. в 1872 г., караим, беспартийный; закончил Петербургский университет; стаж педагогической работы – 20 лет, из них все 20 – в Крымском пединституте

Учебная нагрузка преподавателей составляла для профессоров и доцентов 660 часов, для преподавателей – 720 [3, л. 4]. Но в реальности она была большей; работать было очень трудно, так как научная библиотека пединститута частично была разграблена и уничтожена, учебников и пособий было чрезвычайно мало, для знакомства с научной литературой необходимо было ехать в Москву, необходимы были командировки. Вуз крайне нуждался в квалифицированных и «остепененных» преподавателях, потому в научный план кафедры на 1945–1946 учебный год включалась подготовка к защите докторских и кандидатских диссертаций. Так, в «Плане 1845 года научно-исследовательских работ факультета языка и литературы КГПИ» (рукопись) А. И. Германович сообщал о продолжении работы над докторской диссертацией «О междометиях русского языка» и, в частности, планировал дописать главу «Глаголы типа “глядь” и “хватать”». Доцент М. С. Лапатухин под руководством чл.-корреспондента АН СССР Е. С. Истриной писал докторскую диссертацию «Лингвистические взгляды Н. А. Некрасова». Ассистент В. П. Уткина начала работу над кандидатской диссертацией «Язык художественных произведений Н. М. Карамзина». В. Н. Мигирин готовился в конце 1945 г. защищать кандидатскую диссертацию «Сложное предложение сказок А. Новопольцева, записанных Д. И. Садовниковым». Предполагались научные командировки для подготовки диссертаций: А. И. Германовичу – в библиотеку им. В. И. Ленина; М. С. Лапатухину – в Москву на 2–3 месяца для консультаций с научным руководителем и работы над архивными материалами; В. Н. Мигирину – в Куйбышевский пединститут [5, л. 2].

Одним из аспектов научно-исследовательской работы кафедры являлось изучение говоров в Крыму, чему способствовала организация «диалектологических экспедиций»: предусматривался выезд студентов с сопровождающими преподавателями в сельскую местность на достаточно длительный срок в летнее время. Так, в 1945–1946 уч. году планировалась диалектологическая экспедиция в Старокрымский район Крымской области сроком на 1 месяц, для чего планировалось ассигновать 9700 руб.: студентам (15 человек) – 3000 руб., пяти сопровождающим преподавателям – 5700 руб., на транспорт – 1000 руб. Отвечал за диалектологическую экспедицию заведующий кафедрой А. И. Германович [5, л. 2].

Вообще следует сказать, что краеведческая тематика предусматривалась в планах работы всех кафедр Пединститута, причем называлось это не так, как сегодня, – «региональный аспект», а «краеведением». В «Докладной записке о краеведческой работе со студентами за 1946–1949 годы» кафедра русского языка в 1949 г. отчитывалась следующим образом: «В предшествующие годы кафедра приступила к описанию говоров коренного населения Крыма (“коренным”, судя по всему, называли оставшееся в Крыму довоенное население. – Л. О.). Описано десять селений разных районов Крыма (селения: Грушовка, Почтовое, Партизаны и др.).

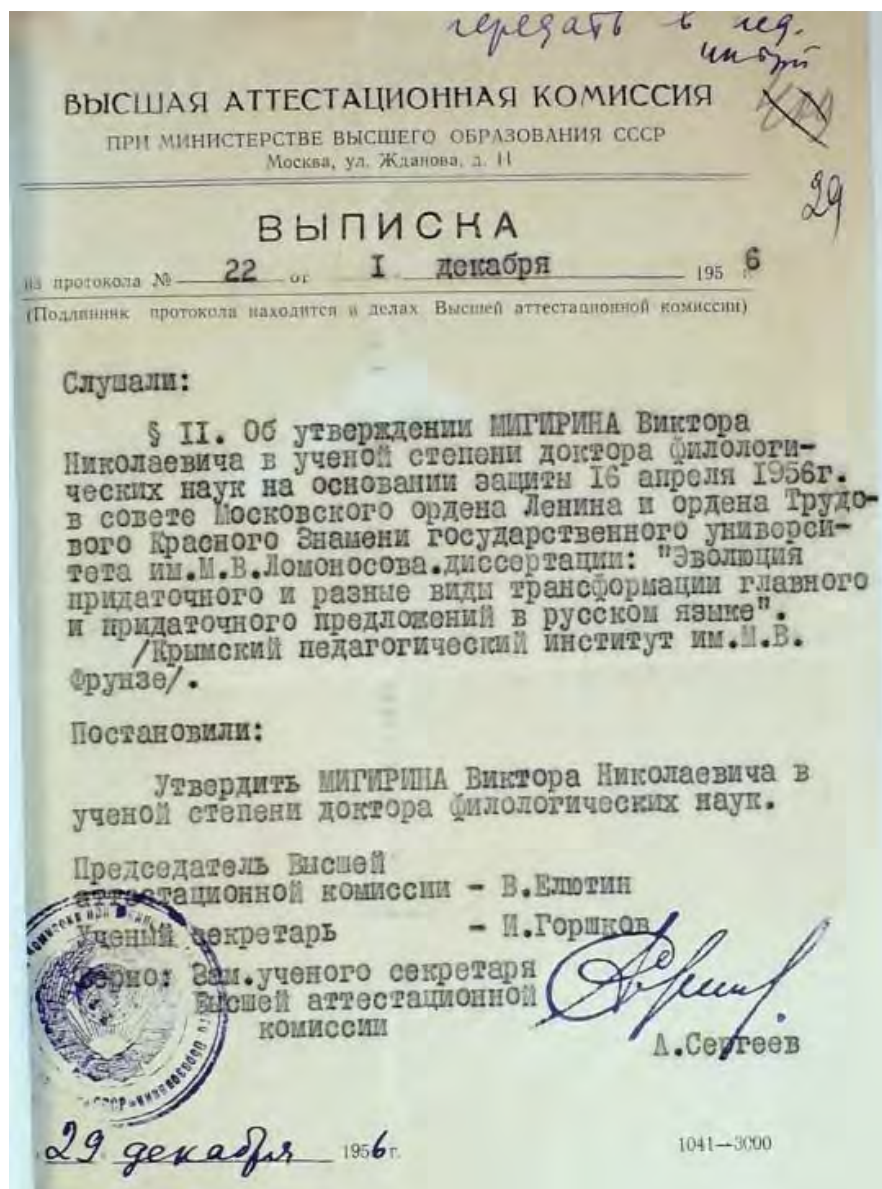


Фото 5. Документ из личного дела В. Н. Мигирина.  
ГАРК. Ф. Р-21, оп. 6, д. 95. л. 29

В текущем году описано еще около десяти селений с коренным населением в районах Евпаторийском, Бахчисарайском, Симферопольском.

Руководит работой преподаватель диалектологии кандидат филологических наук А. М. Назарова. В помощь ей выделен кандидат филологических наук В. Н. Мигирин» [7, л. 9].

В контексте сказанного рельефнее воспринимаются факты из сохранившегося в Крымском архиве личного дела В. Н. Мигирова [9], благодаря чему сегодня не только восстанавливается документальная история его педагогической и научной деятельности в Крымском пединституте, но и становятся понятными некоторые «перипетии» его судьбы, отразившиеся в документах. Личное дело начато 1 сентября 1945 г.; окончено 27 сентября 1971 г.; состоит из 67-ми брошюрованных листов; надпись на папке «Хранить постоянно». Мы располагаем несколькими характеристиками В. Н. Мигирова, личными листками по учету кадров и некоторыми иными документами Крымского пединститута, составленными в разные годы и важными для понимания обстоятельств жизни и академического роста талантливого лингвиста.

Так, в характеристике, подписанной 28 июня 1946 г. директором Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе Я. А. Чубуковым и партгором института В. М. Лазукиным и, судя по всему, подготовленной для получения В. Н. Мигириным должности доцента (поскольку весной 1946 г. он защитил кандидатскую диссертацию), читаем: «О высокой работоспособности (В. Н. Мигирова. – Л. О.) и серьезности отношения к делу свидетельствует полностью написанный им курс лекций и составляемая с большим вкусом и старанием картотека по современному русскому языку, имеющая практическое и научное значение» [9, л. 11]. Кандидатская диссертация В. Н. Мигирова была защищена 15 марта 1946 г. в Куйбышевском государственном пединституте; утверждена 19 августа 1947 г. [9, л. 7].

В 1948–1949 учебном году состав кафедры русского языка существенно изменился. Штатный формуляр профессорско-преподавательского состава дает такой список преподавателей кафедры во главе с заведующим доцентом А. И. Германовичем: старшие преподаватели А. И. Баккал, В. Н. Мигирин (канд. филол. наук), А. М. Назарова и ассистенты В. П. Уткина и Б. Н. Перзек [8, л. 2].

В ученом звании доцента В. Н. Мигирин был утвержден 3 июня 1950 г. [9, л. 16]; видимо, в подготовке документации для ВАК была составлена характеристика, датированная 5 апреля 1950 г. и подписанная заместителем директора пединститута доцентом И. А. Лебедевым и секретарем парторганизации В. М. Воробкало. Отмечается, среди прочего, что «тов. Мигирин на высоком научном уровне читает курс «Современный русский язык» и спецкурс «История русской грамматики»; «систематически занимается научной работой и внимательно следит за развитием советского языкознания»; в плане самообразовательной работы «изучает труды акад. Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова». Сказано также, что В. Н. Мигирин принимает участие в общественной жизни института: «редактирует стенгазету «Советский педагог» и является профгором кафедры русского языка»; «во время предвыборной кампании тов. Мигирин вел агитационную работу среди населения»; «наряду с другими преподавателями, принимал участие в черкасовских бригадах и выезжал для работы в колхоз»; «выполнял отдельные поручения общественных организаций (горкома ВКП(б), профкома Крымского пединститута)». Особо оговорено, что «в последние годы тов. В. Н. Мигирин выступал с докладами, пропагандирующими Новое учение о языке, перед преподавателями-словесниками Крыма» [9, л. 20].



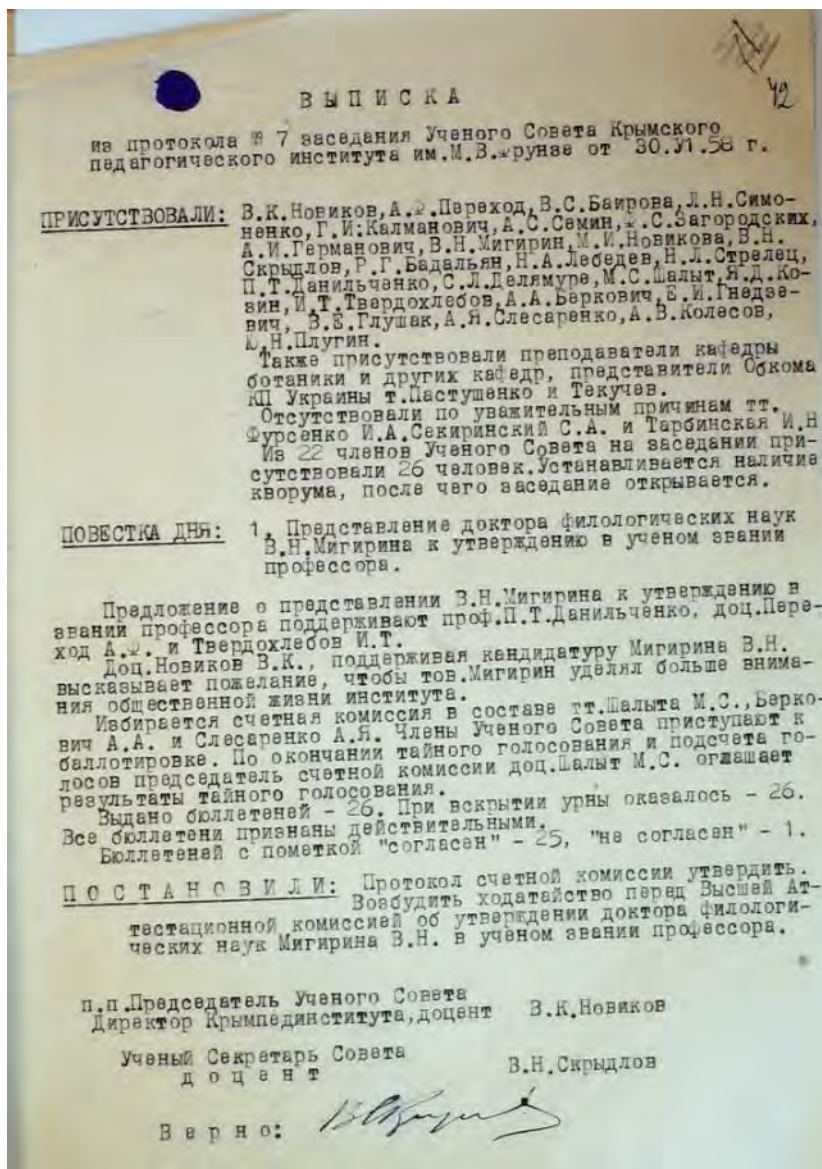


Фото 6. Документ из личного дела В. Н. Мигирина.  
ГАРК. Ф. Р-21, оп. 6, д. 95. л. 42

Упомянутые в характеристике «труды акад. Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова» доносят до нас «эхо эпохи» — популярность в языкознании и философии 1930–1950 гг. яфетической теории академика Н. Я. Марра о происхождении языков; она была фактически развенчана летом 1950 г. в статье И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Заметим, однако, что характеристика В. Н. Мигирина подписана 5 апреля 1950 г., т. е. до этих событий. Необходимо комментировать еще

одно явление послевоенного времени – «Черкасовские бригады». Это было общественное движение по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства; названо в 1943 г. по имени инициатора движения А. М. Черкасовой, которая со своей бригадой в свободное от работы время выходила на восстановление Сталинграда. Традиции этого движения, как видим, были продолжены, и «черкасовские бригады» студентов были востребованы в сельском хозяйстве Крыма.

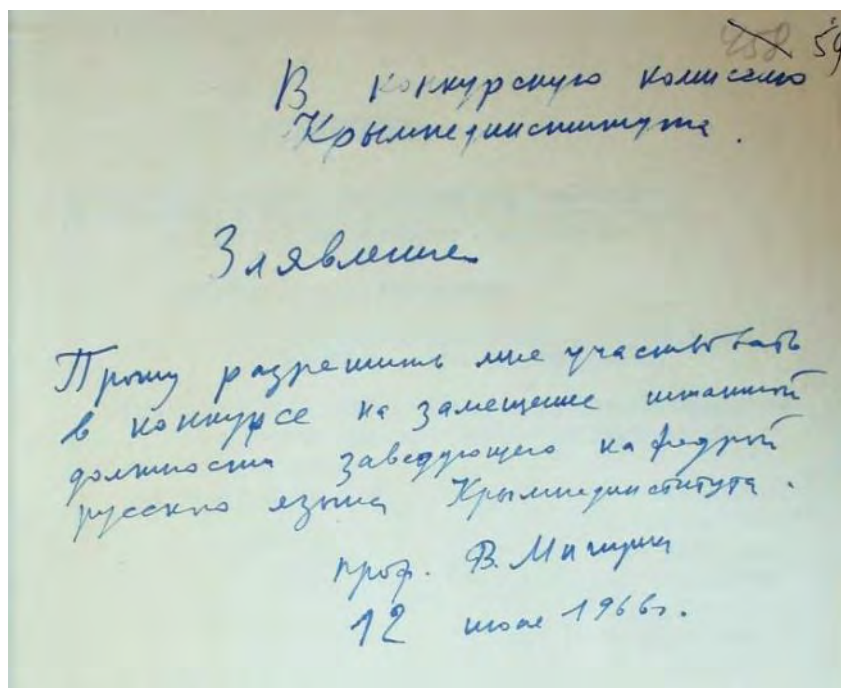


Фото 7. Документ из личного дела В. Н. Мигирина.  
ГАРК. Ф. Р-21, оп. 6, д. 95. л. 59

Сохранилась в архиве автобиография В. Н. Мигирина, написанная и подписанная им 4 ноября 1958 г. Краткая и емкая, автобиография позволяет привести ее полностью: «Я, Виктор Николаевич Мигирин, родился в семье рабочего в 1920 г. В 1928 г. поступил в школу в г. Севастополе, куда переехали мои родители с Украины. Среднюю школу окончил в 1938 г. в г. Феодосии. В 1939 г. поступил в Крымпединститут, на отделение русского языка и литературы. В том же году призывался в армию, но был освобожден от воинской обязанности по состоянию здоровья. В 1941 г. эвакуировался в г. Куйбышев, где в 1942 г. окончил Куйбышевский педагогический институт. С 1942 по 1945 г. находился в аспирантуре по русскому языку при Куйбышевском пединституте. В 1945 г. поступил на работу в Крымский пединститут в качестве старшего преподавателя. С 1950 г. работаю доцентом в том же институте, а с 1958 г. – и. о. профессора» [9, л. 47]. Важным дополнением к биографии В. Н. Мигирина является его личный листок по учету

кадров, оформленный 22 ноября 1966 г. Этот документ принадлежит к значительно более «поздним» в сравнении с теми, которые мы представим далее. Но именно эти анкетные сведения и даты следует признать точными и, отталкиваясь от них, будет легче провести дальнейшие документальные ретроспекции о научной и преподавательской деятельности В. Н. Мигирова 1950-х годов. Итак, в личном листке В. Н. Мигирова записано: родился 17 января 1920 г. в селе Ярошевка Глинского района Сумской области УССР; по национальности украинец, по социальному происхождению – из рабочих. С марта 1956 г. – член КПСС, партбилет № 07038146; партвыскааний не имел. Военнообязанный, рядовой. Имеет орден Трудового Красного Знамени. В 1939–1941 гг. учился (до 3 курса) на литфаке Крымпединститута; с началом Великой Отечественной войны в 1941 г. учился в Куйбышевском пединституте, закончив его в 1942 г. с квалификацией «учитель русского языка и литературы». В 1942–1945 гг. прошел аспирантуру при Куйбышевском пединституте, закончив ее по специальности «История русского языка» [9, л. 8]. Владел немецким, польским, украинским языками; с французского и немецкого языков переводил со словарем. По состоянию на 1966 год семейное положение таково: жена, Галина Давыдовна Мигирова, и 2 сына – Владимир 19-ти лет и Евгений 14-ти лет. Семья проживала в Симферополе на ул. Ленина в доме 11, кв. 3 [9, лл.1, 3–3 об.].



*Фото 8. Преподаватели кафедры русского языка на маевке.*

На момент заполнения личного листка 1966 г. В. Н. Мигиров был уже доктором филологических наук, профессором. Но путь этот, как сейчас увидим, был не столь прост. Обратимся к характеристике 1952 г., подписанной 27 июня директором

пединститута А. Н. Киселевым: «<...> В. Н. Мигирин успешно ведет курс “современный русский язык” и специальный курс, проявляет высокий интерес к вопросам методологии и методики. Он наиболее активный участник лингвистического семинара преподавателей кафедр русского, немецкого, французского и английского языков. В. Н. Мигирин после выхода в свет исторической работы тов. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” перестроил свою работу и коренным образом перестроил курс своих лекций. Постоянно ведет работу с учительством области, выступая с лекциями и докладами на объединениях словесников и на различных курсовых мероприятиях. В настоящее время он завершает докторскую диссертацию» [9, л. 22].



*Фото 9. Профессор В. Н. Мигирин со студентами.*

16 апреля 1956 г. в совете Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного знамени государственного университета имени М. В. Ломоносова 36-летний В. Н. Мигирин защитил докторскую диссертацию «Эволюция придаточного и разные виды трансформации главного и придаточного предложений в русском языке» [9, л. 29]. Уже 26 сентября 1956 г. на заседании Совета Крымпединститута В. Н. Мигирин был представлен к ученому званию профессора. Однако докторская диссертация была утверждена несколько позже – на заседании ВАК 1 декабря 1956 г. (протокол № 22). Можно понять, что руководству Крымского пединститута хотелось ускорить процесс утверждения В. Н. Мигирина в ученом звании профессора. Но строгие нормы ВАК не позволяли этого сделать. Секретарь Крымского обкома КП Украины И. Чирва написал в ВАК ходатайство, из которого следовало, что В. Н. Мигирин имеет большой преподавательский стаж, заслуги перед вузом и



заслуживает ученого звания профессора; «им уже написаны 22 научные работы общим объемом в 80 печатных листов, большинство из которых опубликовано»: «Только после защиты докторской диссертации В. Н. Мигирин написал 12 научных работ, в том числе учебное пособие “Диалектический материализм, логика, лингвистика”, которое получило положительные отзывы многих научных работников и институтов» [9, лл. 32–33].



*Фото 10. Профессор В. Н. Мигирин. 1970-е годы.*

9 июня 1957 г. на заседании Ученого совета пединститута (протокол № 4) В. Н. Мигирин прошел по конкурсу на должность профессора кафедры русского языка. Но и теперь, в связи с тем, что В. Н. Мигирин проработал «в должности профессора только с 16 октября 1957 г.», секретариат Высшей Аттестационной комиссии 4 декабря 1957 г. возвратил его «дело» в институт «без рассмотрения» [9, л. 35]. 30 июня 1958 г. В. Н. Мигирин вновь проходит на Ученом совете КГПИ

баллотировку на звание профессора, и вновь документы посланы в ВАК [9, лл. 41–42, 45–46]. Однако поступившие в летний период документы оставались без рассмотрения [9, л. 44]. Осенью, 28 ноября 1958 г., директор института В. К. Новиков пишет в ВАК и просит сообщить, «почему задерживается рассмотрение дела и. о. профессора В. Н. Мигирова»: «Педагогическая, научная и общественная деятельность и. о. профессора В. Н. Мигирова характеризуется с положительной стороны. Его научные труды используются в Советском Союзе и странах народной демократии (институт может представить все необходимые сведения). По предложенной им проблематике два аспиранта А. П. Сазонов и А. Е. Киселев уже защитили диссертации и получили степень кандидата наук. Три его аспиранта в этом году подготовили диссертации, которые обсуждены и рекомендованы к защите Ученым советом Крымпединститута» [9, л. 40]. В ответ 24 декабря 1958 г. из Секретариата ВАК сообщалось, что «Президиум ВАК воздержался от решения вопроса об утверждении В. Н. Мигирова в ученом звании профессора до дальнейшего опубликования им научных работ, выполненных им после защиты докторской диссертации» [9, л. 38]. Думается, что приведенные нами документы, хоть и отражают несколько затянувшийся процесс присвоения доктору наук В. Н. Мигирину звания профессора, свидетельствуют о неукоснительном соблюдении ВАК всех пунктов закона, а вовсе не о сомнениях в научном потенциале В. Н. Мигирова.

Важно, однако, подчеркнуть, что в институте В. Н. Мигирин пользовался авторитетом и поддержкой, так что, несмотря на отрицательный ответ из ВАК (а он получен в Симферополе 7 января 1959 г.), приказом проректора пединститута А. Ф. Перехода от 10 января 1959 г. (протокол № 3) В. Н. Мигирин был утвержден в должности заведующего кафедрой русского языка [9, л. 39].

В ученом звании профессора доктор филологических наук В. Н. Мигирин был утвержден ВАК 7 февраля 1961 г. [9, лл. 51, 56].

В личном деле сохранилось несколько благодарностей, объявленных в разные годы руководством пединститута. Приведем некоторые из них.

13 апреля 1948 года приказом директора пединститута И. Г. Попова объявлена благодарность В. Н. Мигирину «за большие успехи, достигнутые в области учебной и научно-исследовательской работы, активное участие в общественной жизни института, добросовестное выполнение обязанностей по обслуживанию учебного процесса» [9, л. 14].

26 октября 1965 г. приказом ректора по КГПИ им. М. В. Фрунзе «за большие успехи в учебной и научной работе и принимая во внимание более чем 20-летнюю безупречную работу в институте» В. Н. Мигирин награждался Почетной грамотой [9, л. 58].

4 ноября 1967 г. профессор В. Н. Мигирин награжден приказом ректора Почетной грамотой [9, л. 61].

25 марта 1969 г. приказом ректора А. Ф. Перехода профессору В. Н. Мигирину объявлена благодарность «за успехи в развитии взаимосвязей института с органами народного образования и оказание помощи учителям» [9, л. 63].

20 января 1970 г. В. Н. Мигирин награжден Почетной грамотой «за многолетнюю успешную учебную и научную работу и в связи с 50-летием со дня рождения» [9, л. 64].

Особенно значимой для нас является характеристика В. Н. Мигирина, подписанная 14 мая 1968 г. ректором Крымского пединститута А. Ф. Переходом, секретарем парторганизации Н. В. Багровым (впоследствии – ректор Таврического национального университета имени В. И. Вернадского) и председателем месткома В. М. Ронгинским (впоследствии – заведующий кафедрой русского языка, декан филологического факультета). Приведем выдержки из этой характеристики: «<...> Научные работы В. Н. Мигирина нашли всеобщее признание среди советских лингвистов. Ряд его выводов вошел в вузовские учебники по современному русскому языку. Под руководством В. Н. Мигирина ведут успешную работу аспиранты и ассистенты. Некоторые из них уже защитили кандидатские диссертации. Лекции В. Н. Мигирина отличаются логической стройностью, точностью языка и стоят на современном уровне развития науки.

В. Н. Мигирин ведет общественную работу, являясь руководителем студенческого научного общества института, выступал в качестве оппонента и рецензента по ряду кандидатских диссертаций. <...> Им написаны 24 научные работы. За плодотворную научную работу и успешную подготовку научных кадров в 1962 году награжден орденом Трудового Красного Знамени. Среди преподавателей, сотрудников и студентов пользуется заслуженным авторитетом» [9, л. 62].

Последний документ, составленный В. Н. Мигириным в Крымском пединституте, – датированное 24 июля 1971 г. заявление об очередном трудовом отпуске и последующем «освобождении с 1 сентября 1971 г. от занимаемой должности в Крымпединституте» [9, л. 65].

С 1971 г. В. Н. Мигирин работал в Бельцком пединституте. Но как консультант он предполагал и дальше работать в нашем вузе. В этом отношении весьма характерно фото В. Н. Мигирина в окружении молодых лингвистов, опубликованное в книге «На пороге столетия» [1, с. 137]. Среди последних документов в личном деле В. Н. Мигирина – выписка из приказа № 568 от 30 ноября 1971 г. по Крымскому государственному педагогическому институту им. М. В. Фрунзе, подписанного ректором института А. Ф. Переходом: «Мигирину В. Н., профессору кафедры русского языка Бельцкого пединститута, поручить руководство научной работой аспирантов кафедры русского языка Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе Колесникова А. А., Демченко Л. И., Луцай В. В., Каленкович Р. А., Бородиной А. В. на условиях почасовой оплаты в объеме 240 часов с 20 ноября 1971 года.

Основание: заявление проф. Мигирина В. Н., разрешение Бельцкого пединститута и представление научной части» [9, л. 67].

Имя профессора Виктора Николаевича Мигирина с кратким перечислением его научных заслуг внесено в справочник «Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского» [15, с. 73–74), но не все сообщенные в книге сведения точны. Приведенные нами документы позволят устранить неточности и пробелы.

**Список использованных источников и литературы**

1. Багров Н. В., Чуян Е. Н., Орехов В. В. На пороге столетия. От Таврического университета – до Крымского федерального. История в документах и фотографиях / Н. В. Багров, Е. Н. Чуян, В. В. Орехов. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. – 360 с.  
Bagrov N. V., Chuyan E. N., Orekhov V. V. Na poroge stoletiya. Ot Tavricheskogo universiteta – do Krymskogo federal'nogo. Istoriya v dokumentakh i fotografiyakh / N. V. Bagrov, E. N. Chuyan, V. V. Orekhov. – Simferopol': IT «ARIAL», 2015. – 360 s.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК) Ф. Р-21, оп. 1, д. 1826.  
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea]. F. R-21, op. 1, d. 1825.
3. ГАРК. Ф. Р-21, оп. 3, д. 5.  
GARK. F. R-21, op. 3, d. 5.
4. ГАРК. Ф. Р-21, оп. 3, д. 11.  
GARK. F. R-21, op. 3, d. 11.
5. ГАРК. Ф. Р-21, оп. 3, д. 18.  
GARK. F. R-21, op. 3, d. 18.
6. ГАРК. Ф. Р-21, оп. 3, д. 25.  
GARK. F. R-21, op. 3, d. 25.
7. ГАРК. Ф. Р-21, оп. 3, д. 27.  
GARK. F. R-21, op. 3, d. 27.
8. ГАРК. Ф. Р-21, оп. 3, д. 59.  
GARK. F. R-21, op. 3, d. 59.
9. ГАРК. Ф. Р-21, оп. 6, д. 95.  
GARK. F. R-21, op. 6, d. 95.
10. ГАРК. Ф. Р-114, оп. 5, д. 62.  
GARK. F. R-114, op. 5, d. 62.
11. История Таврического университета / под общ. ред. Н. В. Багрова. – Киев, 2003. – С. 101.  
Istoriya Tavricheskogo universiteta / pod obshch. red. N. V. Bagrova. – Kiev, 2003. – S. 101.
12. Красный Крым. – 1944. – № 40. – 10 мая. – С. 1.  
Krasnyj Krym. – 1944. – № 40. – 10 maya. – S. 1.
13. Непомнящий А. А. «Имел много благодарностей и неоднократно был премирован»: декан исторического факультета и заведующий кафедрой истории СССР Федор Загородских / А. А. Непомнящий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 3 (69). – 2017. – № 1. – С. 60–78.  
Nepomnyashchii A. A. «Imel mnogo blagodarnostei i neodnokratno byl premirovan»: dekan istoricheskogo fakul'teta i zaveduyushchii kafedroi istorii SSSR Fedor Zagorodskikh / A. A. Nepomnyashchii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». Tom 3 (69). – 2017. – № 1. – S. 60–78.
14. Непомнящий А. А. Перипетии судьбы российского профессора: неизвестные сюжеты биографии А. Н. Деревницкого / А. А. Непомнящий // Пространство и Время. – 2016. – № 3–4 (25–26). – С. 201–219.  
Nepomnyashchii A. A. Peripetii sud'by rossiiskogo professora: neizvestnye syuzhety biografii A. N. Derevitskogo / A. A. Nepomnyashchii // Prostranstvo i Vremya. – 2016. – № 3–4 (25–26). – S. 201–219.
15. Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 1918–2000. – Киев: Либідь, 2000. – 152 с.  
Professora Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. 1918–2000. – Kiev: Libid', 2000. – 152 s.

**Orekhova L. A. Professor V. N. Migirin in the history of the Crimean Pedagogical Institute (1939-1971)**

The article is devoted to the biography of the bright linguist scientist Professor V. N. Migirine. The article for the first time presents the materials of the State archive of the Republic of Crimea (a significant part of the materials is manuscripts), which allow to restore a number of facts from the life of Professor V. N. Migirine. In addition, these archival materials contain important statistical data on the work of the Crimean Pedagogical Institute during the Great Patriotic War and in the postwar years. Some data concern all system of the higher education in the Crimea. The article contains data on personnel problems in the Crimean Pedagogical Institute in the first decade after the Great Patriotic War and provides information about the teaching staff of the Department of Russian language of the Institute.

**Keywords:** Crimean Pedagogical Institute, higher education, 1944, Department of Russian language, V. N. Migirin, A. I. Germanovich.

УДК 339.1

## РУССКИЙ КАБАК XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Раздорский А. И.*

*Российская национальная библиотека  
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация  
E-mail: razdor@nlr.ru*

В хронологической последовательности представлен обзор основных отечественных и зарубежных исследований и документальных публикаций по истории кабацкого дела в России в XVII – первой половине XVIII в., изданных с середины XIX в. до нашего времени. Главное внимание уделено работам, которые основаны на материалах кабацких книг (книг кружечных дворов) – основных массовых источников по данной теме за указанный период, содержащих информацию об ассортименте, объемах и оборотах питейной торговли, ценах на алкогольные напитки, величине питейной прибыли и др. Проанализированы работы И. Г. Прыжова, И. И. Дитятина, Н. Н. Оглоблина, М. И. Смирнова, Н. Полонской, Н. И. Приваловой, М. Я. Волкова, В. В. Похлебкина, М. Б. Булгакова, Д. В. Раева, Ю. А. Мизиса, Б. В. Родионова, Т. В. Жибровой и некоторых других авторов. Показана степень изученности питейного дела в различных регионах России в XVII – первой половине XVIII в. Приведены данные о количественном, географическом и хронологическом составе опубликованных кабацких книг.

**Ключевые слова:** кабацкое дело, питейная торговля, кабацкие книги, кабаки, кружечные дворы, историография, источниковедение.

Производство и оборот спиртных напитков во все времена имели исключительно важное значение для социально-экономической и общественно-политической жизни России. Уровень доходов, получаемых от реализации алкогольной продукции, самым непосредственным образом влиял и влияет на состояние всей финансовой системы государства. Отношения, складывавшиеся в сфере питейного дела, неизменно оказывали и оказывают мощное воздействие на морально-психологический климат в обществе, а также в существенной степени сказались при формировании русского национального менталитета.

К сожалению, историография питейного дела в России разработана все еще весьма слабо. Охарактеризовать систематическим образом в одной статье все более или менее значимые работы по рассматриваемой проблематике с древнейших времен до наших дней едва ли возможно. Поэтому в настоящей публикации, не претендуя на исчерпывающую полноту, предпринята попытка дать обзор основных отечественных и зарубежных исследований и документальных публикаций по истории кабацкого дела в России в XVII – первой половине XVIII в., акцентируя внимание главным образом на тех работах, которые основаны на материалах кабацких книг (книг

кружечных дворов)<sup>1</sup> – основных массовых источников по данной теме за указанный временной интервал<sup>2</sup>.

\* \* \*

Первой работой монографического характера, специально посвященной истории питейного дела в России, стала книга литератора, историка и этнографа И. Г. Прыжова (см. о нем, например: [14]) «История кабаков в России в связи с историей русского народа», впервые изданная в 1868 г. [32] (автору удалось опубликовать только первый том, да и то в сокращении, не пошедшие же в печать материалы, в том числе два тома по истории кабацкого быта, впоследствии были им уничтожены). Этот труд, хронологические рамки которого охватывают период с IX до XIX в. включительно, приобрел широкую популярность и впоследствии неоднократно переиздавался как до революции, так и в советский и постсоветский период (в 1914, 1991 и 2009 гг.). Вплоть до настоящего времени «История кабаков» не утратила своего значения как богатый свод фактических данных по истории питейного дела (в том числе торговли спиртными напитками) в России. Основными источниками при написании книги для Прыжова послужили летописи, законодательные акты, записки иностранцев, этнографические и фольклорные материалы. Отчасти и по этой причине работа Прыжова носит довольно общий характер и не раскрывает местной специфики деятельности питейных заведений в том или ином регионе страны. Вообще, как справедливо отметил современный исследователь питейного дела Д. В. Раев, автор выступил в ней не столько как историк, сколько как публицист. Его занимала прежде всего проблема народного пьянства, за распространением которого он видел казенный интерес, а не история питейного дела как отрасли экономической деятельности и налоговой политики государства [33, с. 73].

В 1883 г. была впервые опубликована работа И. И. Дитятина «Царский кабак Московского государства» [10; 11; 12]. В ней автор, являвшийся видным представителем историко-юридической школы, подробно рассмотрел структуру управления кабаками, взаимоотношения кабацких голов с воеводами, а также ход кабацкой реформы 1652 г. В работе приведен ряд интересных фактологических данных по истории кабацкого дела (например, отмечена связь недобора питейных

<sup>1</sup> Кабацкие книги содержат сведения об ассортименте, объемах и оборотах казенной питейной торговли, ценах на алкогольные напитки, величине питейной прибыли, поставках сырья (в том числе хлеба, солода, меда, хмеля) для производства питей, организации кабацкого дела на местах. Наиболее ранние из известных сохранившихся источников этого типа относятся ко времени царствования Василия Шуйского. После проведения кабацкой реформы 1652 г. кабаки были ликвидированы и вместо них учреждены кружечные дворы (по одному на каждый город). Однако термин «кабацкая книга» наряду с термином «книга кружечного двора» по-прежнему продолжал использоваться в официальной документации. С середины 1760-х гг. кабацкие книги выбывают из официального документооборота. Прекращение их составления связано с реформированием государственной политики в области питейного дела, предпринятым в первые годы царствования Екатерины II. В частности, в 1765 г. был принят «Устав о винокурении», а также издан указ о передаче с 1767 г. питейной продажи во всем государстве (кроме Сибирской губернии) на откуп [27, т. 17, № 12 444, 12 448].

<sup>2</sup> Из специальных историографических работ по истории кабацкого дела обозначенного периода можно назвать лишь опубликованную уже более 15 лет назад статью Д. В. Раева, в которой был сделан упор на сибиреведческих публикациях [33].

доходов в Вязьме и Можайске в 1637 г. в связи с оттоком из этих городов в другие места служилых людей – основной, по мнению исследователя, клиентуры кабаков [11, с. 491]). Однако в целом выводы Дитятина не пошли дальше разработок Прыжова. Во главу угла он, как и его предшественник, опять-таки поставил проблему народного пьянства и вызванного им общего падения нравов [33, с. 73].

Свои сочинения и Прыжов, и Дитятин, и другие авторы, обращавшиеся во второй половине XIX в. к различным вопросам истории питейного дела в стране [см., например: 20], в том числе в региональном аспекте [см., например: 18], писали почти исключительно по опубликованным источникам. Такие же ценные документы по рассматриваемой тематике как кабацкие книги ими были полностью обойдены стороной.

В конце 1890-х гг. Н. Н. Оглоблин в «Обозрении столбцов и книг Сибирского приказа» привел наряду с данными о таможенных книгах также сведения о сибирских кабацких книгах (книгах кружечных дворов) [23, с. 80–98, 122–124]. Всего им учтено 155 подобных документов, в частности 34 «винокурные книги» с 7201 (1692/93) по 1714 г. по 6 городам (Верхотурье, Енисейск, Нерчинск, Соликамск, Тобольск, Якутск), 22 «книги пивных варей» с 7206 (1697/98) по 1714 г. по 5 городам (Верхотурье, Иркутск, Нерчинск, Сургут, Тобольск), 9 книг медовых ставок по 3 городам (Верхотурье, Кунгур, Тобольск) с 1702 по 1709 г., 34 «питейные книги» с 7192 (1683/84) по 1714 г. по 10 городам и 1 ярмарке (Верхотурье, Иркутск, Кузнецк, Кунгур, Нарым, Нерчинск, Соликамск, Тара, Тобольск, Тюмень, Ирбитская ярмарка), 29 «книг винной дачи» с 7161 (1652/53) по 1706 г. по 6 городам (Березов, Верхотурье, Енисейск, Кузнецк, Тобольск, Томск), 23 «винные книги» с 7194 (1685/86) по 1712 г. по 7 городам (Енисейск, Кетск, Кунгур, Пелым, Соликамск, Тобольск, Тюмень) и 4 «явочные» книги по 2 городам (Кунгур, Нерчинск) с 1700/1701 по 1710 г.<sup>1</sup>

В 1902 г. в сборнике «Первое столетие Иркутска» П. М. Головачев впервые опубликовал два документа, которые типологически являются одними из разновидностей кабацких книг, – иркутскую пивную книгу 1711 г. (включает записи о производстве, продаже и казенной выдаче пива) и «винную книгу» 1712 г. (содержит сведения о продаже и казенном отпуске хлебного вина) [25, с. 85–90]. Год спустя в сборнике «Тюмень в XVII столетии» тот же исследователь издал небольшую по объему пивную и винную книгу Тюмени 1700 г. (в ней отражена продажа вина и пива, а также приемка подрядного вина) [36, с. 133–136].

В 1913 г. М. И. Смирнов издал работу о нижегородских казенных кабаках и кружечных дворах XVII в., в приложении к которой приведен полный текст книги Нижегородского кружечного двора 1657/58 г. – единственной из сохранившихся по этому городу за XVII в. [35, с. 1–196]<sup>2</sup>. В исследовательской части публикации

---

<sup>1</sup> В обзоре упоминаются также отрывок (без начала и конца) прибыльной книги Енисейского кружечного двора конца XVII в., в которой показана продажа вина и две верхотурские приходные книги винного приему за 1698/99–1701 гг., в которой зафиксирован прием вина с винокурни на кружечный двор [23, с. 82].

<sup>2</sup> Текст книги кружечного двора помещен на с. 137–189 (заголовок документа: «Нижнего-Новгорода записная книга о зборе настоящих и прибылых денег за проданное казенное вино, пиво и мед и о расходе из них на заготовление таковых припасов»); на с. 190–196 дан «Алфавитный указатель личных имен и географических названий».



собственно этому документу уделено только восемь страниц (с. 108–115), пять из которых (с. 110–114) приходится на своего рода регесты, в которых представлены все основные статистические показатели, содержащиеся в опубликованном довольно пространным источнике. В табличной форме отражены, во-первых, сведения о производстве хлебного вина, кислого меда и пива по месяцам с указанием объема каждого изготовленного напитка, его себестоимости и общей стоимости всей партии и, во-вторых, данные о помесечной продаже указанных питей с указанием объема продажи (пива и меда – в целом, вина – с распределением на отпуск чарками, кружками, ведрами и оптом), отпускной цены, общей выручки, количества питей, выданных в качестве жалованья и полученного чистого дохода. Смирнов привел о публикуемой книге краткие сведения палеографического характера, указав, что она является «беловой». «Черновых» же нижегородских книг не сохранилось и это, по мнению ученого, является существенной утратой, поскольку «чтобы иметь полную картину ведения дела за известный год, надо располагать за это время черновыми и беловыми книгами: одни дополняют другие и только вместе взятые дают возможность уяснить постановку дела во всех подробностях» [35, с. 109].

Основным источником исследования для Смирнова стала, впрочем, не книга 1657/58 г., а «платежницы» – документы воеводско-приказной отчетности, которых по Нижнему Новгороду сохранилось около двух десятков (самая ранняя – за 1612 г.). По данным платежниц, отметил автор, «можно получить довольно ясное представление по крайней мере о финансовой стороне питейного дела в Н.-Новгороде и его уезде» [35, с. 14]. В работе приведены обширные выписки из платежниц, содержащие сведения о кабацких окладах и сборах по нижегородским городским и уездным кабакам, приборах и недоборах, именах кабацких голов и обыскных людей, результатах сысков о причинах недоборов, расходных статьях. Смирнов рассмотрел порядок управления местными питейными заведениями и состав их должностных лиц, привел данные о балансе кабацких сборов относительно окладов (за 1612, 1620, 1621, 1624, 1629, 1649, 1650 гг.) и о суммах питейных доходов, отправленных в Москву в отдельные месяцы 1620, 1621, 1623 и 1624 гг., сделал ряд наблюдений о причинах кабацких недоборов, о взаимоотношениях голов и целовальников с клиентурой питейных заведений, с местными воеводами и с представителями столичной приказной администрации. В публикации указано количество и местонахождение казенных и частных кабаков в Нижнем Новгороде и Нижегородском уезде в первой половине XVII в., описаны сословные различия при реализации прав на частное изготовление питей, внутреннее устройство кабаков, формы питейной торговли, цены на вино. Автор перечислил местные городские и сельские кабаки, находившиеся на откупе в первой половине XVII в., привел выписки из платежниц с указанием установленных откупных сумм (отмечено, что если городские кабаки сдавались на откуп нечасто, то в уезде за небольшими исключениями они все время были на откупу), рассмотрел практику ведения откупных питейных операций, представил данные о погодных суммах питейных доходов нижегородских городских кабаков в 1611, 1612, 1615, 1619–1621, 1623, 1624, 1628, 1629, 1638–1642, 1644–1650 гг. (за откупные годы – чистый, за остальные – валовой доход).

В работе Смирнова кабак рассматривается не только как питейное заведение, но и как место проведения досуга. Автор отмечал, что «кабак являлся не просто питейным домом, а заменял нашим предкам и театр, и клуб, и еще кое-что» [35, с. 64]. В наказах центральных властей, в частности, указывалось, чтобы при кабаках не было «блядни», потому что, по словам исследователя, как откупщики, так и верные целовальники любили «играть на этой струнке» и нередко содержали при кабаках «непотребных женок», а также нанимали скоморохов, гусельников, певцов, практиковали игру в зернь и карты [35, с. 63–64]. Отдельный раздел работы посвящен доходам нижегородских казенных кабаков от азартных (или, как тогда называли, закладных) игр, служивших своего рода приманкой для питухов. Смирнов указывает, что на нижегородских кабаках «зерновой и картовой суд и яичной бой» в отдельные годы отдавался на откуп (в работе приведены откупные суммы по данной статье в 1617–1628 гг.) [35, с. 73–74].

Особо рассмотрены неокладные доходы нижегородских кабаков, связанные с питейной монополией: явочные пошрины и «выимочное питье», корчемные напитки и заповедные деньги с питухов, оброк с разных торговцев (пирожников, орешников, ягодников), приютившихся со своей торговлей при кабаках. Смирнов отмечал, что при кабаках торговали съестным и бакалеей, что «давало возможность питухам, выпивши, закусить и во время бражничанья полакомиться орехами и пряниками» [35, с. 80].

Важное место в рассматриваемом исследовании уделено предпосылкам, проведению и итогам кабацкой реформы 1652 г., в ходе которой кабаки были заменены кружечными дворами. Смирнов подробным образом остановился на причинах деградации казенного кабака, ставшего, по его словам, «очагом разорения, разврата, обнищания народа, разбоя, разных драм и кровавых происшествий» [35, с. 91]. Заведение кружечных дворов, по мнению ученого, было большим шагом вперед. «“Питухи” были вынуждены теперь нести купленное вино домой и распивать его там, но далеко не каждый из них мог иметь достаточную сумму денег, чтобы купить целый штоф и поневоле оставался трезвым; между тем как в кабаке можно было покупать водку на любую мелкую монету; компании и шайки кабацких завсегдатаев распылялись и очаг порока и преступлений – старый кабак переставал существовать» [35, с. 103]. Автор особо подчеркнул роль патриарха Никона в процессе реформирования питейного дела в стране. Именно он «с присущей ему страстностью» смог убедить молодого царя Алексея Михайловича «взглянуть на питейное дело не с фискальной, а с моральной и бытовой точек зрения» [35, с. 105].

Однако в итоге, как известно, кабацкая реформа закончилась неудачей. Смирнов выделил несколько причин, приведших к такому результату: неприятие реформы населением, рост корчемной продажи и, вследствие этого, уход казенных доходов корчемникам, неудача с выпуском медных денег [35, с. 122–125]. На основе платежниц за 1654, 1657, 1659, 1660 гг. автор привел данные о суммах нижегородских питейных доходов в 1653, 1654, 1656–1660 гг., отметив, что при новом порядке организации торговли спиртным сокращение питейной прибыли в отдельные годы по сравнению с первой половиной XVII в. достигало 25 % [35, с. 121].

Год спустя после выхода в свет работы Смирнова в юбилейном сборнике статей студенческого историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира была опубликована статья Н. Полонской о состоянии питейной дела в Вологде в конце 1620-х гг. [28]. В основу данной работы положен «отчет за 7137 г. воеводы князя Бориса Андреевича Хилкова да дьяка Потапа Внукова, считавших вологодских таможенных и кабацких голов чюхломца Шестова Иванова сына Герасимова, да Юрьева Полскова Трифона Иванова, да вологодских выборных ларешных целовальников Тимофея Лягушкина, Онтипу Горбунова да Петра Васильева с товарищи по приходным кабацким книгам за их руками». В распоряжении автора имелась копия «отчета», оригинал которого хранился в «Дворцовом архиве». Из содержащихся в статье объяснений не вполне понятна типологическая характеристика изученного Полонской документа. Ясно только, что в нем представлены подробные сведения, извлеченные из не дошедшей до наших дней вологодской кабацкой книги 1628/29 г. По-видимому, в «отчете» содержится пространная выписка из нее, сопровождаемая некоторыми другими делопроизводственными материалами. Составление этого документа было связано, надо полагать, с рассмотрением в правительственных инстанциях вопроса о поощрении вологодских кабацких голов за достигнутый ими кабацкий прибор в размере 96 руб. 95 коп.<sup>1</sup>

На основе содержащихся в изученном источнике сведений Полонская составила три таблицы, в которых отражены статистические данные о производстве и продаже по месяцам трех напитков: хлебного вина (количество браг, объем и стоимость положенного ячного и ржаного солода и хмеля, стоимость израсходованных дров, плата винокурам и работникам, совокупный размер издержек, объем напитка на выходе, себестоимость ведра, объем продажи, общая выручка, цена ведра в продаже, чистая прибыль); пива (количество варей, объем и общая стоимость положенного ячного солода и хмеля, стоимость израсходованных дров, плата пивоварам и водовозам, совокупный размер издержек, объем пива и дрожжей на выходе, объем продажи пива, выручка, цена ведра в продаже, чистая прибыль) и кислого меда (объем положенного пресного меда, его общая стоимость и стоимость пуда, совокупный размер издержек, объем слитого меда, объем продажи напитка, выручка, чистая прибыль). Как и в работе Смирнова, представленным в работе Полонской таблицам присущ «регестный характер».

Автор проследила сезонные колебания в производстве и продаже питей, а также сезонные изменения цен на отдельные компоненты сырьевой закладки, сравнила отпускные цены на вино, мед и пиво в Вологде и Нижнем Новгороде (по данным, приведенным Смирновым) и некоторым другим городам, установила размеры казенного дохода от продажи различных напитков в Вологде (вино – 111 %, медоварение – 120 %, пивоварение – 207 %) [28, с. 177].

В советской историографии казенная питейная торговля XVII – первой половины XVIII вв., как и история кабацкого дела этого периода в целом, оказалась

<sup>1</sup> По словам автора, в том же деле содержится указание, что в 138 г. государь «велел своего государева жалованья дать из своей государевой казны Шестаку Иванову сукно доброе да тафту, а Трифону Иванову сукно доброе да дороги» [28, с. 178].

практически полностью исключенной из научных штудий. Показательна в этом отношении судьба работы Н. И. Приваловой «Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке», подготовленной ею в конце 1920-х гг., переработанной в 1950-е гг., однако изданной лишь в 2008 г. [31]. При жизни автора, несмотря на все ее усилия, опубликовать этот материал так и не представилось возможным [13, с. 31–32].

При подготовке указанной работы использована книга касимовского кружечного двора 1654 г., данные которой дополнены сведениями, извлеченными из ряда других разновременных источников (касимовских писцовых, приходо-расходных и окладных книг, актовых материалов). Привалова установила количество кабаков, действовавших в Касимове в 1620-е гг., проследила ход кабацкой реформы 1652 г. в городе и его уезде, порядок выборов местных кабацких голов и целовальников, практику взысканий с них за недоборы и злоупотребления. Особое внимание исследовательница уделила рассмотрению владельческого статуса касимовских кабаков, которые в XVII в. передавались по царским жалованным грамотам татарским ханам, касимовским царям и царевичам. В работе представлены сведения о кабацких откупщиках и откупных суммах, о причинах кабацких недоборов, о борьбе властей с незаконным винокурением, о внутреннем устройстве и инвентаре местных питейных заведений, об организации подрядов на доставку вина на кружечные дворы Касимова, Елатьмы и с. Ерахтура, о выдачах вина иностранным послам и купцам, проезжавшим через Касимов.

По материалам книги касимовского кружечного двора 1654 г. в работе проанализированы и приведены в табличной форме (по отдельным временным интервалам) статистические данные об отпуске вина с 20 июня по 1 сентября (объем продажи, общая выручка и прибыль), производстве и продаже пива с 1 июня по 15 августа (время варки и продажи, общий объем сырьевой закладки<sup>1</sup>, стоимость пивной вари, объем слитого пива, общая выручка и прибыль) и кислого меда с 27 мая по 21 августа (время ставки и продажи, количество поставленного меда-сырца, его общая стоимость, производственные расходы, общая стоимость медовой ставки, объем слитого кислого меда, общая выручка и прибыль), а также указаны отпускные цены на напитки и общие размеры питейной прибыли, полученной за лето 1654 г. Представлены также извлеченные из других документов сведения об итоговых погодных показателях сбора питейных доходов с касимовского и елатомского кружечных дворов с 1654 по 1658 г.

В 1951 г., как уже указывалось выше, был издан комплекс приходо-расходной документации таможи и кружечного двора Саранска за 1691/92 г. [34].

Специальных исследований по истории питейного дела в XVII – первой половине XVIII в советской историографии долгое время не предпринималось. Лишь в некоторых работах, посвященных другим проблемам социально-экономического развития отдельных городов и регионов, ученые походя затрагивали эту тематику, причем их внимание сосредотачивалось главным образом на вопросах производства, а не оборота спиртных напитков [21, с. 100–112, 458–469; 30, с. 171– 175; 38, т. 1, с. 582–585; т. 2, с. 495–505].

---

<sup>1</sup> В таблице данный показатель ошибочно указан как «Количество сваренного пива».

В 1979 г. вышла в свет монография М. Я. Волкова, посвященная истории отечественного винокурения второй половины XVII – первой половины XVIII в. [8]. В ней проанализированы факторы развития и структура винокуренной промышленности в России указанного периода, подробным образом исследовано домовое, казенное, купеческое, дворцовое и помещичье винокурение. При этом питейная торговля, в частности торговля хлебным вином, автором специально не рассматривалась.

Источниковую базу исследования составили документы централизованного учета винокуренных заведений (Сената и Камер-коллегии), материалы переписей населения XVII – первой половины XVIII в., в частности книги камер-коллегжской переписи 1718–1719 гг. и сказки I ревизии 1719–1727 гг., а также отчетная документация кружечных дворов – кабацкие книги и приемочные росписи.

Относительно документов последней категории автор сделал ряд важных наблюдений источниковедческого характера. Он отметил, что в кабацких книгах отражены расходы на производство хмельных напитков, результаты их продажи и учтены другие расходы на производство и сбыт питей. «Каждая книга состоит из нескольких книг, сшитых в одну. В одних местах учет прихода и расхода был четко разграничен. Эти кабацкие книги можно разделить на три категории: а) книги изготовления напитков; б) книги их продажи; в) «книги расходные... на всякие покупки». В других местах учет вели по напиткам, соединяя в одной книге статьи об изготовлении напитка и о приходе от его продажи» [8, с. 20].

Волков подчеркнул, что «изучение книг продажи хмельных напитков позволяет установить размеры местного спроса на вино, «истинную» и продажную его цены и нередко способы обеспечения местного спроса на вино. Последнее возможно потому, что в книгах XVII – начала XVIII в. отмечалось обычно, какое вино поступало на продажу в том или ином месяце – собственного курения или купленное, т. е. они содержат указание на наличие или отсутствие в данном центре казенной винокурни. В книгах продажи вина 20-х – начала 50-х годов XVIII в. такие указания встречаются редко» [8, с. 20].

Исследователь обратил внимание, что в первой половине XVIII в. во многих пунктах, где местный спрос на вино обеспечивали казенные винокурни, составлялось несколько видов книг «винного курения». Наибольшее их число в 1730 – начале 1750-х гг. вели вятские бурмистры. «Здесь расходы в 1736–1744 гг. отражены в 15 видах книг (16-я – книга приема денег «на винное курение»), а в 1745–1755 гг. – даже в 18 видах. Это увеличение видов книг происходило за счет обособления учета отдельных статей расхода. В частности, покупка хлеба учитывалась в пяти книгах (солода ржаного, ржи, ржаной муки, овса и овсяной муки), в отдельных книгах учтены покупки хмеля, дров и меди, были две книги выкурки вина (одна – простого, вторая – двойного и водки) и т. д.» [8, с. 21].

По материалам кабацких книг XVII в. Волковым определены, в частности, объемы и стоимость производства вина в казенных винокурнях 32 населенных пунктов за отдельные годы периода 1650–1670-х гг., а также объемы выработки вина, численность работников на казенных винокурнях и размеры оплаты их труда в тот же период по 13 населенным пунктам.

Заслуживает пристального внимания вывод автора о том, что развитие подрядного винокурения привело в конечном итоге к упадку казенного винокурения, связанного с местными кружечными дворами. В течение второй половины XVII – первой половины XVIII в. количество казенных винокурен резко сократилось, а их значение в обеспечении спроса казны на вино существенно снизилось [8, с. 315].

В рассматриваемой монографии обобщен огромный статистический и фактологический материал по истории отечественного винокурения. Подводя итоги изучению поставленной темы, Волков констатировал, что «в конце XVII – первой половине XVIII в. винокуренная промышленность по численности предприятий, размерам товарной продукции, ее стоимости и формам организации производства принадлежала к наиболее развитым отраслям промышленности России. Ее развитие в этот период наложило заметный отпечаток на характер эволюции социально-экономических отношений в стране, в том числе в деревне, и определило содержание реформы 1754–1755 гг., которой была установлена монополия дворянства на винокурение» [8, с. 314].

Разработка истории винокуренной промышленности продолжалась и в последующие годы. Так, в статье А. И. Комиссаренко были освещены некоторые аспекты развития винокурения в Вятском крае. Автор проанализировал, в частности, объемы закупок сельскохозяйственных продуктов и топлива для винокурения, сделанных хлыновскими купцами в 1740, 1746 и 1751 гг., производство ими подрядного вина и размеры его поставок в города Поморья и Урала в 1746 г., участие вятских крестьян в вывозе подрядного вина в том же году [16]. М. Я. Волков опубликовал статью о развитии винокурения в Гороховце в XVII – первой четверти XVIII в., акцентировав внимание на анализе количества, мощности и размерах производства местных частных винокуренных заводов в первой четверти XVIII в. [9].

В 1982 г. в издании «Памятники южновеликорусского наречия» С. И. Котков и Н. С. Коткова опубликовали две елецкие кабацкие книги за 1615/16 г. – явочную и расходную [24, с. 45–70] (опубликованная в том же издании елецкая таможенная и кабацкая расходная книга 1629/30 г. включает в основном кабацкие расходные статьи).

Некоторое оживление интереса к истории отечественного питейного дела, в частности к организации торговли спиртным в прошлом, было связано с антиалкогольной кампанией, начатой в 1985 г. Одним из ее отзвуков стала публикация в 1989 г. сборника материалов семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ и ЛОИИ 18 декабря 1987 г. В нем напечатаны, в частности, статьи А. И. Копанева о кабаках на Русском Севере в XVII веке (указано количество кабаков в Двинском уезде в середине XVII в. и местонахождение кружечных дворов там же в 1678 г., приведен размер кабацкого недобора в 1654 г. и рассмотрены обстоятельства его расследования, перечислен инвентарь кружечного двора в Неноксе в 1688 г.), В. И. Ивановой о верхотурском кабаке в XVII в. (представлены себестоимость и отпускные цены на вино в Верхотурье в 1605 г., изложено содержание жалобы верхотурского воеводы Н. П. Борятинского, направленной в августе 1623 г. в Москву по поводу пьянства местных служилых людей и крестьян, и показана реакция на нее центральных властей, приведены

примерные расчеты производительности верхотурской винокурни и данные о частном сбыте вина некоторыми сибирскими воеводами) и А. С. Лаврова о кабацкой реформе 1652 г. [15; 17; 19]. При подготовке указанных работ были использованы различные источники, в том числе из Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН), однако кабацкие книги к исследованию привлечены не были.

Большую роль в пробуждении интереса к истории питейного дела в России сыграла книга известного историка В. В. Похлебкина «История водки», впервые опубликованная в 1991 г. и впоследствии неоднократно переиздававшаяся [29]. Автор поставил перед собой целью установить, «когда началось производство водки в России и было ли оно начато раньше или позже, чем в других странах». Побудительной причиной подготовки книги, по утверждению самого Похлебкина, стал начатый в конце 1970-х гг. международный спор о приоритете изготовления водки, когда, по его словам, «ряд марок советской водки был подвергнут на внешних рынках бойкоту». Исследователь, как ему казалось, установил, что винокурение возникло в одном из русских монастырей в 40–70-е гг. XV в., причем, по его мнению, 1478 г. следует признать крайним сроком, когда винокуренное производство уже существовало некоторое время. Ключевые выводы Похлебкина, касающиеся происхождения русского национального крепкого напитка, были приняты на веру большинством историков, обращавшихся к изучению отечественного питейного дела в общегосударственном или региональном аспектах, но впоследствии, как это будет показано ниже, были убедительно опровергнуты.

В Государственном архиве Швеции в Стокгольме в составе документов так называемого Новгородского оккупационного архива наряду с таможенными книгами, о которых шла речь выше, хранится также семь новгородских кабацких (винных и пивных) книг за 1611–1617 гг. В середине 1990-х гг. сведения об этих уникальных источниках впервые были введены в научный оборот шведской исследовательницей И. Нордландер [22; 40]<sup>1</sup>. Она извлекла из этих документов данные о количестве, названиях и местонахождении новгородских питейных заведений, о составе кабацких построек, о номенклатуре посуды, в которые производился отпуск спиртного, а также рассмотрела колебания отпускных цен на вино и пиво.

По материалам опубликованных в 1982 г. елецких кабацких книг 1615/16 г., а также таможенной и кабацкой книги 1646/47 г. А. И. Филлюшкин подготовил небольшую работу обзорного характера о состоянии питейного дела в Ельце в первой половине XVII в. [37]. Автор привел сведения о постройках местного кабацкого двора, находившемся на нем питейном инвентаре, стоимости напитков, социальном составе и местожительстве лиц, плативших явочные деньги с частного изготовления питей.

В 1996 г. в сборнике «Первое столетие сибирских городов» была опубликована тобольская винная книга за сентябрь 1694 г. из фонда Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА), включающая

<sup>1</sup> Подробное описание этих документов см.: [39, р. 95, 117, 149–150, 171–172, 226–227, 237–238, 241–242, 253–254].

сведения о продаже вина, а также о его выдаче в качестве «погребного питья» [26, № 50, с. 134–135].

В 1990–2010-х гг. ряд статей по истории питейного дела в XVII в., основанных в том числе на материалах кабацких книг, опубликовал М. Б. Булгаков.

В 1998 г. вышла в свет его работа, в которой описана практика отпуска питей в долг и взимания долговых кабацких денег, рассмотрен порядок ведения росписей «напойных денег» и формуляр этих документов [5]. Автор проанализировал три таких росписи: по Белоозеру за 1626 г., Ржеве Володимеровой за 1629 г. и Вологде за 1637 г. По этим документам исследователь установил число должников и их социальный статус, а также суммы долговых денег. Изучение росписей показало, что они «могут служить источником сведений для изучения питейного предпринимательства (в сфере производства и продажи вина), для определения сословного статуса завсегдатаев кабаков, что невозможно установить по другим источникам, для выявления торговых связей города с уездной его округой, а также с соседними городами и уездами. Кроме того, по росписям можно судить о негативной роли кабаков в жизни городского и сельского населения» [5, с. 65].

В другой статье, опубликованной в 2000 г., проанализирована ценовая роспись дмитровского кабака 1645 г. [6]. Исследователь отметил, что подобные документы присутствуют либо в комплексе с приходо-расходными кабацкими книгами, либо отдельно. В дмитровских кабацких книгах первой половины XVII в. ценовые росписи отсутствуют, изученный источник находится среди других документальных материалов Устюжской четверти. В статье приведены данные о размере кабацкой прибыли в Дмитрове в 1622 и 1646 гг. (отмечен ее рост за 24 года в 6 раз), рассмотрен состав кабацкого инвентаря и построек, стоимость отдельных предметов и строений и «кабацкого завода» в целом.

В 2003 г. вышла в свет статья Булгакова, в которой рассмотрен вопрос о составе кабацкой документации XVII в. [4]. Автор справедливо отметил, что «источниковедение кабацкого делопроизводства XVII в. не стало еще предметом внимания со стороны историков» [4, с. 137]. При этом исследователь особо подчеркнул роль питейной торговли в формировании государственного бюджета, указав, что «за очень редким исключением» городские кабаки давали годового дохода в 2–2,5 раза больше, чем таможни [4, с. 137]. Булгаков выделил три типа кабацких документов: 1) документы о кабацком деле, исходящие из центральных приказов; 2) документы внутреннего текущего кабацкого делопроизводства; 3) побочные документы. Кабацкие книги он отнес ко второму типу документов. Явочные книги, по его мнению, являются побочными документами как «не имеющие отношения к непосредственно кабацким производственным делам» [4, с. 141]. До 1620-х гг., по его мнению, эти книги велись не при кабаках, а в съезжих избах.

В следующем, 2004, году была опубликована статья Булгакова, посвященная изучению состава и содержания, а также соотношения между собой черновых и беловых кабацких книг Тотьмы 1646/47 г. [3] (кратко о структуре названных документов говорилось также в предыдущей публикации этого автора). По словам исследователя, «парадоксом является то обстоятельство, что в русской историографии нет специальных источниковедческих работ, посвященных анализу



составления кабацких книг, их типологии и специфики. Это отчасти объясняется тем, что внимание источниковедов в первую очередь было приковано к изучению более интересных в информационном плане массовых источников, таких как таможенные книги и документы писцового делопроизводства. Действительно, беловые (отчетные) кабацкие книги не блещут информационным разнообразием, отличаются монотонностью содержания записей и не имеют побочных (неформальных) сведений. Кроме того, над советскими историками довлела негласная установка о «некорректности» изучения источников, отражающих политику государства по спаиванию собственного народа, по поддержанию его извечного порока в погоне за высокой нормой казенного дохода. Однако развитие отечественной исторической науки объективно требует, чтобы исследователи шаг за шагом закрывали «белые пятна» источниковедения» [3, с. 25–26].

Булгаков отметил, что до нас дошли в основном беловые книги, а служившая основой для их составления первичная черновая документация, которую вели кабацкие целовальники, отвечавшие за свой участок работы (варнишные, стоечные, погребные, ларешные), почти не сохранились.

По «Росписи таможенным и кабацким всяким письмам у головы у Василия Неронова с товарищи», составленной прибывшим в августе 1647 г. в Тотьму по наказу из Устюжской четверти проверяющим приказным человеком Иваном Чириковым, Булгаков выделил три группы черновых документов тотемского кабака: 1) приходные книги, содержащие производственные записи и записи отдач хмельных напитков из поварен в питейные избы стоечным целовальникам городского кабака и в его сельские филиалы; 2) расходные книги покупок производственного сырья и необходимых предметов, найма рабочей силы и оплаты различных услуг, а также записи некоторых операций персонала кабака с клиентами; 3) разные документы – тетради и записи, отражающие деятельность кабака, не связанную с профилем его работы. Документы последней группы ни в каком виде не попадали в беловой вариант книг.

Автор привел характеристики каждой из разновидностей черновых документов, вошедших в приходную часть («книги винным варям», «книги чарошные стойки винной отдачи», «книги медовому уставленью» и др. – всего 12 документов) и в расходную часть («книга покупошная, что куплено ржи и солоду на кабак», «тетрадь ржаной роци, что отдавано ржи растить», «книга расходная, что покупано бумага и свечи и всякая мелочь», «тетрадь дровяная», «книга винная долговая» и др. – всего 14 документов). Кроме того, он отметил, что в росписи указаны иные документы, не имеющие отношения к производству и продаже питей: «книга пивным явошным деньгам», а также кабальные записи, записи о сдаче на откуп содержания прорубей на Сухоне, поручные записи «на крестьян судовых деловцов», «выборы» на 18 таможенных и кабацких целовальников для службы в городе и 23 «выбора» на целовальников для службы в уезде. В статье показано какие документы и в каком объеме воспроизводились в беловых тотемских кабацких книгах. Предпринятое исследование показало, что «все учетные данные прихода и расхода черновых материалов (книг, тетрадей, росписей, подрядных записей и памятей) в том или ином

виде – целиком, трансформированные в другие черновые документы или суммарно обобщенные, попадали в текст беловых кабацких книг» [3, с. 37].

В статье о вологодских винокурах XVII в., напечатанной в 2013 г., Булгаков на основании дозорных, писцовых и переписных книг установил материальное положение наемных винокуров-«стряпцов» и их место в социальной структуре города, проанализировал деятельность местных винных подрядчиков и их взаимоотношения с представителями кабацкой администрации [1].

Библиография работ Булгакова о кабацком деле включает также его статьи «Кабаки», опубликованную в энциклопедии «Экономическая история России» [2].

В вышедшей в 2003 г. небольшой статье Л. Ю. Варенцовой о городецком кабаке представлена в основном общеисторическая информация о питейном деле в России XVII в. и приведены лишь самые краткие сведения о кабаке и кружечном дворе г. Городца (местонахождение, состав построек и инвентаря, начальные и отпускные цены на вино) [7].

*(Продолжение следует)*

#### **Список использованных источников и литературы**

1. Булгаков М. Б. Вологодские винокуры в XVII в. // Российская история. – 2013. – № 5. – С. 121–124.  
Bulgakov M. B. Vologodskie vinokury v XVII v. // Rossiiskaya istoriya. – 2013. – № 5. – S. 121–124.
2. Булгаков М. Б. Кабаки // Экономическая история России: С древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия: в 2 т. – Т. 1. – М., 2008. – С. 907–908.  
Bulgakov M. B. Kabaki // Ekonomicheskaya istoriya Rossii: S drevneishikh времен do 1917 goda: Entsiklopediya: v 2 t. – Т. 1. – М., 2008. – S. 907–908.
3. Булгаков М. Б. Кабацкие книги г. Тотьмы 1646/47 г. // Проблемы экономической и общественно-политической истории дореволюционной России: Сб. науч. тр. – Вып. 2. – Тюмень, 2004. – С. 25–40.  
Bulgakov M. B. Kabatskie knigi g. Tot'my 1646/47 g. // Problemy ekonomicheskoi i obshchestvenno-politicheskoi istorii dorevolutsionnoi Rossii: Sb. nauch. tr. – Вып. 2. – Tyumen', 2004. – S. 25–40.
4. Булгаков М. Б. О составе кабацкой документации XVII в. // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв.: Науч. чтения, посвящ. памяти Петра Андреевича Колесникова (к 95-летию со дня рождения), Вологда, 3–4 окт. 2002 г. – Вологда, 2003. – С. 137–142.  
Bulgakov M. B. O sostave kabatskoi dokumentatsii XVII v. // Materialy XIII Vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo soveshchaniya po voprosam izucheniya i izdaniya pistrovykh knig i drugikh istoriko-geograficheskikh istochnikov po istorii Rossii XVI–XIX vv.: Nauch. chteniya, posvyashch. pamyati Petra Andreevicha Kolesnikova (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya), Vologda, 3–4 okt. 2002 g. – Vologda, 2003. – S. 137–142.
5. Булгаков М. Б. Росписи кабацких долговых «напойных» денег первой половины XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. ст. – М., 1998. – С. 53–67.  
Bulgakov M. B. Rospisi kabatskikh dolgovykh «napoinykh» deneg pervoi poloviny XVII veka // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): Sb. st. – М., 1998. – S. 53–67.
6. Булгаков М. Б. «Ценовая роспись» дмитровского кабака 1645 г. // История городов Московского края: Тез. докл. II регион. конф. по истории Моск. обл., посвящ. 70-летию Моск. пед. ун-та, 14 дек. 2000 г. – М., 2000. – С. 29–31.  
Bulgakov M. B. «Tsenovnaya rospis'» dmitrovskogo kabaka 1645 g. // Istoriya gorodov Moskovskogo kraia: Tez. dokl. II region. konf. po istorii Mosk. obl., posvyashch. 70-letiyu Mosk. ped. un-ta, 14 dek. 2000 g. – М., 2000. – S. 29–31.

7. Варенцова Л. Ю. Городецкий государев каба́к в XVII веке // Вопросы истории. – 2003. – № 9. – С. 147–151.
- Varentsova L. Yu. Gorodetskii gosudarev kabak v XVII veke // Voprosy istorii. – 2003. – № 9. – S. 147–151.
8. Волков М. Я. Очерки истории промыслов России: Вторая половина XVII – первая половина XVIII в.: Винокурное производство. – М.: Наука, 1979. – 336 с.
- Volkov M. Ya. Ocherki istorii promyslov Rossii: Vtoraya polovina XVII – pervaya polovina XVIII v.: Vinokurennoe proizvodstvo. – M.: Nauka, 1979. – 336 s.
9. Волков М. Я. Ремесло и промыслы посадских людей города Гороховца (XVII – первая четверть XVIII в.) // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв.: Сб. ст. – М., 1983. – С. 61–81.
- Volkov M. Ya. Remeslo i promysly posadskikh lyudei goroda Gorokhovtsa (XVII – pervaya chetvert' XVIII v.) // Promyshlennost' i trgovlya v Rossii XVII–XVIII vv.: Sb. st. – M., 1983. – S. 61–81.
10. Дитятин И. И. Из истории местного управления; Царский каба́к Московского государства; Верховная власть в России XVIII столетия; Екатерининская комиссия 1767 года «О сочинении проекта нового уложения»; Очерк истории цехов в Западной Европе. – Изд. 2-е. – М.: URSS ЛЕНАНД, 2017. – 248 с.
- Dityatin I. I. Iz istorii mestnogo upravleniya; Tsarskii kabak Moskovskogo gosudarstva; Verkhovnaya vlast' v Rossii XVIII stoletiya; Ekaterininskaya komissiya 1767 goda «O sochinenii proekta novogo ulozheniya»; Ocherk istorii tsekhov v Zapadnoi Evrope. – Izd. 2-e. – M.: URSS LENAND, 2017. – 248 s.
11. Дитятин И. И. Царский каба́к Московского государства // Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. – СПб., 1895. – С. 468–496.
- Dityatin I. I. Tsarskii kabak Moskovskogo gosudarstva // Dityatin I. I. Stat'i po istorii russkogo prava. – SPb., 1895. – S. 468–496.
12. Дитятин И. И. Царский каба́к Московского государства // Русская мысль. – 1883. – Кн. 9. – С. 34–72.
- Dityatin I. I. Tsarskii kabak Moskovskogo gosudarstva // Russkaya mysl'. – 1883. – Kn. 9. – S. 34–72.
13. Дорофеев Ф. А., Кузнецов А. А. Исследования истории Касимова XVII в. в наследии Н. И. Приваловой // Привалова Н. И. Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке. – Н. Новгород, 2008. – С. 25–35.
- Dorofeev F. A., Kuznetsov A. A. Issledovaniya istorii Kasimova XVII v. v nasledii N. I. Privalovoi // Privalova N. I. Deloproizvodstvo kasimovskikh kabakov i kruzhechnykh dvorov v XVII veke. – N. Novgorod, 2008. – S. 25–35.
14. Есипов В. В. Житие великого грешника: документально-лирическое повествование о судьбе русского пьяницы и замечательного историка-самоучки Ивана Гавриловича Прыжова. – М.: Русская панорама, 2011. – 495 с., XVI с. ил., портр., факс.
- Esipov V. V. Zhitie velikogo greshnika: dokumental'no-liricheskoe povestvovanie o sud'be russkogo p'yanitsy i zamechatel'nogo istorika-samouchki Ivana Gavrilovicha Pryzhova. – M.: Russkaya panorama, 2011. – 495 s., XVI s. il., portr., faks.
15. Иванова В. И. Верхотурский каба́к в XVII веке // Народная борьба за трезвость в русской истории: Материалы семинара, провед. о-вами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР 18 дек. 1987 г. – Л., 1989. – С. 12–15.
- Ivanova V. I. Verkhotur'skii kabak v XVII veke // Narodnaya bor'ba za trezvos't' v russkoi istorii: Materialy seminar, proved. o-vami bor'by za trezvos't' BAN SSSR, LGU, LOII AN SSSR 18 dek. 1987 g. – L., 1989. – S. 12–15.
16. Комиссаренко А. И. Хлебные ресурсы Вятки в середине XVIII в. (к вопросу о развитии купеческой винокурной промышленности) // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв.: Сб. ст. – М., 1983. – С. 224–232.
- Komissarenko A. I. Khlebnye resursy Vyatki v seredine XVIII v. (k voprosu o razvitii kupecheskoi vinokurennoi promyshlennosti) // Promyshlennost' i trgovlya v Rossii XVII–XVIII vv.: Sb. st. – M., 1983. – S. 224–232.
17. Копанев А. И. О кабаках на Севере в XVII веке // Народная борьба за трезвость в русской истории: Материалы семинара, провед. о-вами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР 18 дек. 1987 г. – Л., 1989. – С. 9–11.

- Kopanev A. I. O kabakakh na Severe v XVII veke // Narodnaya bor'ba za trezvost' v russkoi istorii: Materialy seminar, proved. o-vami bor'by za trezvost' BAN SSSR, LGU, LOII AN SSSR 18 dek. 1987 g. – L., 1989. – S. 9–11.
18. Кузнецов Е. В. Первые кабаки в Сибири. – Tobol'sk, 1890. – 20 с. – [Отт. из «Тобол. губ. вед.» 1890 г., № 27, с. 14–15; № 28, с. 13–15; № 29, с. 13–15].
- Kuznetsov E. V. Pervye kabaki v Sibiri. – Tobol'sk, 1890. – 20 s. – [Ott. iz «Tobol. gub. ved.» 1890 g., № 27, s. 14–15; № 28, s. 13–15; № 29, s. 13–15].
19. Лавров А. С. Кабацкая реформа Никона // Народная борьба за трезвость в русской истории: Материалы семинара, проведенного о-вами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР 18 дек. 1987 г. – Л., 1989. – С. 16–19.
- Lavrov A. S. Kabatskaya reforma Nikona // Narodnaya bor'ba za trezvost' v russkoi istorii: Materialy seminar, proved. o-vami bor'by za trezvost' BAN SSSR, LGU, LOII AN SSSR 18 dek. 1987 g. – L., 1989. – S. 16–19.
20. Лебедев В. А. Питейное дело. – СПб.: Тип. Правительств. Сената, 1898. – [2], 106 с.
- Lebedev V. A. Piteinoe delo. – SPb.: Tip. Pravitel'stv. Senata, 1898. – [2], 106 s.
21. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 715 с.
- Merzon A. Ts., Tikhonov Yu. A. Rynok Ustyuga Velikogo v period skladyvaniya vserossiiskogo rynka (XVII vek). – M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 715 s.
22. Нордландер И. Местоположение новгородских кабаков во время шведской оккупации 1611–1617 гг. // Новгородский исторический сборник. – СПб., 1997. – Вып. 6. – С. 182–188.
- Nordlander I. Mestopozhenie novgorodskikh kabakov vo vremya shvedskoi okkupatsii 1611–1617 gg. // Novgorodskii istoricheskii sbornik. – SPb., 1997. – Vyp. 6. – S. 182–188.
23. Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). – Ч. 2. Документы таможенного управления. – М.: Унив. тип., 1897. – 162 с.
- Ogloblin N. N. Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.). – Ch. 2. Dokumenty tamozhennogo upravleniya. – M.: Univ. tip., 1897. – 162 s.
24. Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. – М.: Наука, 1982. – 343 с.
- Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya: Tamozhennye knigi / Izd. podgot. S. I. Kotkov, N. S. Kotkova. – M.: Nauka, 1982. – 343 s.
25. Первое столетие Иркутска: Сборник материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей приват-доцента П. М. Головачева. – СПб.: В. П. Сукачев, 1902. – [2], XIII, 187 с., 6 л. ил.
- Pervoe stoletie Irkutsk: Sbornik materialov dlya istorii goroda s «Vvedeniem» i zaklyuchitel'noi stat'ei privat-dotsenta P. M. Golovacheva. – SPb.: V. P. Sukachev, 1902. – [2], XIII, 187 s., 6 l. il.
26. Первое столетие сибирских городов. XVII век. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. – 190 с. – (История Сибири. Первоисточники; Вып. 7).
- Pervoe stoletie sibirskikh gorodov. XVII vek. – Novosibirsk: Sib. khronograf, 1996. – 190 s. – (Istoriya Sibiri. Pervoistochniki; Vyp. 7).
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1.
28. Полонская Н. Страничка из истории кабацкого дела XVII в. // Юбилейный сборник статей / Студ. ист.-этногр. кружок при Импер. ун-те св. Владимира под рук. проф. М. В. Довнар-Запольского. – Киев, 1914. – С. 167–178.
- Polonskaya N. Stranichka iz istorii kabatskogo dela XVII v. // Yubileinyi sbornik statei / Stud. ist.-etnogr. kruzhok pri Imp. un-te sv. Vladimira pod ruk. prof. M. V. Dovnar-Zapol'skogo. – Kiev, 1914. – S. 167–178.
29. Похлебкин В. В. История водки. – М.: Интер-Версо Междунар. отношения, 1991. – 285 с., [4] л. илл.
- Pokhlebkina V. V. Istoriya vodki. – M.: Inter-Verso Mezhdunar. otnosheniya, 1991. – 285 s., [4] l. il.
30. Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 302 с., [7] л. илл., карт.
- Preobrazhenskii A. A. Ocherki kolonizatsii Zapadnogo Urala v XVII – nachale XVIII v. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. – 302 s., [7] l. il., kart.

31. Привалова Н. И. Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2008. – 110, [2] с., [1] л. портр.
- Privalova N. I. Deloproizvodstvo kasimovskikh kabakov i kruzhechnykh dvorov v XVII veke. – N. Novgorod: Izd-vo Nizhegor. un-ta, 2008. – 110, [2] s., [1] l. portr.
32. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. – СПб.; М.: М. О. Вольф, 1868. – [8], 320 с.
- Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda. – SPb.; M.: M. O. Vol'f, 1868. – [8], 320 s.
33. Раев Д. В. Кружечные дворы Сибири XVII–XVIII вв. в отечественной историографии // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. – Томск, 2003. – С. 71–77.
- Raev D. V. Kruzhechnye dvory Sibiri XVII–XVIII vv. v otechestvennoi istoriografii // Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya Rossii XIII–XX vv. – Tomsk, 2003. – S. 71–77.
34. Саранская таможенная книга за 1692 г. / Под ред. А. И. Яковлева. – Саранск: Морд. гос. изд-во, 1951. – 83 с.
- Saranskaya tamozhennaya kniga za 1692 g. / Pod red. A. I. Yakovleva. – Saransk: Mord. gos. izd-vo, 1951. – 83 s.
35. Смирнов М. И. Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII столетия. Приложение: «Книги Нижегородского кружечного двора 166-го году» // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. – Т. 16, вып. 2. – Н. Новгород, 1913. – С. 1–196, [2] с.
- Smirnov M. I. Nizhegorodskie kazennye kabaki i kruzhechnye dvory XVII stoletiya. Prilozhenie: «Knigi Nizhegorodskogo kruzhechnogo dvora 166-go godu» // Deistviya Nizhegorodskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Sbornik. – T. 16, vyp. 2. – N. Novgorod, 1913. – S. 1–196, [2] s.
36. Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей приват-доцента П. М. Головачева... – М.: А. И. Чукмалдина, 1903. – [3], 166 с., [3] л. илл.
- Tyumen' v XVII stoletii: Sbranie materialov dlya istorii goroda s «Vvedeniem» i zaklyuchitel'noi stat'ei privat-dotsenta P. M. Golovacheva... – M.: A. I. Chukmaldina, 1903. – [3], 166 s., [3] l. il.
37. Филюшкин А. И. Виноделие и «питьеное дело» в Ельце в первой половине XVII века // Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной основателю Липецкого областного краеведческого музея Трунову М. П. – Липецк, 1995. – С. 91–93.
- Filyushkin A. I. Vinodelie i «piteinoe delo» v El'tse v pervoi polovine XVII veka // Tezisy nauchno-kraevedcheskoi konferentsii, posvyashchennoi osnovatelyu Lipetskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya Trunovu M. P. – Lipetsk, 1995. – S. 91–93.
38. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. – Т. 1–2. – Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1949–1957.
- Sherstoboev V. N. Ilimskaya pashnya. – T. 1–2. – Irkutsk: Irkut. kn. izd-vo, 1949–1957.
39. Löfstrand E., Nordquist L. Account of an occupied city: Catalogue of the Novgorod occupation archives 1611–1617. – Ser. 1. – Stockholm, 2005.
40. Nordlander I., Sundberg H. The Novgorod taverns during the Swedish occupation 1611–1617 // Подобаєть пам'ять створити: Essays to the memory of Anders Sjöberg. – Stockholm, 1995. – P. 139–156. – (Stockholm Slavic studies; 24).

# **Razdorskii A. I. The Russian tavern 17 – the first half 18 centuries in the domestic and foreign historiography**

In article in the chronological sequence the review of the main domestic and foreign researches and documentary publications on history of tavern business in Russia is presented to XVII – the first half of the 18th century, published from the middle of the 19th century to our time. The main attention is paid to works which are based on materials of tavern books (books of the pint yards) – the main mass sources on this subject for the specified period, containing information on the range, volumes and turnover of drinkable trade, the prices of alcoholic beverages, size of drinkable profit, etc. Works of I. G. Pryzhov, I. I. Dityatin, N. N. Ogloblin, M. I. Smirnov, N. Polonskaya, N. I. Privalova, M. Ya. Volkov, V. V. Pokhlyobkin, M. B. Bulgakov, D. V. Rayev, Yu. A. Mizis, B. V. Rodionov, T. V. Zhibrova and some other authors are analysed. Degree of study of the drinkable case XVII – the first half of the 18th century in various regions of Russia is shown. Data on quantitative, geographical and chronological structure of the published tavern books are provided.

**Keywords:** Tavern business, drinkable trade, tavern books, taverns, pint yards, historiography, source study

УДК 94(47).084.8 «1941/44»:930

## **НАЦИСТСКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА (1941–1944): ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ<sup>1</sup>**

**Романько О. В.**

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского  
г. Симферополь, Российская Федерация  
E-mail: romanko1976@mail.ru**

Рассматривается современное состояние историографии, изучающей проблему нацистской оккупационной политики на территории Крыма в 1941–1944 годах. На основе анализа литературы, вышедшей с 1950-х годов, определены три основных взгляда на эту проблему: советский, постсоветский и западный. Отмечается, что в силу целого ряда причин наибольший интерес представляют исследования российских и западных авторов, тогда как советские историки практически не обращали внимания на эти события. Показано, что среди тем, которые разрабатывают российские историки, наиболее популярными являются коллаборационизм, нацистская психологическая война на полуострове и оккупационная повседневность крымчан. В исследованиях американских и европейских авторов среди главных сюжетов можно выделить также военно-политический коллаборационизм и проблему Холокоста. Подчеркивается, что, несмотря на то, что Крым определенный период находился в составе Украины, проблема нацистской оккупационной политики на территории полуострова практически не разрабатывалась историками этого государства. В результате проведенного исследования обоснован вывод, что, нацистская оккупационная политика на территории Крыма неоднократно становилась предметом изучения. Однако нельзя сказать, что сейчас есть целостная картина событий, происходивших на территории полуострова в 1941–1944 годах. Многие аспекты этого периода остались вне поля зрения исследователей. Поэтому данная проблема нуждается в дальнейшей разработке. А именно – в расширении сюжетного ряда и привлечении новых источников.

**Ключевые слова:** Вторая мировая война, историография, Крым, нацистская оккупация, коллаборационизм, Холокост.

К концу ноября 1941 года немецко-румынские войска захватили большую часть Крымского полуострова. Начался период оккупации, который продолжался долгие два с половиной года и был весьма насыщен разными интересными событиями. Эти события касались всех сфер жизни оккупированного Крыма, имели разный масштаб и по-разному влияли на жизнь крымчан. В чем-то они были похожи на то, что происходило в других советских регионах, захваченных нацистами. Другие события, наоборот, имели уникальный характер, который позволяет выделить Крымский полуостров на общем фоне реальностей оккупации. Тем не менее, на наш взгляд, историческая наука сделала недостаточно для понимания того, что происходило в Крыму с 1941 по 1944 год.

---

<sup>1</sup>Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943–1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации», проект № 16–21–08001–ОГН.

Безусловно, советская историография освещала нацистскую оккупационную политику на территории СССР много, но крайне односторонне. Как правило, очень подробно изучались темы, связанные с преступлениями оккупантов против мирного населения, экономическим и культурным ограблением захваченных территорий, партизанским движением и т. п. Однако при всем многообразии литературы, посвященной проблемам оккупации, из поля зрения советских исследователей совершенно выпадали или искажались такие аспекты, как национальная политика нацистов, церковное возрождение в оккупированных областях, военный и политический коллаборационизм советских граждан, методы и средства психологической обработки, которым подвергалось население. Даже в таких, казалось бы, разрешенных и хорошо изученных темах, как партизанское и подпольное движение, было далеко не все так, как описывала официальная историография. В этом смысле еще меньше «повезло» Крыму, поскольку за весь послевоенный период и до распада СССР не появилось ни одной комплексной работы о том, что происходило здесь в период оккупации. Эту информацию, причем очень небольшую по объему, можно было почерпнуть из публикаций, где в целом шла речь о нацистском «новом порядке» или где анализировалась история советского партизанского движения. Наконец, оккупационный режим на территории Крыма рассматривался в обобщающих работах по истории полуострова вообще и в годы Великой Отечественной войны в частности. Именно так нацистский «новый порядок» освещается в четвертом томе «Очерков по истории Крыма» [21] и монографии А. В. Басова [4]. Разумеется, этим работам были также присущи черты, о которых речь шла выше.

«Перестройка» и общая либерализация общественно-политической жизни позволили сделать значительный шаг вперед в деле изучения проблем нацистской оккупации. Начиная с 1987 года уже можно говорить о том, что ее события становятся предметом более полного и всестороннего изучения. При этом необходимо отметить следующие тенденции. Появляется новая точка зрения на целый ряд аспектов оккупации, которая серьезно отличается от официальной. Например, на коллаборационизм и межнациональные отношения. Нельзя не сказать, что это происходит под воздействием зарубежной (и в том числе эмигрантской) историографии, многие работы которой стали теперь доступными для советских историков. Еще одним важным толчком для такой идеологической переориентации стало то, что были открыты многие ранее недоступные архивные материалы. Все это привело к существенным методологическим изменениям в изучении проблем оккупации. Наконец, в историографии появляются новые темы, которые ранее советские исследователи обходили своим вниманием. Применительно к истории Крыма 1941–1944 годов такой темой стал Холокост и участие в нем пособников оккупационного режима из числа крымчан. В целом, эти события нашли свое отражение в книге Г. Н. Губенко, которая была опубликована в 1991 году [9].

Направления и тенденции, которые только наметились в поздней советской историографии, получили свое развитие в работах историков стран СНГ. На данный момент в каждой из них имеется своя школа, представители которой, в той или иной степени, разрабатывают проблемы, связанные с историей нацистского

оккупационного режима. В данном случае наибольший интерес представляют работы российских исследователей, которые отличаются тематическим разнообразием, глубиной проработки сюжетов, а также объемом привлеченных архивных материалов. На примере нацистского «нового порядка» на территории Крыма это выглядит следующим образом.

Самой разрабатываемой российскими историками темой является проблема коллаборационизма. В целом, его проявления среди крымчан освещаются под таким углом зрения, который представляет собой вышедшую на качественно новый уровень позднюю советскую историографию. Хотя такой подход и отличается от советского более глубоким знанием предмета, разнообразием сюжетов, использованием архивных материалов и работ зарубежных авторов, такие исследователи рассматривают всех коллаборационистов как предателей, а их деятельность, в целом, считают негативной. Тех же, кто избегает давать идеологические или моральные оценки, значительно меньше. Еще одной особенностью этих исследователей является то, что их интерес обращается главным образом вокруг крымско-татарского коллаборационизма при минимуме внимания к подобным проявлениям в среде других этнических групп.

Как правило, проблема коллаборационизма крымчан разрабатывается такими исследователями в рамках сюжетов, связанных с некоторыми аспектами нацистского оккупационного режима на территории Крыма, Холокостом, борьбой партизан и подпольщиков. Именно об этом идет речь в работах А. Р. Вяткина, А. В. Ефимова, А. В. Мальгина, В. Н. Пашени, С. Н. Ткаченко и И. В. Пыхалова [8; 10; 19; 20; 22; 26].

Значительное место в работах российских авторов уделяется пропагандистской войне, которую вели нацисты на полуострове. Исследуя историю коллаборационистской прессы, крымский автор А. А. Кохан показывает ее основные издания, редакционную и кадровую политику, а также механизмы взаимодействия с оккупантами [14–18]. Если А. А. Кохан занимается прежде всего русскоязычным сегментом нацистской пропаганды, то другой крымский исследователь – Н. В. Яблоновская – показывает роль коллаборационистской прессы в национальной политике оккупантов. В сфере ее интересов находится история создания и деятельности крымско-татарской газеты «Азат Къырым» [33].

Еще одной тематикой, которая активно разрабатывается российскими авторами, прежде всего крымчанами, является история оккупационной повседневности. Так, Д. А. Борисову принадлежит интересная публикация о школьном образовании в Симферополе в 1941–1944 годах [7]. Историей крымско-татарского сценического искусства в условиях «нового порядка» занимается И. А. Заатов [11]. О судьбе музеев и архивов Крыма в годы оккупации идет речь в публикациях С. А. Андросова [1; 2]. Наконец, о некоторых аспектах деятельности Православной церкви в указанный период написано в монографии Ю. А. Катунина [12].

Некоторыми авторами предпринимаются попытки дать обобщенный анализ истории нацистской оккупации на территории Крыма. В. Е. Поляков попытался сделать это в работах, посвященных партизанскому движению на полуострове. Однако его монографии нельзя признать удачными. Автор совершенно не умеет



работать с историческими источниками, не владеет научной методологией, а целый ряд приведенных им фактов является обыкновенной фальсификацией [23–25].

Несмотря на то, что Крым долгое время находился в составе Украины, его история в годы Великой Отечественной войны так и не стала приоритетной для историков этого государства. Как правило, события оккупации не подробно рассматриваются в работах общего характера или в публикациях, посвященных депортациям 1944 года. Примером такого подхода могут служить монографии и публикации Я. Антонюка, Г. Т. Бекировой, Е. Е. Бойцовой, Н. И. Кирюшко и В. А. Шайкан [3; 5; 6; 13; 32].

Некоторые аспекты нацистского «нового порядка» на территории Крыма анализируются украинскими авторами в исследованиях, посвященных Холокосту. В данном случае необходимо выделить работы историка М. И. Тягло, который в своих публикациях подробно рассмотрел события, связанные с уничтожением евреев, крымчаков и цыган [27–31; 48].

Западные историки начали изучать проблемы нацистской оккупации довольно рано. Начиная с 1940-х годов, когда советские авторы только подходили к этой теме, западноевропейские и американские исследователи уже активно работали над ней. В отличие от своих советских коллег, западные историки имели возможность свободно пользоваться архивными источниками, воспоминаниями переживших оккупацию, беседовать и интервьюировать как рядовых коллаборационистов, так и лидеров национальных движений, которые после окончания войны обосновались в Западной Европе и Америке. Наконец, они могли просто свободно высказывать свою точку зрения на данную проблему. Однако несмотря на такие благоприятные условия, и у западных историков имелись свои трудности, связанные, например, с подбором неопубликованных источников. По понятным причинам им был закрыт доступ в советские архивы. Еще одним препятствием для объективного изучения темы можно назвать политическую ангажированность многих авторов, вовлеченных в идеологическое противостояние «холодной войны». Последнее утверждение объясняет главный тезис многих западных историков, рассматривающих некоторые события на оккупированных советских территориях как гражданскую войну или как освободительное движение. Прежде всего это касается проблемы коллаборационизма.

В западной историографии одним из первых тему оккупации поднял американский историк А. Даллин. В своей фундаментальной монографии «Немецкая власть в России 1941–1945» он самым подробным образом рассмотрел и проанализировал практически все аспекты нацистской «восточной политики». Используя при написании своего исследования трофейные немецкие документы, автор пришел к целому ряду выводов, актуальность которых не вызывает сомнений даже сейчас. Например, он обнаружил значительные противоречия между различными ветвями германского военно-политического руководства в их борьбе за осуществление «восточной политики», влияние на оккупированных территориях и по отношению к народам СССР. Проблеме коллаборационизма советских граждан в книге Даллина посвящен специальный раздел – «Политическая война», в котором он рассматривает попытки некоторых немецких органов власти использовать в своих

целях антисоветские настроения на оккупированных территориях. Следует отметить, что Даллин, анализируя феномен сотрудничества советских граждан с нацистским военно-политическим руководством, уделяет внимание только наиболее значимым его проявлениям. Это, на его взгляд, власовское движение и национально-освободительные движения украинцев, казаков и кавказских народов. Событиям оккупации на территории Крыма и коллаборационизму местного населения отведено значительно меньше места. По сути, Даллин явился родоначальником целого направления в западной историографии, посвященной проблемам оккупации. Затрагивая в той или иной степени эту проблему, его представители ввели в научный оборот целый ряд тезисов. Например, наиболее популярными среди них являются утверждения о «потерянном русском шансе», наличии среди коллаборационистов так называемой «третьей силы», выступавшей как против коммунистов, так и против нацистов, «неразумной оккупационной политике Гитлера» и некоторые другие [35].

Необходимо подчеркнуть, что работы Даллина и его последователей не являлись, конечно, специальными исследованиями по истории нацистского оккупационного режима на территории Крыма. Тем не менее их методология наложила значительный отпечаток на все последующие работы по этой теме, которые стали появляться с 1950-х годов, и определила основные ее направления. В целом, история «нового порядка» на оккупированном полуострове изучается в рамках следующих тем: нацистский оккупационный аппарат, Холокост и вообще проблема уничтожения мирного населения, коллаборационизм, антипартизанская война, экономическая политика и этноконфессиональные отношения. Эти темы нашли свое отражение в публикациях прежде всего немецких историков: А. Ангрика, Г. Зимон, Н. Кунц, М. Лютера, П. Мюлена, М. Ольденбурга, К. Рота и Й.-П. Абрахама [34; 38; 40; 42; 45–47].

Проблема Холокоста на территории Крыма и Северного Кавказа также нашла свое отражение в монографии израильского исследователя К. Фефермана. Используя сравнительный анализ, он показывает сходства и различия нацистской политики по «окончательному решению еврейского вопроса» в этих двух советских регионах. При этом значительное внимание уделяется реакции местного населения на уничтожение евреев, крымчаков (Крым) и татов (Северный Кавказ) – от помощи жертвам до содействия в нацистских преступлениях [36].

Нельзя не отметить, что все вышеуказанные аспекты тесно переплетаются между собой. Этот факт обусловил появление обобщающих работ по истории Крыма в период нацистской оккупации. В данном случае к числу таких комплексных исследований следует отнести монографию немецкого историка Н. Кунца «Крым под немецким господством (1941–1944)». Несмотря на указанный обобщающий замысел, работа этого автора интересна прежде всего с точки зрения нацистских планов на Крымский полуостров и некоторых аспектов оккупационной повседневности местного населения. Тогда как проблема военно-политического коллаборационизма в ней изложена крайне схематично [39].

Западная историография имеет специальное направление, авторы которого занимаются историей так называемых «восточных» частей, созданных нацистами из числа советских граждан. В данном случае особый интерес вызывают работы, где

идет речь о коллаборационистских формированиях, укомплектованных крымчанами. История создания и использования этих формирований рассматривается только в контексте общей истории советского военного коллаборационизма. Еще одной особенностью является то, что, как правило, речь в этих работах идет только о крымско-татарских коллаборационистских частях. В данном случае наиболее интересными являются монографии немецкого автора Й. Хоффманна и американцев Д. Мотадела и А. Муньоса [37; 41; 43; 44].

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет сделать вывод, что история Крымского полуострова в период нацистской оккупации уже неоднократно становилась предметом исторических исследований. Тем не менее нельзя сказать, что благодаря этим исследованиям можно составить целостную картину событий, происходивших на территории Крыма в 1941–1944 годах. Многие аспекты этого периода так и не дождались своих авторов. И поэтому исторической науке предстоит ответить еще на значительное количество вопросов.

### Список использованных источников и литературы

1. Андросов С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 6–7. – С. 171–180.  
Androsov S. A. Muzei Kryma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2004. – № 6–7. – S. 171–180.
2. Андросов С. А. Архивы Крыма в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 8. – С. 116–122.  
Androsov S. A. Arhivy Kryma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2004. – № 8. – S. 116–122.
3. Антонюк Я. Тризуб и Тамга: взаємини підпілля ОУН(б) і кримських татар // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії / під ред. В. А. Смолія. – Київ, 2014. – С. 458–464.  
Antonjuk Ja. Tryzub i Tamga: vzajemyny pidpillja OUN(b) i krims'kyh tatar // Krym vid antychnosti do s'ogodennja: Istorychni studiji / pid red. V. A. Smolija. – Kyjiv, 2014. – S. 458–464.
4. Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. – М.: Наука, 1987. – 335 с.  
Basov A. V. Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945. – M.: Nauka, 1987. – 335 s.
5. Бекирова Г. Т. Крым и крымские татары в XIX–XX вв.: Сб. статей. – М.: Б. и., 2005. – 293 с.  
Bekirova G. T. Krym i krymskie tatary v XIX–XX vv.: Sb. statej. – M.: B. i., 2005. – 293 s.
6. Бекирова Г. Т. Крымские татары. 1941–1991 (Опыт политической истории). – Симферополь: Тезис, 2008. – 480 с.  
Bekirova G. T. Krymskie tatary. 1941–1991 (Opyt politicheskoi istorii). – Simferopol': Tezis, 2008. – 480 s.
7. Борисов Д. А. Школьное образование в оккупированном Симферополе 1941–1944 гг. // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 3–4. – С. 80–86.  
Borisov D. A. Shkol'noe obrazovanie v okkupirovannom Simferopole 1941–1944 gg. // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2004. – № 3–4. – S. 80–86.
8. Вяткин А. Р. Немецкая оккупация и крымские татары в 1941–1944 // Восток. – 2005. – № 4. – С. 36–54.  
Vjatin A. R. Nemeckaja okkupacija i krymskie tatary v 1941–1944 // Vostok. – 2005. – № 4. – S. 36–54.
9. Губенко Г. Н. Книга Печали. – Симферополь: Редотдел Крымского управления по печати, 1991. – 191 с.  
Gubenko G. N. Kniga Pechali. – Simferopol': Redotdel Krymskogo upravlenija po pečati, 1991. – 191 s.
10. Ефимов А. В. Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941–1944 гг. // Профи. – 1999. – № 6–7. – С. 16–20.

- Efimov A. V. Nekotorye aspekty germanskoj okkupacionnoj politiki v otnoshenii krymskih tatar v 1941–1944 gg. // Profi. – 1999. – № 6–7. – S. 16–20.
11. Заатов И. А. Крымскотатарское сценическое искусство в материалах архивов и оккупационной прессы 1941–1944 гг. – Симферополь: Доля, 2015. – 348 с.
- Zaotov I. A. Krymskotatarskoe scenicheskoe iskusstvo v materialah arhivov i okkupacionnoj pressy 1941–1944 gg. – Simferopol': Dolja, 2015. – 348 s.
12. Катунин Ю. А. Русская православная церковь в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). – Симферополь: Пирамида Крым, 2000. – 120 с.
- Katunin Ju. A. Russkaja pravoslavnaja cerkov' v gody Vtoroj mirovoj vojny (1939–1945 gg.). – Simferopol': Pirmida Krym, 2000. – 120 s.
13. Кирюшко М. И., Бойцова О. Е. Ислам в Крыму: релігійно-національна самоідентифікація кримськотатарського народу. – Київ: Світогляд, 2005. – 300 с.
- Kirjushko M. I., Bojцова O. Je. Islam v Krymu: religijno-nacional'na samoidentifikacija krims'kotatars'kogo narodu. – Kyjiv: Svitogljad, 2005. – 300 s.
14. Кохан А. А. Структура и основные направления деятельности Штаба пропаганды «Крым»: 1942–1944 гг. // Историчні і політологічні дослідження. Збірник наукових праць. – 2008. – № 3–4. – С. 91–97.
- Kohan A. A. Struktura i osnovnye napravlenija dejatel'nosti Shtaba propagandy Krym: 1942–1944 gg. // Istorychni i politologichni doslidzhennja. Zbirnyk naukovykh prac'. – 2008. – № 3–4. – S. 91–97.
15. Кохан А. А. Газета «Голос Крыма» в структуре органов немецкой пропаганды: 1941–1944 гг. // Историчні і політологічні дослідження. Збірник наукових праць. – 2010. – № 3–4. – С. 230–236.
- Kohan A. A. Gazeta «Golos Kryma» v strukture organov nemeckoj propagandy: 1941–1944 gg. // Istorychni i politologichni doslidzhennja. Zbirnyk naukovykh prac'. – 2010. – № 3–4. – S. 230–236.
16. Кохан А. А. Административное управление в Крыму в период немецкой оккупации (1941–1944) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2011. – Т. 24. – № 1. – С. 51–59.
- Kohan A. A. Administrativnoe upravlenie v Krymu v period nemeckoj okkupacii (1941–1944) // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki». – 2011. – T. 24. – № 1. – S. 51–59.
17. Кохан А. А. «Современник» 1943 года: к вопросу о деятельности редакционной коллегии и подбору опубликованных материалов // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2013. – Т. 26. – № 2. – С. 34–44.
- Kohan A. A. «Sovremennik» 1943 goda: k voprosu o dejatel'nosti redakcionnoj kolegii i podboru opublikovannykh materialov // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki». – 2013. – T. 26. – № 2. – S. 34–44.
18. Кохан А. А. Мусульманские комитеты Крыма в системе немецкой пропаганды // Культурное наследие России. – 2018. – № 2. – С. 66–73.
- Kohan A. A. Musul'manskije komitety Kryma v sisteme nemeckoj propagandy // Kul'turnoe nasledie Rossii. – 2018. – № 2. – S. 66–73.
19. Крым 1944. Весна освобождения / авт.-сост. С. Н. Ткаченко. – М.: Вече, 2014. – 512 с.
- Krym 1944. Vesna osvobozhdenija / avt.-sost. S. N. Tkachenko. – M.: Veche, 2014. – 512 s.
20. Мальгин А. В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941–1944. – Симферополь: Сонат, 2008. – 188 с.
- Mal'gin A. V. Partizanskoe dvizhenie Kryma i «tatarskij vopros». 1941–1944. – Simferopol': Sonat, 2008. – 188 s.
21. Очерки по истории Крыма: В 4 ч. / под общ. ред. И. С. Чирвы. – Симферополь: Крым, 1967. – Ч. 4. – 320 с.
- Ocherki po istorii Kryma: V 4 ch. / pod obshh. red. I. S. Chirvy. – Simferopol': Krym, 1967. – Ch. 4. – 320 s.
22. Пашеня В. Н., Пашеня Е. В. Крымская АССР в годы II-й Мировой войны (1939–1945). – Симферополь: ДИАЙПИ, 2009. – 376 с.
- Pashhenja V. N., Pashhenja E. V. Krymskaja ASSR v gody II-j Mirovoj vojny (1939–1945). – Simferopol': DIAJPI, 2009. – 376 s.

23. Поляков В. Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». – М.: Яуза, 2009. – 384 с.  
Poljakov V. E. Strashnaja pravda o Velikoj Otechestvennoj. Partizany bez grifa «Sekretno». – М.: Jauza, 2009. – 384 s.
24. Поляков В. Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». – М.: Яуза-пресс, 2011. – 488 с.  
Poljakov V. E. Strashnaja pravda o Velikoj Otechestvennoj. Partizany bez grifa «Sekretno». – М.: Jauza-press, 2011. – 488 s.
25. Поляков В. Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. – Симферополь: АРИАЛ, 2013. – 488 с.  
Poljakov V. E. Partizanskoe dvizhenie v Krymu 1941–1944 gg. – Simferopol': ARIAL, 2013. – 488 s.
26. Пыхалов И. В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? – М.: Яуза-пресс, 2008. – 480 с.  
Pyhalov I. V. Za chto Stalin vyseljal narody? Stalinskie deportacii – prestupnyj proizvol ili spravedlivoe vozmezdije? – М.: Jauza-press, 2008. – 480 s.
27. Тяглый М. И. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова, 1941–1944: Справочник. – Симферополь: Хесед Шимон, 2005. – 120 с.  
Tyaglyy M. I. Mesta massovogo unichtozhenija evreev Kryma v period nacistskoj okkupacii poluostrova, 1941–1944: Spravochnik. – Simferopol': Hesed Shimon, 2005. – 120 s.
28. Тяглый М. И. Еврейские комитеты в оккупированном нацистами Крыму: постановка проблемы // Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 46. – С. 160–168.  
Tyaglyy M. I. Evrejskie komitety v okkupirovannom nacistami Krymu: postanovka problemy // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2003. – № 46. – S. 160–168.
29. Тяглый М. И. Антисемитская доктрина и ее место в пропагандистской модели, реализованной нацистами в оккупированном Крыму // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 5. – С. 180–202.  
Tyaglyy M. I. Antisemitskaja doktrina i ee mesto v propagandistskoj modeli, realizovannoj nacistami v okkupirovannom Krymu // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2004. – № 5. – S. 180–202.
30. Тяглый М. И. Противостояние евреев Крыма нацистскому геноциду (1941–1944) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 66. – С. 64–74.  
Tyaglyy M. I. Protivostojanie evreev Kryma nacistskomu genocidu (1941–1944) // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2005. – № 66. – S. 64–74.
31. Тяглый М. И. Антисемитская доктрина на страницах крымско-татарской газеты «Азат Кърым» (1942–1944) // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. – Київ, 2006. – Вип. 31. – С. 132–151.  
Tyaglyy M. I. Antisemitskaja doktrina na stranicah krymsko-tatarskoj gazety «Azat Krym» (1942–1944) // Naukovi zapysky Instytutu politychnih i etnonacional'nyh doslidzhen' im. I. F. Kurasa NAN Ukrainy. – Kijiv, 2006. – Vyp. 31. – S. 132–151.
32. Шайкан В. О. Коллаборационизм на території рейхскомісаріату «Україна» та військової зони в період Другої світової війни. – Кривий Ріг: Мінерал, 2005. – 468 с.  
Shajkan V. O. Kolaboracionizm na terytoriji rejhskomisariatu «Ukrajina» ta vijs'kovoji zony v period Drugoji svitovoji vijny. – Kryvyj Rig: Mineral, 2005. – 468 s.
33. Яблоновская Н. В. Проблема крымскотатарского национального возрождения на страницах газеты «Азат Кърым» (1942–1944) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 62. – С. 107–110.  
Jablonovskaja N. V. Problema krymskotatarskogo nacional'nogo vozrozhdenija na stranicah gazety «Azat Krym» (1942–1944) // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2005. – № 62. – S. 107–110.
34. Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord: die Einsatzgruppe D in der südlicher Sowjetunion 1941–1943. – Hamburg: Hamburger Edition, 2003. – 795 s.
35. Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of occupation policies. – London: Macmillan, 1957. – 695 p.
36. Feferman K. The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. – Jerusalem: Yad Vashem, 2016. – 540 p.
37. Hoffmann J. Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutsche Heer. – Freiburg: Rombach, 1976. – 197 s.

38. Kunz N. Die Feld- und Ortskommandanturen auf der Krim und der Judenmord 1941/42 // Täter im Vernichtungskrieg. Der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. – Berlin, 2002. – S. 54–70.
39. Kunz N. Die Krim unter deutscher Herrschaft (1941–1944). Germanisierungsutopie und Besatzungsrealität. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005. – 434 s.
40. Luther M. Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg // Forschungen zur Osteuropäische Geschichte. – 1956. – Bd. 3. – S. 28–98.
41. Motadel D. Islam and Nazi Germany's war. – Cambridge, Ma: Harvard University Press, 2014. – 500 p.
42. Mühlén P. v. zur. Zwischen hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. – 256 s.
43. Munoz A. J. Forgotten Legions: Obskure Combat Formations of the Waffen-SS. – New York: Axis Europa, 1991. – 405 p.
44. Munoz A. J., Romanko O. V. The East Came West: Muslim, Hindu, and Buddhist Volunteers in the German Armed Forces, 1941–1945. – New York: Axis Europa, 2002. – 332 p.
45. Oldenburg M. Ideologie und militärisches Kalkül. Die Besatzungspolitik der Wehrmacht in der Sowjetunion 1942. – Köln: Böhlau Verlag, 2004. – 365 s.
46. Roth K., Abraham J.-P. Reetsma auf der Krim. Tabakproduktion und Zwangsarbeit unter deutschen Besatzungsherrschaft 1941–1944. – Hamburg: Nautilus, 2011. – 574 s.
47. Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion: von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. – Baden-Baden: Nomos, 1986. – 486 s.
48. Tyaglyy M. Were the «Chingené» Victims of the Holocaust? Nazi Policy toward the Crimean Roma, 1941–1944 // Holocaust and Genocide Studies. – 2009. – Vol. 23. – Issue 1. – P. 26–53.

**Romanko O. V. Nazi occupation policy in the Crimea (1941–1944): historiography of the problem**

This article discusses the current state of historiography, which studies the problem of Nazi occupation policy in the Crimea in 1941–1944. Based on the analysis of literature published since the 1950s, three main views on this problem are identified: Soviet, post-Soviet and Western. It is noted that for a number of reasons, the most interesting are the studies of Russian and Western authors, while Soviet historians almost did not pay attention to these events. It is shown that among the topics developed by Russian historians, the most popular are collaboration, Nazi psychological war in the Crimea and the occupation daily life of the Crimeans. In studies of American and European authors among the main subjects can be identified as military-political collaborationism and the problem of the Holocaust. It is emphasized that, despite the fact that Crimea was part of Ukraine for a certain period, the problem of Nazi occupation policy here was practically not developed by historians of this state. As a result of the research, a substantiated conclusion that Nazi occupation policy in the Crimea has repeatedly become the subject of study. However, we cannot say that now there is a complete picture of the events that took place here in 1941–1944. Many aspects of this period remained out of the field of view of researchers. Therefore, this problem needs further development. Namely: in enlargement of a topic row and attraction of new sources.

**Keywords:** World War II, historiography, Crimea, Nazi occupation, collaboration, Holocaust.

УДК 902/908(47)КРЫМ

## ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В 1783–1960-Е ГГ.<sup>1</sup>

*Смекалова Т. Н.*

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,  
г. Симферополь, Российская Федерация  
E-mail: tnsmek@mail.ru*

Античная система межевания на ближней хоре Херсонеса Таврического является важнейшим археологическим источником по экономической, социальной и политической истории раннего демократического государства. Значимость этого памятника была признана мировым научным сообществом: с 2013 г. Херсонес и его сельская территория вошли в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО. Еще в начале и середине XX в. остатки древнегреческой межевой системы на Гераклеяском и Маячном полуостровах были уникальными по своей сохранности для всего средиземноморско-черноморского региона. В настоящее время этот эталонный памятник в значительной степени уничтожен в ходе военно-хозяйственного освоения и роста города Севастополя. Поэтому в наши дни одним из важнейших источников для изучения системы древнего межевания хоры античного Херсонеса являются архивные данные о проводившихся здесь до 1960-х гг. полевых археологических исследованиях, топографической фиксации земельных наделов и усадеб, картографировании.

**Ключевые слова:** Херсонес Таврический, Гераклеяский полуостров, хора, античная система межевания, история исследования ближней хоры.

К счастью для науки, важность изучения остатков древней межевой системы была понята уже давно, и начальная картографическая фиксация древнего культурного ландшафта Гераклеяского полуострова была проведена сразу же после присоединения Крыма к России. В конце 1773 г. три корабля Азовской флотилии зимовали в Балаклаве. Командир эскадры Кинсберген использовал это время зимы для организации топографических съемок новых земель, которые проводились во главе со штурманом Иваном Батуриным. Итогом этих работ в числе прочих была «Карта Ахтиарской гавани с промером берегов от устья Черного моря, вокруг оной гавани до города Инкермана и с положением оного по мере и инструменту с профилем г. Инкерман» (Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 1331, оп. 4, д. 428, л. 1-2). Помимо чисто топографических подробностей, на его карте имеются «археологические достопримечательности», разыскивать и описывать которые было предложено командованию русских судов, появившихся на Черном море [3, с. 200–201]. Так, на этой карте достаточно точно показаны херсонесские боевые стены, а на приложенной виньете был дан вид всего городища (рис. 1).

---

<sup>1</sup> Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ-а № 18-09-00134-а «Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического по данным письменных источников, исторической картографии, дистанционных, геофизических и геоинформационных методов».



*Рис. 1. Вид на Херсонес. Увеличенная часть карты Ахтиарской гавани, составленной «штурманом ранга прапорщика Иваном Батуриным» 1773 г. Из собрания РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 428, л. 1–2*

Если на двух ранних картах – «Ахтырской гавани... от мыса Херсона до устья р. Бельбек» 1783 г. и «Плане в Крымском полуострове Ахтырской гавани с округе лежащем местоположением» 1785 г. – показаны только границы развалин древнего Херсонеса, то очень скоро ситуация меняется.

По приказу Г. А. Потемкина началось комплексное научное изучение новых земель. В 1786 г. топографом 2 класса Пепелевым под руководством путешественника-естествоиспытателя, члена-корреспондента Петербургской Академии наук К. И. Габлица была создана первая в мировой науке тематическая историко-археологическая карта, отображающая хорошо видимые тогда остатки загородных усадеб и античной межевой системы (рис. 2) [22, с. 485–487, рис. 137]. Фактически, это наиболее ранний пример комплексного экосистемного подхода эпохи Просвещения, когда объекты природы и старины картографически зафиксированы как единое целое. План Пепелева был затем скопирован Ананием Строковым и опубликован В. Д. Блаватским [4, с. 36–37], который тем самым ввел его в современный научный оборот [24, с. 16]. Этот план по сей день используется учеными по всему миру как основной и классический источник по изучению пространственной организации античного полиса и его хоры (рис. 3).

Хлынувшие в Тавриду после ее присоединения к России ученые и любопытствующие путешественники оставили многочисленные заметки о херсонесских наделах, но никакие из последующих карт и схем XVIII века округа Херсонеса не могут сравниться по полноте и информативности с первым подробным планом Херсонесской межевой системы 1786 г. Схематический план древних дорог и следов стен на Маячном п-ве оставили в 1794 г. ученый-энциклопедист, академик П. С. Паллас и английский путешественник Э. Д. Кларк. Однако чертеж Маячного п-ва, сделанный ими и помещенный в картуше перед главой в книге Э. Д. Кларка [26], и сопутствующее краткое описание не обладают необходимой точностью, достоверностью, детальностью и информативностью.

Зато эти качества в гораздо большей степени присущи плану Херсонесской хоры начала 1830-х гг., составленному швейцарским натуралистом Фредериком Дюбуа де Монпере (рис. 4), на котором отмечены основные линии дорог, а также впервые – внутренняя структура некоторых участков (рис. 5). Исследователь провел на Гераклеяском п-ве около двух месяцев, во время которых спешил сделать зарисовки



усадеб и отдельных античных объектов на хоре, стремительно исчезающих из-за строительства города Севастополя. Как установил А. Н. Щеглов, Дюбуа де Монпере использовал карту из атласа Манганари в качестве топографической основы для нанесения археологических объектов. По сравнению с планом 1786 г. план Дюбуа де Монпере отличается большей детализацией археологических объектов, но меньшей точностью линейных и угловых измерений [23]. Хотя трассы межевых дорог на этом плане не всегда совпадают с действительностью, оставленные исследователем чертежи чрезвычайно важны как достоверные свидетельства об исчезающих или уже погибших античных руинах [22, с. 491–494]. Исследования Дюбуа де Монпере на херсонесской хоре были изданы в 5 и 6 томах его книги о путешествиях на Кавказ и в Крым, а также в виде роскошного атласа, который был выпущен в Невшателе, в Швейцарии при финансовой поддержке русского правительства и лично Николая I [27]. План Гераклеийского п-ва Дюбуа де Монпере был много раз повторен в разных изданиях, в том числе использован в английской карте 1855 г. времен Крымской войны. Г. М. Николаенко удалось локализовать на местности усадьбы, зачерченные Дюбуа де Монпере в его путевом дневнике 1833 г. и приведенные затем в его атласе [14; 15, с. 88, 90, 93, 110, 116, 123, 124, 140, 144, 147].



Рис. 2. «План развалинам древнего Херсона... Сочинения 1786 г. Чертил топограф 2-го класса Пепелев», 1786 г. С подписью К. И. Габлица. Из собрания Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 22741, л. 1

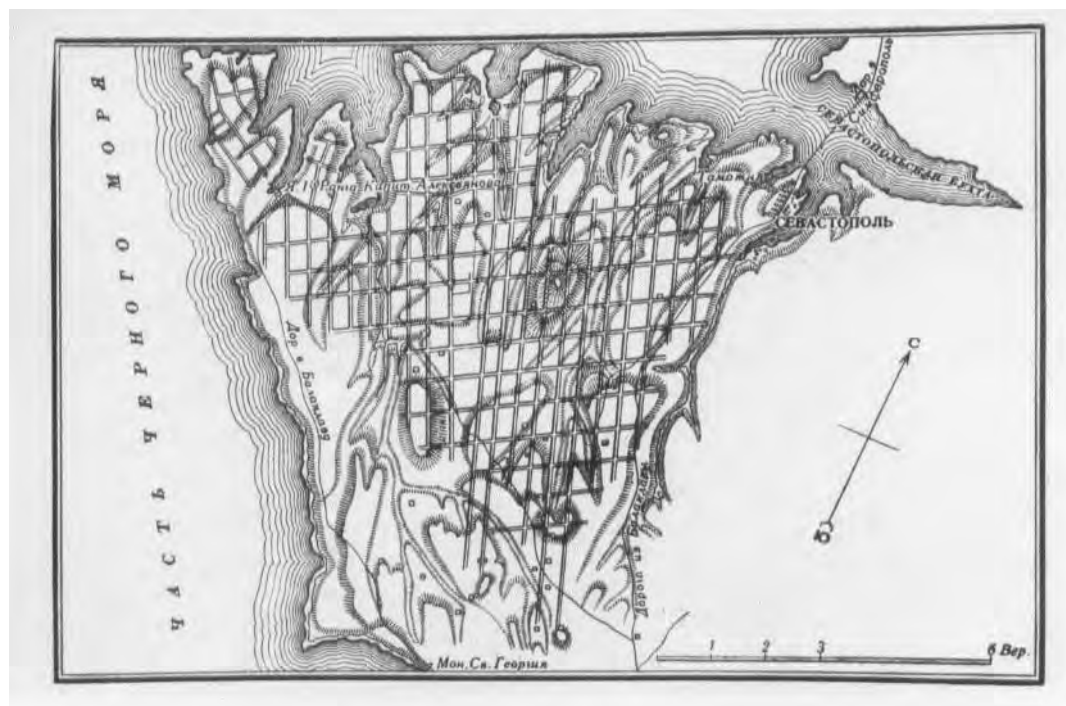


Рис. 3. План Пепелева, скопированный Ананием Строковым и опубликованный В. Д. Блаватским [4, с. 36–37]

Новым этапом исследования ближней хоры Херсонеса стало создание детального плана следов античной межевой системы на точной инструментальной топографической основе. Ровно через сто лет после появления схемы Пепелева, в 1886 г., была создана полуверстовая карта Крыма (масштаб 1:21 000) в рамках передовой для своего времени мензульной геодезической съемки, проводимой Военно-топографическим бюро по всей Европейской части Российской Империи. В Крыму геодезические работы начались в 1886 г., и именно с Севастополя. Благодаря инициативе А. Л. Бертье-Делагарда (рис. 6), военный топограф, титулярный советник Тяпин, проводивший съемку на Гераклею п-ве, нанес на карту видимые на поверхности древние стены земельных наделов. Однако это коснулось не всех листов карты, отражающих «План Севастополя и его окрестностей», а только западной и юго-восточной частей Гераклею п-ва (рис. 7). Благодаря помещению на полуверстовую карту, схема земельных наделов получила точную топографическую привязку. При последующих отпечатках этой карты для нужд армии в масштабе 1 верста в 1 английском дюйме (1:42 000) вся археологическая нагрузка была с нее снята, поэтому следы древней межевой системы остались только на архивных экземплярах полуверстовой карты, хранящихся в РГВИА (ф. 418, оп. 1, д. 748). Вновь — и уже в последний раз — границы древних полей появляются на топографических картах масштаба 1:25 000 в 1957 г. и масштаба 1:10 000 в 1972 г.



*Рис. 4. Дюбуа де Монпере (1798–1850).*

В 1890–1891 гг. была найдена знаменитая херсонесская присяга (по образному выражению Ю. Г. Виноградова, «жемчужина причерноморской эпиграфики»), коренным образом изменившая представления об истории всего дорийского полиса (IosPE I<sup>2</sup>, 401) (рис. 8). Она была обнаружена на центральной площади города, около Владимирского собора (верхняя и нижняя части – в 1890 и 1891 гг., небольшой фрагмент – в 1899 г.) и оперативно опубликована В. В. Латышевым уже в следующем году после счастливой находки [12, с. 9–11]. Присягу многократно переиздавали и комментировали в отечественной и зарубежной литературе. По мнению большинства исследователей, она датируется началом III в. до н. э.

Примерно в это же время была найдена другая важнейшая надпись, относящаяся к истории херсонесской хоры, так называемая надпись о продаже или аренде земли (IosPE I<sup>2</sup>, 403). Первая публикация основной надписи была сделана В. В. Латышевым в 1892 г. [12]. Наиболее крупный фрагмент (а) надписи, высеченной на обеих сторонах мраморной плиты, был найден в 1890 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем на площади около строящегося Владимирского собора и с тех пор хранится в Херсонесском музее. Небольшой фрагмент (b), отнесенный В. В. Латышевым к этому же документу, найденный в 1879 г., находился сначала в Одесском музее, а затем в 1965 г. был передан в Херсонесский музей для воссоединения с основным фрагментом надписи. В 1983 г. С. Г. Рыжов в том же районе Херсонеса, в квартале IX, помещении 10, нашел еще два небольших фрагмента (с и d) от той же плиты [19, с. 79, 80], которые соединились с ранее найденными (рис. 9). Тогда же в засыпи подвала дома 16 был найден еще один фрагмент сходной по смыслу и шрифту надписи, но выбитой на другом камне [19, с. 79, 80].



Рис. 5. План кадастра Херсонеса Таврического, приведенный в Атласе Дюбуа де Монпере. [no: 27, Planshe XX]

В 1902 г. Ф. Ф. Соколов, рецензент *IosPE* <sup>1</sup> В. В. Латышева, в связи с частым повторением гапаксного термина «гекаторюг» в этой надписи предложил правильную и принятую в настоящие дни трактовку этого термина как названия модульного участка, обозначающего единицу измерения площади, подобного гектару. Однако Ф. Ф. Соколов неверно считал, что в нем было 10000 кв. локтей [18, с. 225–231]. На самом деле *гекаторюг* – это квадрат со стороной в сто оргий, который был единичным гражданским земельным наделом на хоре Херсонеса [17, с. 315–321].

Маячный п-в, на котором была зафиксирована наиболее ранняя межевая система Херсонеса, стал объектом пристального внимания исследователей и остается им до сих пор. По рекомендации М. И. Ростовцева, признающего огромную значимость этого открытия для всего Средиземноморья и Причерноморья, здесь в 1910–1912 гг. были проведены детальные топосъемки сохранившихся земельных участков. Полуверстовая карта 1886 г. послужила основой для первого специального археологического плана Маячного п-ва, выполненного артиллерийским офицером Н. М. Печенкиным (1871–1918?) (рис. 10) совместно с архитектором

<sup>1</sup> Гапакс (греч. ἁπλᾶς λεγόμενον – «только раз названное») – слово, встретившееся в некотором корпусе текстов только один раз.



С. С. Некрасовым в 1905–1911 гг. Несмотря на то, что план этот оказался несколько неточным [23, с. 16], он вошел во многие последующие научные работы, посвященные начальному периоду размежевания херсонесской хоры [2, с. 36, рис. 5; 4, с. 42, рис. 15; 5, с. 49, рис. 18; 20, рис. 2а; 24, с. 17; 25, с. 12–16, рис. 3, 6].



*Рис. 6. Александр Львович Бертье-Делагард (1842–1920).*

На основе чертежа трех равных по площади земельных наделов в западной части Маячного п-ва в районе раскапываемой усадьбы № 4, выполненного С. С. Некрасовым, Н. М. Печенкину впервые в античной археологии удалось правильно выявить греческий стандартный земельный участок, равный примерно 4,5 га.

Эти исследования были продолжены Л. А. Моисеевым (1882–1946) (рис. 11), который сверил карту Пепелева, планы из атласа Дюбуа де Монпере и съемку археологических объектов Тяпина. В 1927 г. Л. А. Моисеев провел работы по дополнению плана Пепелева в южной части хоры и по проверке карты Дюбуа де Монпере в районе Карантинной балки. Л. А. Моисеевым был составлен детальный план земельных участков между балками Верхне-Юхариной и Бермана на основе полуверстовой карты 1886 г. съемки Тяпина (Архив ГИКЗ ХТ, д. 1576, л. 7–8, л. 28). Л. А. Моисеев изучал водоснабжение Херсонеса и оставил схему расположения керамических водопроводов на хоре [13]. Именно Л. А. Моисееву принадлежит честь открытия и графической фиксации основного стандартного земельного участка на хоре Херсонеса, заключенного между продольными и поперечными дорогами,

равного 200х300 саж. (420х630 м), площадью 26,5 га (Архив ИИМК РАН, д. 1928, л. 6) [20, с. 20; 22, с. 497].

Говоря об истории изучения хоры Херсонеса, нельзя обойти вниманием деятельность Севастопольского музея краеведения, который был основан при общеобразовательном техникуме им. М. В. Ломоносова Народного комиссариата просвещения Севастополя в сентябре 1923 г. Создателями музея являлись преподаватель истории П. П. Бабенчиков (1882–1947) (рис. 12), преподаватель литературы В. П. Бабенчиков (1885–1974) и преподаватель физиологии Ю. П. Твердохлебов [1, с. 25–26].



*Рис. 7. «План Севастополя и его окрестностей», съемка военного топографа, титулярного советника Тяпина, 1886 г. Из собрания РГВИА, ф. 418, оп. 1, д. 748.*

В задачи музея входили систематическое обследование и регистрация археологических памятников Гераклейского п-ва в виде «башен» (остатков древних усадеб), селищ, пещер и т. д. В течение ряда лет до 1930 г. заведующий музеем П. П. Бабенчиков с молодыми работниками (рис. 13) провел до 40 маршрутов по обследованию памятников Гераклейского п-ва. Было зарегистрировано и измерено свыше 80-ти античных усадеб, составлен археологический план Гераклейского п-ва с нанесением обнаруженных памятников. В детальных осмотрах сельской периферии Херсонеса со стороны Херсонесского музея принимали участие его директор К. Э. Гриневич и сотрудники Г. Д. Белов и Н. М. Янышев. Коллекция фотоснимков,

исполненных в основном П. П. Бабенчиковым, поступила в фотоархив Херсонесского музея. Собранный фактический и графический материал позволил К. Э. Гриневицу поставить вопрос о новых раскопках на полуострове. Кадры Севастопольского музея краеведения пополнялись местной молодежью, работающей с подлинным энтузиазмом. Среди них были братья Е. В. и Б. В. Веймарны, С. Ф. Стржелецкий [1, с. 25–33].

Детальная топографическая фиксация античных земельных наделов продолжалась и в 1930-е гг. В 1931 г. в экспедиции К. Э. Гриневича (1891–1970) (рис. 14) архитектором П. С. Касаткиным был составлен план группы земельных участков на территории, прилегающей к Херсонесскому мысу [6].

В 1932 г. сотрудник Государственного Херсонесского музея Н. М. Янышев (1859–1938) (рис. 15) составил два схематических плана Гераклеяского п-ва и «Краткое описание древних сооружений», находящихся на нем (Архив ГИКЗ ХТ, д. 570). На этих планах обозначено местоположение и проставлены номера усадеб, нанесены следы древних дорог. Н. М. Янышев попытался нанести на план также следы древних стен, видимых в северо-западной части хоры, но очертания основных участков на этой карте теряются среди остатков стен внутренней размежевки, а направление магистральных дорог на его плане не прослеживается [11, с. 9]. Все это умаляет значение работ, проведенных Н. М. Янышевым, но важно то, что к описанию каждой усадьбы он приложил сделанную от руки картографическую привязку к хуторам и дорогам, что делает возможным определение точного местоположения древних строений.

В 1935 г. Е. В. Веймарном (1905–1990), тогда сотрудником Севастопольского музея краеведения, было сделано краткое описание усадеб, которые были обнаружены в ходе разведок музея на Гераклеяском п-ве (Архив ГИКЗ ХТ, д. 1404/1). Эти результаты были им затем обобщены в обстоятельном обзоре исследований, посвященных памятникам полуострова, подготовленном в ИИМК к печати в «Гераклеяском сборнике», но оставшемся до 2018 г. неопубликованным (Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2, д. № 452).

Е. Г. Суров в 1940 г. защитил диссертацию на тему «Виноградарство и виноделие в Херсонесе Таврическом», основные положения которой затем были отражены в специальной статье [21, с. 93–128]. В этой работе Е. Г. Суров подвел итог исследованиям на хоре и, помимо вопросов, связанных с виноделием, также рассмотрел историю исследования сельскохозяйственной территории Херсонеса, систему размежевания, время возникновения виноградников. Он впервые обратил внимание на схожесть фортификационных сооружений на перешейке Маячного п-ва и остатков укрепления, отмеченного П. С. Паласом в районе Мраморной балки, недалеко от Георгиевского монастыря [21, с. 212; 16, с. 98], что позволило говорить о существовании системы укреплений в разных частях хоры. Анализ всех известных к тому времени построек на сельской территории Херсонеса привел его к выводу, что они были хозяйственными комплексами херсонеситов, где велось не только выращивание, но и переработка винограда.





1 ΜΝΥΩΔΙΑΓΑΝΑΛΙΟΝΠΑΡΘΕΝΟΝ  
ΕΟΥΣΟΛΥΜΠΙΟΥΣΚΑΙΟΛΥΜΠΙΑΣ  
ΑΙΗΡΩΣΕΩΣΙΠΟΛΙΝΚΑΙΧΩΡΑΝ  
5 ΚΑΙΤΕΙΧΗΕΧΟΝΤΙΤΑΧΕΡΣΟΝΑΣΙ  
ΤΑΝΟΜΟΝΟΗΣΩΥΠΕΡΣΩΤΗΡΙΑΣ  
ΚΑΙΕΛΕΥΘΕΡΙΑΣΠΟΛΕΟΣΚΑΙΠΟΛΙ  
10 ΤΑΝΚΑΙΟΥΠΡΟΔΩΞΟΧΕΡΣΟΝΑΣΟΝ  
ΟΥΔΕΚΕΡΚΙΝΙΤΙΝΟΥΔΕΚΑΛΟΝΛΙΜΕ  
ΝΑΟΥΔΕΤΑΛΛΑΤΕΙΧΗΟΥΔΕΤΑΣΑΛ  
15 ΛΑΣΧΩΡΑΣΑΝΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΙΝΕΜΟΝ  
ΤΑΙΗΕΝΕΜΟΝΤΟΥΘΕΝΙΟΥΘΕΝΟΥΤΕΕ  
ΛΑΝΙΟΥΤΕΒΑΡΒΑΡΩΙΑΛΛΑΔΙΑΦΥΛΑ  
ΞΩΤΩΙΔΑΜΩΙΤΩΙΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝΟΥ  
20 ΔΕΚΑΤΑΛΥΞΩΤΑΝΔΑΜΟΚΡΑΤΙΑΝΟΥ  
ΔΕΤΩΙΠΡΟΔΙΔΟΝΤΙΚΑΚΑΤΑΛΥΟΝΤΙΕ  
ΠΙΤΡΕΥΩΟΥΔΕΣΥΓΚΡΥΥΩΑΛΛΑΕ  
ΞΑΓΓΕΛΩΤΟΙΣΔΑΜΙΟΡΓΟΙΣΤΟΙΣΚΑ  
25 ΤΑΡΟΛΙΝΚΑΙΡΟΛΕΜΙΟΣΕΣΟΥΜΑΙΤΩ  
ΕΡΙΒΟΥΛΕΥΟΝΤΙΚΑΙΠΡΟΔΙΔΟΝΤΙΗΑΦΙ  
ΣΤΑΝΤΙΧΕΡΣΟΝΑΣΟΝΗΚΕΡΚΙΝΙΤΙΝΗ  
ΚΑΛΟΝΛΙΜΕΝΑΗΤΑΤΕΙΧΗΚΑΙΧΩΡΑΝ  
30 ΤΑΝΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝΚΑΙΔΑΜΙΟΡΓΗΣΩ  
ΚΑΙΒΟΥΛΕΥΞΩΤΑΑΡΙΣΤΑΚΑΙΔΙΚΑΙΟΤΑ  
ΤΑΡΟΛΕΙΚΑΙΡΟΛΙΤΑΙΣΚΑΙΤΟΝΣΕΣΤΗ  
ΡΑΤΩΙΔΑΜΩΙΔΙΑΦΥΛΑΞΩΚΑΙΟΥΚΕ  
35 ΧΦΕΡΟΥΜΕΗΣΩΤΩΝΑΡΟΡΡΗΤΩΝΟΥ  
ΘΕΝΟΥΤΕΡΟΤΙΕΛΛΑΝΑΟΥΤΕΡΟΤΙΒΑ  
ΒΑΡΟΝΟΜΕΛΛΕΙΤΑΜΡΟΛΙΝΒΛΑΡΤΕΙΝ  
ΟΥΔΕΔΩΡΕΑΝΔΡΕΩΟΥΔΕΞΟΥΜΑΙ  
40 ΕΡΙΒΛΑΒΑΙΡΟΛΕΟΣΚΑΙΡΟΛΙΤΑΝΟΥΔΕ  
ΕΡΙΒΟΥΛΕΥΞΩΔΙΚΟΝΠΡΑΓΜΑΟΥΘΕ  
ΝΙΟΥΘΕΝΤΩΜΡΟΛΙΤΑΝΤΩΜΗΑΦΕ  
ΣΤΑΚΟΤΩΝΟΥΔΕΤΩΙΕΡΙΒΟΥΛΕΥΟΝ  
45 ΝΙΑΛΛΕΙΣΑΓΓΕΛΟΚΑΙΡΠΙΝΩΨΑ  
ΚΑΤΑΤΟΥΣΕΝΟΜΟΥΣΟΥΔΕΣΥΝΩΜΟ  
ΑΝΣΥΝΟΜΟΥΜΑΙΟΥΤΕΚΑΤΑΤΟΥΚΟΙΝ  
ΤΟΥΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝΟΥΤΕΚΑΤΑΤΩΜ  
50 ΙΤΑΝΟΥΔΕΝΟΣΕΜΗΑΡΟΔΕΔΕΙΚΤΑ  
ΟΛΕΜΙΟΣΤΩΙΔΑΜΩΙΕΙΔΕΤΙΝΙΣΥΝ  
ΣΑΚΑΙΕΙΤΙΝΙΚΑΤΑΛΕΛΑΜΜΑΙΟΡ  
ΠΕΥΧΑΙΔΙΛΛΥΣΑΜΕΝΩΙΜΕΝΑΝ  
55 ΝΟΝΕΙΗΚΑΙΕΜΟΙΚΑΙΤΟΙΣΕΜΟΙΣΕΜΜΛ  
ΙΟΝΤΙΔΕΤΑΕΝΑΝΤΙΑΚΑΙΕΙΤΙΝΑΚ  
ΣΥΝΩΜΟΣΙΑΝΑΙΣΩΜΑΙΕΟΥΣΑΝ  
ΝΟΜΕΝΑΝΕΞΑΓΓΕΛΩΤΟΙΣΔΑΜ  
60 ΟΙΣΟΥΔΕΣΙΤΟΝΑΡΟΤΟΥΠΕΔΙΟΥΑ  
ΓΩΓΙΜΟΝΑΡΟΔΩΣΟΥΜΑΙΟΥΔΕΞΩ  
ΞΩΑΛΛΑΙΑΡΟΤΟΥΠΕΔΙΟΥΑΛΛΗ  
ΚΕΡΣΟΝΑΣΟΝΤΕΥΚΑΙΓΑΚΑΙΑΛΙΕ  
55 ΠΑΡΘΕΝΕΚΑΙΘΕΟΙΟΛΥΜΠΙΟΙΕΜΜΕΝ  
ΤΙΜΕΜΜΟΙΕΥΕΙΗΕΝΤΟΥΤΟΙΣΚΑΙΑΥ  
ΚΑΙΓΕΝΕΙΚΑΙΤΟΙΣΕΜΟΙΣΕΜΜΕΝ  
ΤΙΔΕΚΑΚΩΣΚΑΙΑΥΤΩΙΚΑΙΓΕΝΕΙΚΑ  
65 ΕΜΟΙΣΚΑΙΜΗΤΕΓΑΜΟΙΜΗΤΕΘΑ  
ΣΑΚΑΡΡΟΝΦΕΡΟΙΜΗΤΕΓΥΝ  
ΝΟΙΕΝΜΗΤΕΙ - ΙΓ - ΘΑΝΑΙ

Рис. 8. Присяга граждан Херсонеса (IosPE I<sup>2</sup>, 401). Плита из белого мрамора, украшенная сверху карнизом и фронтоном. Из собрания Херсонесского историко-археологического музея-заповедника.





Рис. 9. Херсонесская надпись IosPE I<sup>2</sup>, 403 с дополнениями. Из собрания Херсонесского историко-археологического музея-заповедника.

Научный сотрудник Херсонесского музея В. П. Лисин (1913–1942) (рис. 16), проводивший раскопки в 1937 г. между бухтами Камышевой и Омегой, внес существенные поправки в план древних межевых сооружений, отмеченных Тяпиным. В. П. Лисину также принадлежит заслуга первого полного археологического исследования усадьбы на хоре. В 1940 г. он подготовил диссертацию «Античные хозяйства в районе Камышовой бухты (I–IV в.)» (Архив ГИАЗ ХТ, ф. 1, д. 561. 1940 г.), которая, к сожалению, до войны не была опубликована и защищена, а в 1942 г. В. П. Лисин погибает в сражении на подступах к Севастополю. В своей диссертации В. П. Лисин впервые правильно определил, что «основной единицей планирования всей земельной площади был квадрат со сторонами 200 метров и площадью в 40 000 кв. метров. Возможно, такой квадрат

земли назывался в III веке до н. э. ἑκατέρυχος и являлся нормой земельного надела». Он также предложил методику расчетов нормы рабочей силы, урожайности зерновых культур и винограда, высказал важную мысль о концентрации земельной собственности и товарном характере виноградарства в Херсонесе. Все эти вопросы впоследствии были развиты С. Ф. Стржелецким [20].



*Рис. 10. Николай Михайлович  
Печенкин (1871–1918?).*



*Рис. 11. Лаврентий Алексеевич Моисеев  
(1882–1946).*

В послевоенные годы научный коллектив Херсонесского музея-заповедника предпринял огромные усилия, чтобы зафиксировать быстро исчезающие под современной застройкой драгоценные следы античной межевой системы. Существенно то, что в сферу внимания вошли не только основные, образующие, элементы системы, но и очень важные для характеристики хозяйствования детали внутреннего устройства участков. Силы исследователей были брошены в первую очередь на северные территории, которые подвергались самой срочной застройке. Разведками Гераклеяской экспедиции Херсонесского музея число выявленных усадеб увеличилось до 149 [20, с. 47].



*Рис. 12. Павел Петрович Бабенчиков (1882–1947) [по: 1, с. 57].*

В 1950-е гг. исследования на хоре проводились в основном под руководством С. Ф. Стржелецкого (1910–1969) (рис. 17), который готовил материалы для своей диссертации, инициированной В. Д. Блаватским [10, с. 109]. В 1953 г. сотрудникам Херсонесского музея удалось проверить на местности общее направление межевых стен, отмеченных на карте Тяпина, путем ее увеличения на участках в районе Круглой бухты [20, с. 15, прим. 5]. С. Ф. Стржелецким был составлен и опубликован общий план размежевания 35 наделов в районе Круглой и Камышевой бухт и детальные планы участков 10, 11, 20, 25, 26 [20, рис. 19–20, 22–26]. Позднее, в 1960-е гг., он совместно с А. Н. Щегловым, Г. М. Кутыкиной (Николаенко) и Е. Н. Жеребцовым провел подобные работы в южной части Маячного п-ва и в северной части Гераклеяского п-ва. Была произведена детальная натурная съемка внутреннего устройства более 80 земельных участков с помощью землемерной ленты, компаса и буссоли в масштабе 1:1000 (рис. 18,а). В настоящее время чертежи, выполненные тушью на кальке, с подписями Г. М. Николаенко и Е. Н. Жеребцова хранятся в научном архиве ГХИАЗ «Херсонес Таврический».



*Рис. 13. Первый коллективный фотоснимок сотрудников Севастопольского музея краеведения. В первом ряду сидят слева направо: В. Чепелев, Б. Берлин, П. П. Бабенчиков, В. П. Бабенчиков, Н. Софронова, С. Казарновская, Р. Финкель; во втором ряду – Г. Миронов, И. Каждан, Н. Фишер, А. Троценко, Н. Бельская. 1923 г. [по: 1, с. 32].*

На базе материалов изучения внутреннего межевания участков, полученных С. Ф. Стржелецким, В. Д. Блаватский провел подсчеты земли, отводившейся под различные сельскохозяйственные культуры, и, используя данные Катона, – рабочей силы, которая необходима для обработки участков [4, с. 60, 163].

На основании детального анализа пяти клеров на участке между Камышевой и Круглой бухтами исследователь подметил присутствие квадратного модуля с длиной стороны 52,5–53,0 м, который можно проследить на всех наделах, а также общее деление для многих стандартных наделов на квадраты 210х210 м, хотя не сделал дальнейших выводов относительно важности этих величин площадей для понимания структуры межевой системы и величины стандартных участков. С. Ф. Стржелецкий последовал за В. Д. Блаватским и сделал неправильный вывод о том, что в основе измерения площади лежит аттическая оргия (1,77 м) и что «гекаторюг равен сотне квадратных оргий»<sup>1</sup>, то есть  $3,4225 \times 100 = 342,25$  кв. м.

---

<sup>1</sup> Правильное определение *гекаторюга* – квадрат со стороной в сто оргий [17, с. 315–321].





*Рис. 14. Константин  
Эдуардович Гриневич (1891–1970).*



*Рис. 15. Николай Михайлович Янышев  
(1859–1938).*

Помимо этого, С. Ф. Стржелецким был специально рассмотрен вопрос о форме земельной собственности в Херсонесе, для чего он вслед за В. Д. Блаватским привлекает надпись конца IV – начала III вв. до н. э. – государственный акт (IosPE I<sup>2</sup>, 403). Эта надпись свидетельствует о быстрой концентрации земли в руках землевладельческой знати [20, с. 53]. Подмеченный факт был подкреплён полевыми наблюдениями автора в районе Круглой и Камышевой бухт. Так, в III и II вв. до н. э. здесь находилось 35 участков с усадьбами на каждом из них, а в первых веках на этих же участках функционировало только 15 усадеб, хотя участки все еще продолжали обрабатываться.

По мнению С. Ф. Стржелецкого, с самого начала размежевания сельскохозяйственной территории существовало две основных группы частной земельной собственности: средняя и мелкая, а также государственная собственность на землю, выделенную в общее пользование (выгоны для скота, участки, непригодные для обработки, заросшие лесом и т. п.) [20, с. 54].

С. Ф. Стржелецкий детально рассмотрел два основных и взаимосвязанных вопроса организации территории каждого клера: его размежевание и распределение

площади между сельхозкультурами. На примере пяти участков он изучил зависимость внутреннего расположения культур от сторон света, экспозиционных, рельефных и микропочвенных условий, поставил вопрос о применении двупольной системы выращивания зерновых [20, с. 64–65]. По мнению ученого, виноград являлся основной культурой на всех рассмотренных наделах, поэтому С. Ф. Стржелецкий особенно детально проследил технику виноградарства в Херсонесе III–II вв. до н.э. : организацию территории виноградника, посадку, выращивание и уход за лозой, обработку собранного винограда, производство вина [20, с. 66–79]. Им был раскрыт товарный характер земледелия на участках Гераклеяского п-ва, специализирующегося на виноградарстве [20, с. 153].



*Рис. 16. Василий Петрович Лисин  
(1913–1942).*



*Рис. 17. Станислав Францевич  
Стржелецкий (1910–1969).*

Позднее, в 1969–1983 гг., собрание детальных натуральных чертежей дополнили профессионально выполненные сотрудником Херсонесского музея Е. Н. Жеребцовым (род. 1929 г. – ?) (рис. 19) топопланы участков 49, 52, 53, 55, 61 на юге Маячного п-ва, а также участков 10, 11, 35, 80, 131 (рис. 18,б), 136–138, 140, 141, 146, 147, 402, 198, 380, 402 на Гераклеяском п-ве, построенные с помощью полевых

инструментальных обмеров на основе крупномасштабной карты [8, рис. 1–5; 9, рис. 2–5; 28]. Этим Е. Н. Жеребцов сделал важный вклад в фиксацию и изучение подробной структуры участков. Его план участка № 11 более соответствует действительности, чем несколько идеализированный план С. Ф. Стржелецкого (ср. рис. 20, а, б). Е. Н. Жеребцов сделал вывод о том, что земля на Маячном п-ве размежевана на более крупные, чем считали В. Д. Блаватский, С. Ф. Стржелецкий и А. Н. Щеглов, участки. Е. Н. Жеребцов предполагал, что на Маячном п-ве было всего 22 крупных земельных надела. Он также отвергал мнение Н. М. Печенкина о том, что в IV в. до н. э. на Маячном п-ве располагалось около 100 усадеб, и показал, что в действительности это были постройки разного времени и назначения [9, с. 44].

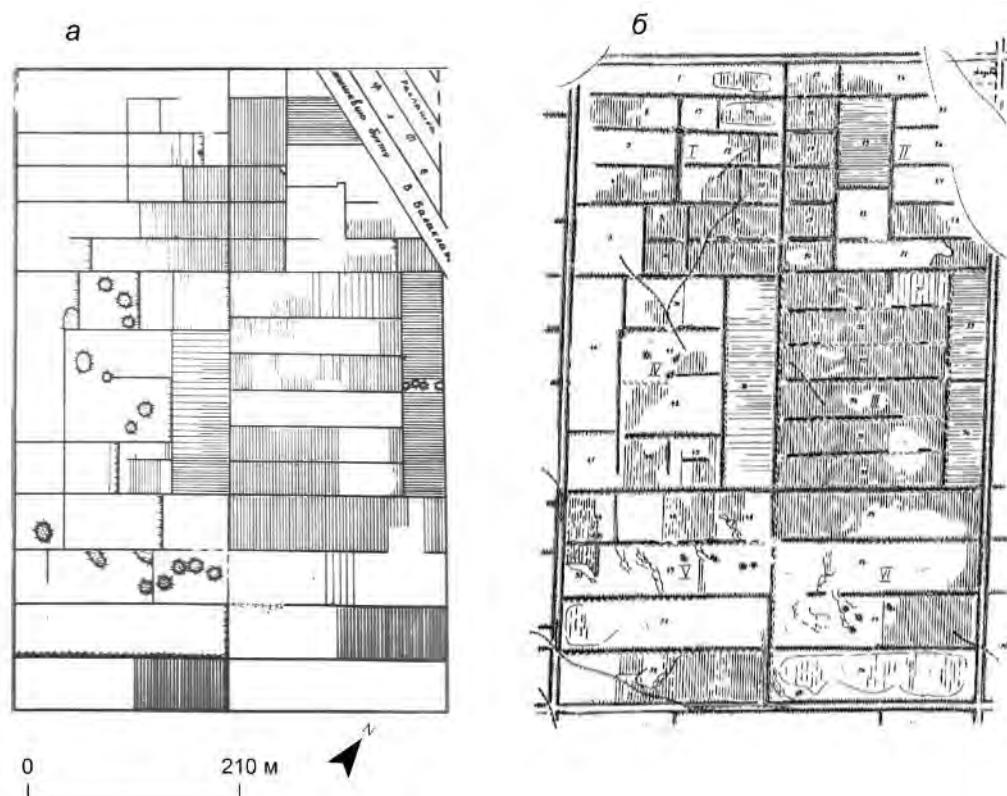


Рис. 18. План блока № 131. А – чертеж, выполненный Г. М. Николаенко. Из архива ГИАМЗ ХТ; б – чертеж Е. Н. Жеребцова [по: 28, Fig. 36].

Е. Н. Жеребцов детально рассмотрел структуру нескольких наделов на Гераклеюм п-ве и сделал выводы относительно их внутренней структуры. Он подчеркнул многообразие методов плантажного строительства, которое выявляется даже на виноградниках одного и того же участка. Это отражается и во внешних признаках плантажа, который иногда представляет собой сеть мощных заборов и

террас, в наши дни все еще возвышающийся над землей на высоту 1,5–2 м, а в других случаях читается только по полосам разреженной травы над плантажными стенами [7; 8, с. 24]. Ему также принадлежит наблюдение о том, что криволинейные очертания внутренних стен участков совершенно несвойственны агротехническим сооружениям эллинистического времени, и поэтому они могут являться верным признаком использования и перепланировки участков в позднеантичное и раннесредневековое время [8, с. 21].



*Рис. 19. Евгений Николаевич Жеребцов (1929–?). Фото 1954 г.*

Согласно исследованиям Е. Н. Жеребцова, виноградники сооружались двумя существенно разными методами. Согласно первому, виноградник разбивался на всем участке, плантаж через каждые 50 м пересекался перпендикулярными по отношению к плантажу дорогами 3–5 м шириной. При этом террасирования не делалось, и поверхность виноградника сохраняла особенности рельефа местности. В случае применения второго метода ширина виноградников была всегда одинакова внутри стандартного участка – 52,5 м, а террасирование производилось с помощью продольных заборов [8, с. 24, 25]. Основное различие между этими методами состоит в замещении дорог крепидами террас. При первом методе весь подпочвенный камень, не вместившийся в плантажные стены, уходил на строительство внешних заборов. При втором методе излишки камня складывались в заборы, идущие параллельно границам квадратов со стороной 52,5 м. Первый метод имел преимущество свободного движения по винограднику, зато строительство второго вида плантажей



обходилось гораздо дешевле. Возможно, при выборе метода сооружения плантажей принимались во внимание локальные геологические особенности местности. Руководство работ, вероятно, осуществлялось не самими владельцами участков, а специальными агрономами-профессионалами, в противном случае методов устройства плантажей и внутренней разбивки участков было бы гораздо больше.

Несмотря на важные достижения археологической картографии в области фиксации остатков системы античного размежевания, поистине новая эра в исследованиях хоры Херсонеса наступает только в 1970–1980-е гг., когда исследователи получили доступ к материалам детальной аэрофотосъемки. Информационные возможности этого вида дистанционного исследования на порядок превышают по точности и достоверности данные натурных обмеров и съемок. Этот период исследований будет освещен в нашей следующей статье.

#### Список использованных источников и литературы

1. Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / Под ред. А. А. Непомнящего. – Киев; Симферополь: Антикава, 2012. – 120 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения». Вып. 17).  
Akimchenkov V. V. «Akademiya v miniatyure»: Sevastopol'skii muzei kraevedeniya (1923–1939). – Kiev–Simferopol': Antikva, 2012. – 120 s. (Biobibliografiya krymovedeniya. Vol. 17).
2. Белов Г. Д. Херсонес Таврический. – Л., 1948. – 147 с.  
Belov G. D. Khersones Tavricheskii. – Leningrad, 1948. – 147 s.
3. Бертъе-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1888. – Т. XIV. – С. 166–279.  
Bert'e-Delagard A. L. Ostatki drevnikh sooruzhenii v okrestnostyakh Sevastopolya i peshchernye goroda Kryma // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. – Odessa, 1888. – Т. XIV. – С. 166–279.
4. Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 208 с.  
Blavatskii V. D. Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya. – Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1953. – 208 s.
5. Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. – М. –Л., 1955. – С. 23–147.  
Gaidukevich V. F. Istoriya antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya // Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya: Ocherki istorii i kul'tury. – Moskva–Leningrad, 1955. – С. 23–147.
6. Гриневич К. Э. Исследование подводного города близ Херсонесского маяка. М. 1931. 60 с.  
Grinevich K. E. Issledovanie podvodnogo goroda bliz chersonesskogo mayaka. – M., 1931. – 60 s.
7. Жеребцов Е. Н. Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV–I вв. до н. э. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1976. – Вып. 145. – С. 14–18.  
Zherebtsov E. N. Novye dannye k agrarnoi istorii Khersonesa IV–I vv. do n.e. // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1976. – Vol. 145. – С. 14–18.
8. Жеребцов Е. Н. Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклеяского полуострова // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1981. – Вып. 168. – С. 17–26.  
Zherebtsov E. N. Nekotorye rezul'taty sravnitel'nogo izucheniya klerov Geraklejskogo poluostrova // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1981. – Vol. 168. – С. 17–26.
9. Жеребцов Е. Н. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1985. – Вып. 182. – С. 38–45.  
Zherebtsov E. N. Materialy k periodizatsii antichnykh pamyatnikov Mayachnogo poluostrova // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1985. – Vol. 182. – С. 38–45.
10. Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005). – Симферополь, 2009. – 495 с. (Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Suppl. 6).

- Zubar' V. M. Letopis' arkheologicheskikh issledovaniy Khersonesa–Khersona i ego okrug (1914–2005). – Simferopol', 2009. – 495 s. (Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii. Suppl. 6).
11. Кругликова И. Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1981. – Вып. 168. – С. 9–16.
- Kruglikova I. T. Zemel'nye nadely khersonesitov na Gerakleiskom poluostrove // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR. – 1981. – Vol. 168. – S. 9–16.
12. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1891–1891 гг. – СПб.: Императорская Археологическая комиссия, 1892. – 64 с. (Материалы по археологии России. № 9. Древности южной России).
- Latyshev V. V. Grecheskie i latinskie nadpisi, naidennye v yuzhnoi Rossii v 1891–1891 gg. – Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya, 1892. – 64 s. (Materialy po arkheologii Rossii. № 9. Drevnosti yuzhnoi Rossii).
13. Моисеев Л. А. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском п-ве // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь, 1926. – Вып. IX. – С. 115–122.
- Moiseev L. A. Sledy irrigatsii, melioratsii i vodosnabzheniya drevnego Khersonesa na Gerakleiskom p-ve // Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelei i lyubitelei prirody. – Simferopol', 1926. – Vol. IX. – S. 115–122.
14. Николаенко Г. М. Фр. Дюбуа де Монпере о сельских усадьбах на Гераклейском полуострове // Херсонесский сборник. – Севастополь, 1999а. – Вып. X. – С. 107–120.
- Nikolaenko G. M. Fr. Dyubua de Monpere o sel'skikh usad'bach na Gerakleiskom poluostrove // Khersonesskii sbornik. – Sevastopol', 1999a. – Vol. X. – S. 107–120.
15. Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Ч. 2. – Севастополь, 2001. – 164 с.
- Nikolaenko G. M. Khora Khersonesa Tavricheskogo. Zemel'nyi kadastr IV–III vv. do n.e. Ch. 2. – Sevastopol', 2001. – 164 s.
16. Паллас П. С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // Записки Одесского общества истории древностей. – Одесса, 1881. – Т. 12. – С. 62–208.
- Pallas P. S. Puteshestvie po Krymu akademika Pallasa v 1793 i 1794 godakh // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. – Odessa, 1881. – T. 12. – S. 62–208.
17. Смекалова Т. Н., Терехин Э. А., Пасуманский А. Е. Реконструкция античной системы межевания хоры Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования // Вестник древней истории. – 2018. – № 2. – С. 306–332.
- Smekalova T. N., Terekhin E. A., Pasumanskii A. E. Rekonstrukciya antichnoi sistemy mezhevaniya khory Khersonesa Tavricheskogo s ispol'zovaniem metodov distantsionnogo zondirovaniya // Vestnik drevnei istorii. – 2018. – № 2. – S. 306–332.
18. Соколов Ф. Ф. Рец.: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti. Volumen IV. 1885. Edidit B. Latyshev. Petropoli, 1901 // Журнал Министерства народного просвещения. – 1902. – Ноябрь. – С. 225–231.
- Sokolov F. F. Rec.: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti. Volumen IV. 1885. Edidit B. Latyshev. Petropoli, 1901 // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1902. – Noyabr'. – S. 225–231.
19. Соломоник Э. И., Николаенко Г. М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (к IOSPE I<sup>2</sup>, 403) // Вестник древней истории. – 1990. – № 2. – С. 79–99.
- Solomonik E. I., Nikolaenko G. M. O zemel'nykh uchastkakh Khersonesa v nachale III v. do n.e. (k IOSPE I<sup>2</sup>, 403) // Vestnik drevnei istorii. – 1990. – № 2. – S. 79–99.
20. Стржеleckий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. – Севастополь, 1961. – Вып. VI. – С. 1–247.
- Strzheleckii S. F. Klery Khersonesa Tavricheskogo // Khersonesskii sbornik. – Sevastopol', 1961. – Vol. VI. – S. 1–247.
21. Суров Е. Г. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. – 1942. – Т. XXVIII, вып. 1. – С. 93–128.

Surov E. G. K istorii vinogradarstva i vinodeliya v Khersonese Tavricheskom // Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V. I. Lenina. – 1942. – T. XXVIII, vol. 1. – S. 93–128.

22. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – первая половина XIX вв.). – СПб.: Наука, 2002. – 676 с.

Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – pervaya polovina XIX vv.). – Sankt-Peterburg: Nauka, 2002. – 676 s.

23. Щеглов А. Н. Первые археологические карты Гераклейского полуострова (к истории археологической топографии) // Проблемы истории отечественной археологии. – СПб., 1993а. – С. 51–53.

Shcheglov A. N. Pervye arkheologicheskie karty Geraklejskogo poluostrova (k istorii arkheologicheskoi topografii) // Problemy istorii otechestvennoi arkheologii. – Sankt-Peterburg, 1993. – S. 51–53.

24. Щеглов А. Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993б. – С. 10–38.

Shcheglov A. N. Osnovnye strukturnye elementy antichnoi mezhevoi sistemy na Mayachnom poluostrove (Yugo-Zapadnyi Krym) // Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma. – Simferopol': Tavriya, 1993. – S. 10–38.

25. Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепления на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь, 1994. – С. 8–42, 295–310.

Shcheglov A. N. «Staryi» Khersones Strabona. Ukrepleniya na peresheike Mayachnogo poluostrova: topografiya i fortifikatsiya // Problemy istorii i arkheologii Kryma. – Simferopol', 1994. – S. 8–42, 295–310.

26. Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Vol. II. – London: T. Cadell and W. Davies, 1810.

27. Dubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Armenia et en Crimée. 6 vol. – Paris, 1840–1843.

28. Zharebtzoff E. N. Rural allotments of Khersonesos in the 4th–3rd centuries B.C. on the Herakleian peninsula // Saprykin S. Ju. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990). – Amsterdam, 1994. – P. 121–147.

#### **Smekalova T. N. History of investigations on the chora of Tauric Chersonesos in 1783–1960**

The ancient system of land division at the nearer chora of Chersonesos is a very important archaeological source on the economic, social and political history of early democratic state. The significance of this site has been recognized by the world scientific community: since 2013, Chersonesos and its rural territory are included into the UNESCO list of World Heritage Sites. Still as early as the beginning and middle of the 20th century, the remains of the ancient Greek land division system on the Herakleian and Mayachny peninsulas were unique ones within the entire Mediterranean and Black Sea region in terms of their state of preservation. By now, this reference site is considerably disturbed in the course of the military and economic development of Sevastopol. Therefore, in our days, archive materials concerned with field archaeological investigations conducted here until the 1950s, topographic records and maps of the land plots and farmhouses present one of the most important sources for studies of the ancient system of land division at the Chora of Tauric Chersonesos.

**Keywords:** Tauric Chersonesos, Herakleian peninsula, chora, ancient system of land division, history of investigations of the nearer chora.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

|                                              |                                                                                                                                                                                                                                         |
|----------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <b>Задерейчук<br/>Алла Анатольевна</b>       | кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).                                                 |
| <b>Задерейчук<br/>Иван Панасович</b>         | кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Симферополь, Российская Федерация). |
| <b>Коскова<br/>Анна Сергеевна</b>            | аспирант кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).                                                                                             |
| <b>Манаев<br/>Александр Юрьевич</b>          | кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).                                                                             |
| <b>Непомнящий<br/>Андрей Анатольевич</b>     | доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).                                   |
| <b>Орехов<br/>Владимир<br/>Викторович</b>    | доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).                                          |
| <b>Орехова<br/>Людмила<br/>Александровна</b> | доктор филологических наук, профессор русского, славянского и общего языкознания Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).                                                      |
| <b>Раздорский<br/>Алексей Игоревич</b>       | кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).                                                      |

|                                         |                                                                                                                                                                                                                   |
|-----------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <b>Романько<br/>Олег Валентинович</b>   | доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).                                                      |
| <b>Смекалова<br/>Татьяна Николаевна</b> | доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация). |
| <b>Щевелев<br/>Сергей Стефанович</b>    | доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).                               |

## СОДЕРЖАНИЕ

### **Задерейчук А. А., Задерейчук И. П.**

Василий Васильевич Новицкий – на службе России..... 3

### **Коскова А. С., Щевелев С. С.**

Антонио Грамши: актуальность и особенности интеллектуального  
наследия итальянского мыслителя..... 18

### **Манеев А. Ю.**

Мемориализация событий Великой Отечественной войны в Крыму:  
памятникоохранный аспект (1944–1991) ..... 25

### **Непомнящий А. А.**

Алексей Башкиров в крымоведаческих коммуникациях  
первой трети XX столетия..... 40

### **Орехов В. В.**

Парижская «Записка...» о Керчи Рафаила де Скасси..... 84

### **Орехова Л. А.**

Профессор В. Н. Мигирин в истории Крымского педагогического  
института (1939–1971)..... 105

### **Раздорский А. И.**

Русский кабак XVII – первой половины XVIII в. в отечественной  
и зарубежной историографии..... 124

### **Романько О. В.**

Нацистская оккупационная политика на территории Крыма (1941–1944):  
историография проблемы..... 140

## СОДЕРЖАНИЕ

---

**Смекалова Т. Н.**

История исследования хоры Херсонеса Таврического  
в 1783–1960-е гг. .... 149

**Сведения об авторах** ..... 170